

Глава 23

Католический ответ экуменизму

После изучения данной главы студент должен:

знать

- состояние католической церкви в первой трети XX в.;
- условия функционирования и деятельность католической церкви в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы;
- причины созыва, деяния и историческое значение II Ватиканского собора;
- содержание литургической реформы и ее последствия для организационного единства католической церкви;
- положение католической церкви в условиях глобализации;
- позицию католической церкви в отношении Всемирного совета церквей;

уметь

- с учетом ранее изученного материала сформулировать причины и описать методы борьбы с католическим модернизмом в рамках католической церкви;
- с учетом ранее изученного материала сформулировать исторические предпосылки и причины развития идей «аджорнаменто»;
- сформулировать и обосновать определение понятия «глобализация»;

владеть

- основами количественного анализа исторических процессов.

§ 1. Попытки адаптации в секуляризирующемся мире: оппозиция католическому модернизму

1. Католическая церковь и секулярное общество. Понтификаты пап Льва XIII (1878–1903), Пия X (1903–1914), Бенедикта XV (1914–1922), Пия XI (1922–1939) и Пия XII (1939–1958) проходили под знаком абсолютного верховенства римского первосвященника, которое было утверждено в категорической форме догмата о непогрешимости.

Однако первые три из поименованных пап не имели светской власти, находясь, как и Пий IX, на положении «узников Ватикана». «Ватиканское пленение» продолжалось почти 60 лет, пока *Латеранскими соглашениями* 1929 г. не был определен государственный суверенитет и нейтральный статус «Града Ватикана».

Первый преемник Пия IX, папа Лев XIII, среди задач своего понтификата выделял, в первую очередь, исправление тех ошибок, которые были допущены при предыдущем папе: необходимо было наладить контакт с обществом и властями, а также принять меры по внутреннему совершенствованию католической церкви. Именно решению этих проблем были посвящены основные труды папы (он издал 88 энциклик – много больше, чем любой из его преемников или предшественников).

Последовательно продолжая заложенную его предшественником линию на полную независимость и суверенитет Святого престола в качестве

Б. Муссолини и кардинал-государственный секретарь П. Гаспарри подписывают Латеранские соглашения. 1929 г.

политической единицы, Лев XIII разрабатывает новую модель отношений общества, власти и церкви. Эта модель признает буржуазное государство, декларируемые им права и свободы граждан и не подразумевает каких бы то ни было особых симпатий к монархии как к наилучшей форме правления.

Папа отказывается от идеи конфликта церкви с государством и обществом; напротив, он видит перспективу в их сближении, исходя из идеи о церкви и государстве как неотъемлемых частях общего мирового порядка. Выдвигается тезис, что католическая церковь и государство должны действовать сообща и в согласии друг с другом. При этом церковь ставится в положение связующего звена между классами с задачей их объединять и напоминать каждому из них о взаимных обязанностях.

Папа признает любые формы государства и политических систем, правда, с существенной оговоркой: только те, которые соответствуют принципам справедливости и разумности, действуют в рамках законности, уважают религию и неприкосновенность прав католической церкви. Граждане, со своей стороны, обязаны почитать власть, исполнять законы, воспитывать в себе чувство патриотизма, уважать церковь как свое духовное отечество.

Важные социально-политические проблемы были подняты Львом XIII, помимо упоминавшейся энциклики *Rerum novarum*, также в энцикликах *Immortale Dei* (1 ноября 1885 г.), в которой речь шла об основных политических проблемах, сущности государства и отношениях церкви и государства, и *Libertas praestantissimum* (22 июня 1888 г.), где обсуждалась проблема свободы – «драгоценнейшего дара Бога человеку».

Ватикану, однако, не удалось удержать христианское демократическое движение вне политической сферы: оно стремительно политизировалось.

2. Унионизм и Оксфордское движение. Экуменические усилия Льва XIII заканчивались неудачно для самой экуменической идеи, хотя в ряде случаев, высказывая свои суждения, папа имел для них серьезные канонические основания.

Папа Лев XIII

Так, папа поддержал было первые попытки диалога с представителями других конфессий. Большие надежды (в унионистском, правда, плане) возлагались на беседы между французским священником Порталем и англиканином лордом Галифаксом. В 1895 г. папа создал комиссию для богословского изучения вопросов, затронутых в этих беседах.

Время для диалога, казалось бы, было весьма благоприятным. Среди англикан, принадлежащих к Высокой церкви (*High Church*), с 1830-х годов возникло так называемое *Оксфордское движение* (также – трактарианцы¹, ньюманиты или пьюсеанцы), дрейфовавшее в сторону католицизма.

Члены движения, а в него входили, в частности, такие известные фигуры, как Джон Генри Ньюман (1801–1890); оксфордские профессора поэтики Джон Кебл (1792–1866) и его ученик Айзек Уильямс (1802–1865); проф. Крайст-Черч-колледжа в Оксфорде Эдвард Боувэри Пьюси (1800–1882); англиканский священник Чарльз Марриотт (1811–1858), известный, в частности, как издатель трудов святых отцов; англиканский священник Ричард Харрелл Фроуд (1803–1836), архидиакон в Ист Ридинге в Йоркшире Роберт Айзек Уилберфорс (1802–1857), позже перешедший в католичество; англиканский диакон из Дарэма Уильям Палмер (1811–1879), в 1840 г. посетивший Россию в поисках объединения Англиканской церкви с Православной российской, однако, неприятно пораженный перспективой повторного крещения, перешел все же в католичество, и др., выступали за восстановление традиционных аспектов христианской веры, утерянных в ходе истории, и их включение в англиканскую литургию и богословие, так как считали, что церковь стала «слишком простой».

Непосредственным импульсом для движения стала секуляризация церкви, фокусом которой стало решение правительства сократить до 10 количество ирландских епископов в Церкви Ирландии (в соответствии с Актом о Реформе 1832 г.). Дж. Кебл в Оксфорде в 1833 г. обрушился с критикой на это предложение, назвав его «национальной изменой» (*Assize Sermon*); эта его проповедь стала первым импульсом к созданию Оксфордского движения.

Члены движения обращаются к богословским первоисточкам христианства: было начато издание переводов отцов Церкви – «Библиотека отцов» (*Library of the Fathers*), в итоге составившее 48 томов; были опубликованы также некоторые оригинальные тексты на греческом и латыни.

Лидеры движения критиковали либерализм в богословии. В недрах Оксфордского движения родилась «теория ветвей», согласно которой Англиканская церковь является одной из трех ветвей «Кафолической Церкви Христовой» вместе с католической и православной. Интерес лидеров движения к истокам христианства вел к пересмотру отношений между Церковью Англии и Римской католической церковью. В 90-м, последнем, трактате Ньюман утверждает, что учение католической церкви, сформулированное Тридентским собором, совместимо с 39-ю статьями вероисповедания Церкви Англии XVI в. За этот «филороманизм» Оксфордское движение подвергалось острой критике.

Движение начало оказывать влияние на богословие и практику Церкви Англии. Под его влиянием были организованы англиканские религиозные ордены (мужские и женские), восстановлен ряд монастырей и центров паломничества (например, англиканская часовня Богоматери Уолсингемской в Восточной Англии). Активно развивалось традиционное отношение к богослужению (включая использование торжественных богослужебных облачений и даже некоторых католических практик) в стремлении привнести более сильный эмоциональный символизм и энергию в церковь. Постепенно Евхаристия вновь становится центром богослужебной жизни.

Дж. Г. Ньюман. Рисунок. 1824 г.
Церковь в Овер Уортон

¹ По серии публикаций *Tracts for the Times* (1833–1841).

Дж. Эверетт Милле. Портрет кардинала Ньюмана. 1881 г.
Лондон, Национальная портретная галерея

Дж. Ф. Уоттс. Портрет кардинала Мэннинга. 1882 г.
Лондон, Национальная портретная галерея

Частично из-за того, что епископы не обеспечивали священников-трактарианцев жильем, они заканчивали свою жизнь, работая в трущобах, и использовали это для распространения критики британской политики на местном и национальном уровнях.

В 1845 г. англиканский священник, блестящий проповедник, богослов и публицист Ньюман – одна из знаковых фигур тогдашней Церкви Англии – переходит в католицизм; позже, в 1879 г., он получает кардинальскую шапку как кардинал-диакон от Сан Джорджо аль Велабро (позже – кардинал-протодиакон). В 1851 г. в католицизм переходит чичестерский архидиакон, один из столпов англиканизма и лидеров трактарианства Генри Эдвард Мэннинг (1808–1892), также будущий кардинал – от Сант’Андреа э Грегорио аль Монте Челио (с 1875 г.; кстати, он участвовал в конклаве, избравшем Льва XIII), – он никогда не был в прямых взаимоотношениях с Ньюманом, однако ряд его публикаций вполне солидарен с идеями Оксфордского движения. Эти конверсии оказали большое влияние и на Оксфордское движение, и на Церковь Англии в целом.

Именно в такой деликатной ситуации папа Лев XIII в булле *Apostolicae curae* (15 сентября 1896 г.), призывая англикан к примирению и возвращению в лоно католической церкви, утверждает совершенную недействительность англиканского рукоположения (высказываются мнения, что это было сделано под давлением богословской комиссии). В ответ в феврале 1897 г. он получает послание *Saepius officio*, подписанное архиепископом Кентерберийским Фредериком Темплом (1896–1902) и архиепископом Йоркским Уильямом Маклаганом (1891–1908), в котором дезавуируются его собственные аргументы.

3. Унионизм и восточные христиане. В антимасонской энциклике *Praeclara gratulationis publicae* (20 июня 1894 г.) Лев XIII призвал христиан Востока, принадлежавших к православным церквам, и отдельно славян к «миру и примирению», к «единству веры» под верховной властью римского понтифика в лоне Римской церкви, которая есть «образ Истинной Церкви», при сохранении их прав, привилегий чести восточных патриархов и традиционной обрядности.

Вселенский патриарх Анфим VII (1895–1897) с синодом ответил на эти призывы *Окружным посланием* (август 1895 г.), в котором в 25 тезисах богословски и исторически опровергал папские доводы и, в свою очередь,

призывал уже западных христиан оставить римские заблуждения и войти в истинную Церковь – Церковь православную.

«Священное искреннее желание святой соборной православной апостольской Церкви Христовой – чтобы отделившиеся от нее церкви опять соединились с ней в одном правиле веры; без такого единения в вере не может быть и вождельного единения церквей. Если же это так, то мы, поистине, недоумеваем, как папа Лев XIII, признающий и сам означенную истину, допускает явное самому себе противоречие, с одной стороны, заявляя, что истинное единение заключается в единстве веры, с другой – что каждая церковь и после соединения может сохранить свои литургические и канонические определения, хотя бы эти последние и отличались от определений папской церкви, как это видно из позднейшей энциклики самого папы от 30 ноября 1894 года. Но какое это будет единение, когда в одной и той же церкви

Вселенский патриарх Анфим VII

один станет веровать, что Дух Святой исходит от Отца, другой – что Дух Святой исходит от Отца и Сына, один будет крестить в три погружения, другой – обливать, один – употреблять квасной хлеб в таинстве Божественной Евхаристии, другой – опресноки, один будет преподавать народу и чашу, другой – только святой хлеб, и т.п. Что побуждает папу допускать такое разногласие, уважение ли к евангельским истинам Святой Церкви Христовой, косвенная ли с его стороны уступка и признание этих истин, или что другое, сказать не можем».

Еще одна неправота папы, указываемая греками, состоит в том, что он, «оставив путь убеждения и рассуждений, начал к общему изумлению и недоумению привлекать в свои сети более простых православных христиан через посредство *лукавых делателей* (2 Кор. 2, 13), посылает на восток своих духовных лиц, носящих одежду православных иереев, и замышляет многие другие коварные меры для достижения своих прозелитских целей».

«Христолобивые народы славных стран Запада! – обращается греческая церковь к католическому миру. – Мы радуемся, видя вашу ревность о Христе, проистекающую из правильного убеждения, что без веры во Христа *невозможно угодить Богу* (Евр. 11, 6). Но всякому благоразумному человеку известно, что спасительная во Христа вера прежде всего должна быть вполне правою и согласно с Священным Писанием и апостольским Преданием, на которых зиждется учение божественных отцов и семи богособранных Вселенских соборов. Известно, далее, что и единая Христова Церковь, хранящая в своих недрах как бы некое божественное завещание, эту спасительную, единую, правую и чистую веру в том виде, как она с самого начала преподаана и богоносными отцами в течение девяти первых веков богодухновенно раскрыта и изложена, – она именно есть единая и навсегда одна и та же, а не та, которая подвергается изменениям в зависимости от текущего времени. Ибо евангельские истины отнюдь не допускают изменения или постепенного совершенствования, как это бывает с различными философскими учениями: *Иисус Христос вчера и днесь той же, и во веки* (Евр. 13, 8) (...) западная церковь, с IX века и после, ввела у себя чрез папство разные еретические учения и новшества и таким образом отделилась и удалилась от истинной православной Христовой Церкви. Посему необходимо вам обратиться и придти опять к древнему и неповрежденному церковному учению, чтобы достигнуть вечного спасения во Христе (...) удаляйтесь от этих превратителей истины евангельской: *таковии бо Господеву нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву: иже благими словесы и благословением прельщают сердца незлобивых* (Рим. 16, 18). И возвратитесь, наконец, в недра единой святой и апостольской Церкви Божией, которая состоит из совокупности отдельных, по всему православному миру богонасажденных, как виноград, благопроизрастающих, неразрывно между собою единством общей спасительной веры во Христа, союзом мира и духом соединенных святых Божиих Церквей, чтобы и вам достигнуть вождельного во Христе спасения. И прославится тогда в нас преславное и пресвятое имя пострадавшего за спасение мира Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа».

4. Католическая церковь и общество Европы. В сложный исторический период, когда происходило нарастание секулярных антицерковных настроений на государственном уровне, Лев XIII приложил много дипломатических усилий, чтобы удержать статус католического епископата в европейских странах. Это было довольно сложно, учитывая, что предшественник Льва XIII оставил церковную политику в разлухе: отношения между католической церковью и гражданскими властями были либо прерваны, либо, в лучшем случае, очень далеки от конструктивности.

Неизвестный художник.
Портрет Папы Пия X. 1914 г.

Французских католиков, например, Лев XIII склонял (хотя и не очень успешно) к примирению с республиканским строем. Эта политика продолжалась и позднее – вплоть до момента принятия французским парламентом «Закона об отделении церкви от государства» (9 декабря 1905 г.), с которым не мог примириться Пий X, существенно обострив отношения апостольской столицы с Французской республикой; ценой папской непримиримости стало также значительное обнищание французского духовенства.

Более удачным было германское направление политики Льва XIII. После ряда сложных переговоров в 1887 г. был заключен *modus vivendi* между церковью и Германской империей: некоторые прусские антицерковные законы были смягчены, на кафедры начали назначаться епископы, часть высланных епископов получила разрешение вернуться, а папе была предложена роль третейского судьи между Германией и Испанией. Бисмарк (решавший задачу использования католиков в своих политических интересах), вынужденный в некотором смысле пожертвовать частью позиций в своей *Kulturkampf*, получил орден Христа, папа трижды принимал кайзера Вильгельма II (в 1888, 1893 и 1903 гг.); отец императора, будучи еще кронпринцем, также нанес визит в Ватикан

(в 1883 г.). Папе удалось несколько улучшить положение католической церкви в Швейцарии (в особенности в Фичино, Ааргау и Базеле), но с Бельгией в 1880–1883 гг. возникла существенная напряженность, формальным поводом для которой послужил школьный вопрос.

После восшествия на престол Александра III (1881–1894) Ватикану удалось в 1883 г. добиться от России смягчения антикатолического законодательства: царское правительство согласилось допустить существование на территории Российской империи нескольких католических епископских кафедр. В то же время папа увещевал польских католиков быть законопослушными подданными Российской империи. В 1894 г. между Россией и Ватиканом были восстановлены дипломатические отношения. Хуже складывалась ситуация в Австрии, где правительство продолжало придерживаться идей иосифизма.

Дипломатическая активность не смогла, конечно, увеличить авторитет папства настолько, чтобы оно могло питать надежду на скорое восстановление папского государства. Однако она дала импульс к политической консолидации христианской демократии, которая повела энергичную борьбу с влиянием социализма и коммунизма в рабочей среде.

§ 2. Апостольский престол между двумя мировыми войнами

1. Ватиканская дипломатия в годы Первой мировой войны. Папа Пий X буквально в последние дни своей жизни фактически поддержал инициаторов Первой мировой войны. Как сообщал в июле 1914 г. баварский посол

в Ватикане фон Риттер, «папа одобряет резкий образ действий Австрии против Сербии», а кардинал-государственный секретарь надеется, «что на этот раз Австрия выдержит, и он не представляет себе, когда же, собственно, еще она могла бы вести войну, если и теперь она не решилась отразить с помощью оружия иностранную агитацию, которая (...) угрожает самому существованию Австрии». Другой посол, австриец граф Пальфи, доносит о сожалениях святого отца «по поводу того, что [в прошлом] Австро-Венгрия упустила возможность “наказать” своего соседа на Дунае». Таким образом, Ватикан был психологически вполне готов к мировой войне, хотя вряд ли мог предполагать ее масштабы и глобальные последствия.

Начало Первой мировой войны (1914–1918) практически совпало с началом нового понтификата: Джакомо делла Кьеза, всего три месяца как ставший кардиналом-протодиаконом, был избран новым папой на конклаве 3 сентября 1914 г. и принял имя *Бенедикта XV*. Ввиду нерешенности «римского вопроса» новый папа, как и два его предшественника, не преподал после избрания благословение *Urbi et Orbi* с балкона собора св. Петра и также в знак протеста отказался от церемонии вхождения в Латеранскую базилику.

Несомненно, доминантой нового понтификата стала Первая мировая война, которую папа называл «самоубийством Европы», и победа на волне военных событий социалистических революций в ряде стран Европы.

Первая же энциклика Бенедикта XV *Ad beatissimi Apostolorum* (1 ноября 1914 г.) содержала общие рассуждения о разрушениях и ужасах войны, об отсутствии любви между людьми, об упадке морали, о неуважении к властям, о борьбе классов. Общество распалось на борющиеся классы, писал папа. Агитаторы внушают рабочим, что люди равны по природе и должны занимать равное место в обществе. Люди забывают «божественную философию», которая говорит о том, что счастье – не в материальных благах, и поражены величайшим злом – погоней за земными благами. Бедные при этом начинают действовать против справедливости, когда они выступают против богатых, думая, что смогут воспользоваться их богатствами. Церковь должна встать на пути этих извращений, привносимых в общество социалистическими учениями; об ошибочности социализма нужно говорить с амвонов, в католических ассоциациях, на конгрессах, в прессе.

Как отметил Р. Роллан, «папа, слова которого с таким нетерпением ждали, наконец возвысил свой голос и возвысил его, чтобы осудить... социализм! В новой энциклике сказано: “Когда наименее состоятельные борются против богатых, они не только грешат против справедливости и милосердия, но и надругаются над самим разумом, тем более, что они могли бы, если бы хотели, посредством честного соревнования в труде достичь лучшего положения”».

Папа Бенедикт XV

Во время войны Ватикан официально придерживался нейтралитета. При этом папа Бенедикт XV неоднократно выступал с миротворческими предложениями. Однако призывы эти были проигнорированы – как, например, призыв к «Рождественскому перемирию» в 1914 г.

Политические и экономические причины войны усугублялись религиозными различиями: Антанта, куда входили католическая Франция, православная Россия и англиканская Великобритания, противостояла Тройственному союзу протестантской в основном Германии и католических Австро-Венгрии и Италии.

Папа, удрученный тем, что католики уничтожают друг друга, и обеспокоенный возможным падением католической Австро-Венгерской империи, пытался заниматься международной миротворческой деятельностью, однако правительства несколько не содействовали его усилиям, особенно начиная с 1915 г., когда Италия при вхождении в Антанту поставила условием исключение Святого престола из предстоящих переговоров.

С Великобританией у Святого престола сложились доверительные отношения, тогда как ни с Пруссией, ни с кайзеровской Германией никаких официальных отношений не было. Поэтому более естественным стало, например, заявление папского нунция в Париже, что «война с Францией – это война с Богом». Папа возвел в кардинальское достоинство бельгийца Д.-Ж. Мерсье, известного не только своей отвагой во время германской оккупации Бельгии, но и как смелый антигерманский агитатор. Однажды Бенедикт XV даже, как говорят, обронил: «Мне стыдно, что я не француз».

В германских протестантских кругах считали, что папский нейтралитет – только на бумаге, а на деле Святой престол поддерживает Антанту, и Австрию-то он побудил к вступлению в войну только с тем, чтобы ослабить военную машину Германии. В этой связи Германия блокировала любые попытки «папского мира».

В то же время французский политик Ж. Клемансо считал политику папы антифранцузской, а папские мирные инициативы вызвали только раздражение среди милитаристов всех мастей (как протестантов, так и католиков), жаждавших полной победы.

В каждой стране Европы правительство полагало, что папа настроен в пользу соперников. Поэтому какие бы предложения папа ни вносил, все они воспринимались в штыки.

В римской же курии были уверены (как заявил в 1916 г. государственный секретарь кардинал Гаспарри), что Святой престол совершенно беспристрастен и не настроен в пользу какого-либо из союзов.

В 1916–1917 гг. Ватикан развернул активную дипломатическую деятельность, чтобы добиться компромиссного мира в целях предотвращения революций в воюющих странах.

Так, 1 августа 1917 г. Бенедикт XV выступил с «Обращением к руководителям воюющих стран», в котором сформулировал мирный план в семи пунктах: 1) материальная сила оружия должна быть заменена моральной силой права; 2) следует осуществить взаимное одновременное сокращение вооружений; 3) должен быть создан международный арбитражный механизм; 4) должны быть установлены истинная свобода и гражданские права; 5) необходимо отказаться от контрибуций; 6) оккупированные территории должны быть эвакуированы; 7) следует тщательно изучить взаимные претензии. Папа призвал также к отмене воинской повинности (этот призыв он повторит в 1921 г.).

Основной идеей папы было удовлетворение всех воюющих сторон. Великобритания отреагировала на план положительно, но американский президент В. Вильсон его отклонил, хотя некоторые из папских посылок включил в свои 14 мирных пунктов, оглашенные в январе 1918 г. Положительная реакция Болгарии и Австро-Венгрии компенсировалась неоднозначной позицией Германии. Во Франции правительство и даже католическое общественное мнение упрекали папу, что он не сказал ясно о возвращении Республике Эльзаса-Лотарингии. В итоге инициировавшийся папой мирный процесс был сорван.

Тела жертв геноцида. *Armenian National Institute; Deutches Literaturarchiv, Wegner Collection (Marbach); United States Holocaust Memorial Museum*, Вашингтон. Фото Армина Т. Вегнера (1886–1978) (Германия). (А.Т. Вегнер – немецкий военнослужащий, очевидец событий 1915–1916 гг., вывезший сохраненные им негативы фотографий с территории Османской империи в пояском ремне. Большую часть жизни посвятил правозащитной деятельности.)

Тела армян–жертв погромов на улицах Харберда. Фото *Мари Якобсен*. Дневник Харпут–Турция 1907–1919. Музей-институт Геноцида армян (Ереван, Республика Армения)

Тело армянского мальчика, погибшего от голода, в дверях дома. 1915–1916. Османская империя, Сирия. *United States Holocaust Memorial Museum*, Вашингтон

Череп (разной степени сохранности) депортированных армян (некоторые сильно обгорели). 1915–1916. Османская империя, Сирия *United States Holocaust Memorial Museum*, Вашингтон

Останки жертв геноцида, собранные в армянской церкви Знамения (*Сурб Ншан*), Бейрут. Современная фотография

Несмотря на провал всех миротворческих усилий Бенедикта XV, его политика стала модельной для пап XX в.: Пия XII в годы Второй мировой войны, Павла VI (1963–1978) во время войны во Вьетнаме, Иоанна Павла II во время иракского конфликта.

Не менее важными были гуманитарные инициативы понтифика: с самого начала войны папа не прекращал переговоров с воюющими сторонами относительно обмена раненых и военнопленных, заложников и убитых. Благодаря усилиям папы удалось спасти жизни десяткам тысяч человек.

Папа основал *Opera dei Prigionieri* для содействия в сборе и распространении информации о военнопленных; за годы войны здесь были обработаны до 600 тыс. единиц корреспонденции, почти на $\frac{1}{3}$ касавшейся без вести пропавших.

Папа организовал кампанию по сбору продовольствия для голодающих детей Бельгии, Литвы, Польши, Ливана, Черногории, Сирии, России. Узнав о притеснениях армянских христиан на востоке Османской империи в 1915 г., папа не только пытался письменно увещивать султана, но даже втянуть Германию и Австро-Венгрию в кампанию протеста против действий их военного союзника. Геноцида, однако, избежать не удалось – в 1915 г. в Анатолии погибло до 1,5 млн армян (современные турецкие власти говорят о 300 тыс. и относят их к категории «военные потери»).

В письме султану Мехмеду V (1909–1918) 10 сентября 1915 г. папа писал: «(...) до нас доходит (...) болезненное эхо стонов целого народа. Этот народ на огромных османских территориях подвергается невыразимым страданиям. Армянская нация уже видела, как большое количество, очень большое количество ее сынов были отправлены на казнь, среди которых много священнослужителей и даже несколько епископов, заключенных в тюрьмы или сосланных. Теперь мы узнаем, что население целых деревень и городов вынуждено покинуть свои дома, чтобы уйти ценой невыразимых трудностей и страданий в отдаленные места концентрации, где в дополнение к душевным страданиям они должны страдать от лишений самой страшной нищеты и даже мук голода.

(...) мы (...) обращаемся к Вашему Величеству и горячо призываем Его в Его великодушной щедрости проявить жалость и вмешаться во благо народа, который даже в силу своей религии побужден оставаться верным в масштабе страны Вашему Величеству. Если же среди армян есть предатели или виновные в других преступлениях, пусть они будут законно осуждены и наказаны.

Но не позволяйте, Ваше Величество, с Вашим высочайшим чувством справедливости, чтобы невинные люди были наказаны, и сделайте так, чтобы даже сбившиеся с пути пользовались Вашим Суверенным Великодушием (...).

Особенно потрясен был папа изобретением воздушной войны и не раз высказывался публично против использования авиации в военных действиях.

Святой престол явно ожидал поражения в войне России и с этим поражением связывал надежды на распространении там унии. Еще до начала войны украинский униатский митрополит Андрей (Шептицкий) в записке на имя австро-венгерского и германского императоров писал: «Как только победоносная австрийская армия вступит на территорию русской Украины, нам предстоит решить тройную задачу: военной, правовой и церковной организации края», для чего необходимо организовать здесь новую церковь в юрисдикции Рима. «Признание всего этого в Риме я мог бы провести, или, вернее, уже в значительной части все это подготовил», – завершал он свой доклад. В этой связи Февральская буржуазная революция в России для Рима стала нечаянной радостью: она, как казалось, открывала «новую эру свободы католичества в России». Хотя были и опасения, как бы эта революция «не уподобилась бы впоследствии французской и не увлекла бы за собой и другие страны», все же в мае 1917 г. в курии была создана Конгрегация по делам восточной

церкви – «для взаимного ознакомления, сближения и соединения католической церкви с восточными церквами».

Миротворчество Святого престола в 1916–1917 гг. во многом было обусловлено революционными опасениями: еще в 1915 г. папа говорил, что если война протянется долго, то будет социальная революция, какой еще свет не видел. Пролетарские революции в России и Германии папа встретил враждебно, что естественно: марксистская коммунистическая идеология и советская власть были совершенно чужды начавшей формироваться еще при папе Льве XIII социальной доктрине католической церкви, так что у посла Временного правительства в Ватикане А. Лысаковского были все основания доносить о том, что Святой престол будет с симпатией относиться к «борьбе с большевизмом, которого он более всего боится». В январе 1919 г. ватиканская газета *Osservatore Romano* писала: «Анархия стучится в ворота всех стран. Собирайте срочно ваши силы, чтобы преградить ей путь. Каждый упущенный день может свести ваше дело на нет. Промедление опасно, очень опасно». А 5 августа 1920 г. в письме своему римскому викарию кардиналу Помпильи папа указывает, что наступление Красной Армии на Запад представляет собой угрозу всей Европе.

С ужасом отреагировал Бенедикт XV на жесткую антирелигиозную политику, проводимую правительством В.И. Ленина, на кровопролитие гражданской войны и массовый голод. В марте 1919 г. народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину была направлена радиограмма за подписью государственного секретаря Ватикана кардинала Гаспарри следующего содержания: «Сообщают (...) что Ваши приверженцы преследуют служителей Бога, в особенности тех, которые принадлежат к православной религии. Святой отец Бенедикт XV увещевает Вас дать строгие приказания, чтобы служители всякой религии были уважаемы».

Святой престол и по окончании военных действий продолжал свою гуманитарную деятельность, в том числе и в государствах, возникших на развалинах царской России (в 1921 г. Ватикан перечислил значительную сумму в помощь голодающим в России), кайзеровской Германии и Австро-Венгрии.

2. Завершение канонической реформы. Кодекс Пия–Бенедикта. В годы войны Бенедикт XV завершает каноническую реформу, начатую его предшественником: в 1917 г. он утверждает первый в истории католической церкви Кодекс канонического права (так называемый *Кодекс Пия–Бенедикта*). Развивая наследие Льва XIII, папа Бенедикт основывает Восточный институт в Риме, в задачи которого входили исследование и развитие богословия, культуры и литургической традиции восточных католиков. В апостольском письме *Maximum illud* (30 ноября 1919 г.), посвященном вопросам распространения веры, Бенедикт XV ставит перед католическими миссиями во всем мире задачу развития местных культур, а не экспорта европейской культуры. Для многих стран Азии и Африки такая постановка вопроса была очень актуальной: многие миссионеры, пытавшиеся насаждать здесь европейские традиции и обычаи, воспринимались не столько как проповедники, сколько как представители враждебных наций, и по этой причине депортировались местными властями и даже подвергались тюремному заключению.

Продолжая антимодернистскую линию Пия X, папа Бенедикт осудил модернизм и модернистские грехи ученых и современных ему философских систем в своей первой энциклике *Ad beatissimi Apostolorum*; 25 июля 1920 г. папа обнародовал *motu proprio Bonum sane* о св. Иосифе и против натурализма. Он отказался вернуть в полное церковное общение ученых, отлученных от церкви в период предшествовавшего понтификата, несмотря на то, что, по его собственным признаниям, отдавал себе отчет в перегибах, допущенных во время антимодернистской кампании.

3. Папская дипломатия и итоги Первой мировой войны. Итальянское правительство, используя нерешенность «римского вопроса», стремилось политически изолировать Святой престол. Его представители не были приглашены на Парижскую мирную конференцию 1919–1920 гг. Эта конференция также сыграла определенную роль в процессе политической и дипломатической маргинализации папства после утраты им Папской области. Несмотря на это, папа опубликовал энциклику *Pacem, Dei munus pulcherrimum* (23 мая 1920 г.) о мире как даре Божьем, в которой отстаивал идеи прекращения войны, назвав ее «бесполезной резней», и необходимости примирения христиан.

Версальский мирный договор 1919 г., ставший позором и унижением Германии, папа встретил одобрительно, хотя и считал его слишком жестким по экономическим требованиям к побежденной Германии и угрожающим европейской стабильности в целом.

Неодобрительно отнесся Святой престол к разделу Австро-Венгрии, видя в нем предпосылки для неизбежного усиления милитаризма в Германии в недалекой перспективе. Столь же критично было отношение к малым государствам, возникшим на развалинах империй: Ватикан считал их экономически недееспособными и, следовательно, обреченными на нищету и положение сателлитов. После распада Османской империи папа выразил обеспокоенность о безопасности и будущем католиков в Святой земле.

С одной стороны, Бенедикт XV совершенно не одобрил создание Лиги наций – абсолютно секулярной организации, не имеющей в своей основе христианских ценностей. С другой стороны, он осуждал популярный в 1920-е годы европейский национализм и в энциклике *Pacem, Dei munus pulcherrimum* выдвинул идею объединения Европы.

В послевоенные годы папа должен был предпринять серьезные усилия, чтобы приспособить апостольскую администрацию к изменившимся европейским политическим реалиям. В Европе появилось много новых государств (Польша, Литва, Эстония, Югославия, Чехословакия, Финляндия и др.). В то же время Германия, Франция, Италия, Австрия стояли на грани нищеты, так как их экономика была существенно подорвана войной. Традиционным социально-культурным устоям Европы угрожали, с одного фланга – правый национализм и фашизм, с другого – левый социализм и коммунизм, и все эти течения потенциально угрожали свободе и даже самому существованию церкви.

Наступил период взаимного приспособления католической церкви и государств – время переговоров о возможности новых конкордатов или, как во Франции, попыток более гибкого толкования принципа отделения церкви от государства. Однако борьба между католической церковью и политической

властью не прекращается. Она разворачивается на более общем уровне, который превосходит простой антиклерикализм XIX в.: в XX в. антагонистические идеологии разобщают мир на два или три непримиримых блока и разожгут Вторую мировую войну.

В этой исторической среде папа Бенедикт XV предпочел углубиться в те проблемы, которые он знал лучше всего: он начал крупномасштабные дипломатические действия для обеспечения прав верующих во всех странах.

При этом, как отмечали современники, отношение Ватикана к Франции было «самое благоприятное, полное предупредительности»; с Англией папский престол, «сознавая ее доминирующее положение, весьма считался», в том числе и в ирландском вопросе; Ватикан учитывал «финансовую гегемонию Америки» и воздавал «кесарю кесарево»; в Латинской Америке – видел «весьма ценный устой Св. престола»; наконец, «двери Ватикана и всех католических учреждений в Риме снова открылись перед немцами, и их уже довольно много появилось на ватиканском горизонте».

В Италии папа Бенедикт отказывается от непримиримости своих предшественников, позволяя католикам участвовать в национальных выборах. Папа оказался даже впереди своей паствы: в то время как большинство католиков Италии было против избирательного права женщин, папа поддерживал эту идею, указывая, что женщины будут на выборах консервативны и окажутся на стороне традиционной католической политики.

Это не только улучшило взаимоотношения Святого престола с Италией (вплоть до обоюдного желания решить пресловутый «римский вопрос»), но привело к тому, что антикатолические политики постепенно были вытеснены и на их место пришли политики нейтральные или сочувственно относившиеся к католической церкви.

Бенедикт XV искал пути улучшения отношений с антиклерикальной Французской республикой, начав с канонизации французской национальной героини Жанны д'Арк. Папские усилия завершились восстановлением в 1925 г. дипломатических отношений Франции со Святым престолом.

Среди государств, образовавшихся на территории распавшейся царской России, первой поставила вопрос об отношениях со Святым престолом протестантская Эстония. Уже в 1920 г. был согласован конкордат, подписанный 30 мая 1922 г. Конкордат гарантировал свободу католической церкви, устанавливал архиепархию, освободил католическое духовенство от воинской службы, разрешил создание семинарий и католических школ, закрепил право и иммунитет церковной собственности.

Сложнее была ситуация в католической Литве – ввиду того, что ее столица, Вильнюс, была оккупирована Польшей и как город, и как архиепархия. Польские войска, захватив Вильнюс, жестоко разгромили местную католическую семинарию. Все это не раз подвигало литовское правительство к протестам перед Святым престолом.

Ситуация была весьма щекотливой. С одной стороны, папа Бенедикт в октябре 1918 г. официально одобрил независимость Польши, неоднократно подчеркивал лояльность и множество усилий Святого престола, содействовавших достижению этой независимости, в 1919 г. назначил в Польшу 10 новых епископов и нунция, а во время большевистского наступления на Варшаву ввел по всему миру молебны о свободе Польши. В 1925 г. был подписан конкордат с польским правительством.

С другой стороны, он вынужден был неоднократно предостерегать польские власти против преследования литовского и русинского духовенства, ограничивать политические злоупотребления польского духовенства, напоминать о том, что «любовь к своей стране ограничена справедливостью и обязанностями», и призывать к мирному сосуществованию с соседними народами.

Дипломатические отношения Ватикана с Литвой были урегулированы только в 1927 г., при следующем папе – Пие XI.

Были подписаны также конкордаты с Латвией (1922) и Баварией (1924).

В задачи папского нунция в Польше А. Ратти входило не только урегулирование ситуации среди польских католиков, но и наведение дипломатических мостов с СССР. Будучи по

совместительству папским представителем в Советской России (хотя папа так и не разрешил ему посетить СССР: он хотел иметь в лице Ратти дипломата, а не мученика), Ратти предпринимал усилия по налаживанию контактов с Россией. Это вызывало недовольство польской стороны, как и тот факт, что Ратти не был сторонником активной политической деятельности католического духовенства. После того как кардинал А. Бертрам огласил в Польше папский запрет на все политические действия священнослужителей, Ратти было настоятельно предложено покинуть Польшу.

Через два года Аквилле кардинал Ратти становится папой Пием XI, и в его руках (вместе с кардиналами П. Гаспарри и Э. Пачелли) оказывается формирование не только политики Ватикана в отношении Польши, но и всех направлений дипломатии Святого престола на ближайшие 36 лет (1922–1958).

4. Латеранские соглашения 1929 года. Важной дипломатической победой Святого престола стало заключение *Латеранских соглашений*, решивших, наконец, «римский вопрос» и ставших формальной основой для прекращения дипломатической изоляции Ватикана. Папа Пий XI прервал «Ватиканское пленение пап», продолжавшееся почти 70 лет. Подписанные 11 февраля 1929 г. в Латеранском дворце государственным секретарем кардиналом П. Гаспарри (от имени папы) и премьер-министром Италии Б. Муссолини (от лица короля Виктора Эммануила III) и ратифицированные в мае полностью фашистской нижней палатой итальянского парламента, соглашения урегулировали правовые проблемы между Святым престолом и Королевством Италия, накопившиеся с 1870 г.

В пакет Латеранских соглашений вошли Мирный договор, Финансовая конвенция и Конкордат. Договор признал католицизм «единственной государственной религией Италии», установил светский суверенитет Святого престола (включая международные дела), установил специальное гражданство для его подданных, формально признал за Ватиканом статус суверенной территории, управляемой Святым престолом, с названием «Град Ватикан» (*Città del Vaticano*) и определил ее границы.

Согласно финансовой конвенции Италия была обязана выплачивать Святому престолу 750 млн лир в пятипроцентных ценных бумагах, а Святой престол отказывался от финансовых претензий к Италии, возникших ввиду образования итальянского государства (имелся в виду вооруженный захват Папской области войсками короля Сардинии Виктора Эммануила Савойского в 1870 г., упразднение в ней светской власти папы и провозглашение Королевства Италия в 1871 г.).

Конкордат определил права и привилегии католической церкви в Италии и основы взаимоотношений между государством Ватикан и Королевством Италия: итальянское государство объявляло нерабочими днями 10 церковных праздников и все воскресные дни; епископат обязался присягать на верность королю Италии (как главе итальянского государства); католическая церковь привлекалась к участию в системе образования Италии и т.д.

Эта система просуществовала в неизменном виде до 1969 г., когда принятие закона, разрешающего развод, фактически отменило 34-ю статью конкордата. В 1989 г. состоялся новый пересмотр конкордата, в основном – в части смягчения положений касательно католицизма как государственной религии Италии.

Папа Пий XI

5. Формирование новой идеологии католической церкви. С началом в 1919 г. нового этапа мирового развития католическая церковь, говоря словами философа-неотомиста Жака Маритена, утверждает первенство духовного начала наперекор всем идеологиям, большинство из которых хотят или подавить, или, что хуже, подчинить ее себе.

В этом отношении показательно осуждение в 1926 г. французской ультраправой газеты «*Action Française*», возглавлявшейся Ш. Морасом, – не столько в связи с роялистской направленностью, сколько ввиду пропаганды неоязыческой философии. Еще до Первой мировой войны Пий X собирался разоблачить этот дух, соблазнявший многих католиков. Теперь Пий XI высказал решительный протест против видения церкви, которое превращало ее лишь в хранилище иерархических и культурных традиций, отвергая ее трансцендентное благовестие. Именно с этого акта в католицизме начинается расхождение между двумя направлениями: одно отмечено политической и доктринальной непримиримостью, что вызывает обвинения в интегризме; другое, либеральное, обвиняется в прогрессизме.

Факторами, разрушающими традиционный католический мир, для Ватикана на многие десятилетия становятся либеральная демократия и коммунизм, классовая борьба и фашизм, негативные социально-экономические следствия капитализма и отрицание частной собственности в странах социализма.

На протяжении межвоенного периода католическая церковь разоблачает идолопоклонство по отношению к различным ценностям: истинным и благим (как родина и нация) или неприемлемым (как раса или классовая борьба).

Уже в программной энциклике папы Пия XI *Ubi arcano Dei* в декабре 1923 г. говорится о том негативном фоне, в котором развивалось в послевоенные годы мировое католичество. Война закончилась – но мира нет. Всюду разрушения, ненависть, голод; нет мира в стане победителей, потерпел неудачу ряд международных конференций. Внутренне положение государств также плачевно – Европу поразил экономический кризис. И папа в этих условиях осуждает прежде всего классовую борьбу: забастовки, локауты, партийную борьбу и т.д., – тот «смертельный нарыв», который разъедает сердца народов. «Чем более демократична конституция, – пишет папа, – тем более пагубно все это действует на национальное благосостояние. Церковь не делает различий между формами правления как таковыми, но ясно, что демократические государства легче страдают от вероломной взаимной борьбы».

Развал семьи, упадок религии, нравственности, рост нужды – все это имеет своей причиной тот факт, что люди стремятся овладеть жизненными благами этого мира. Но блага эти ограничены и не могут удовлетворить всех, отсюда – недовольство, борьба между людьми, желающими приобретать, и государствами, желающими господствовать.

Выход из этой тягостной ситуации может предложить только католическая церковь: только она, говорит папа, несет мир, и задача современного мира – вернуться к вере.

Особое внимание в целом ряде документов папа обращает на «опасности, которые несут с собой социализм и коммунизм». В этой связи его непременно интересовали проблемы религиозной свободы в Советской России.

Так, обращаясь в державам-участницам Генуэзской мирной конференции 9 мая 1922 г., папа писал в меморандуме: «В исторический час, когда обсуждается вопрос о том, чтобы вновь вернуть Россию в семью цивилизованных народов, Св. престол выражает пожелание об ограждении в России интересов религии, являющейся основой истинной цивилизации».

Св. престол предлагает поэтому, чтобы в соглашении, имеющем быть установленном между державами, представленными в Генуе, в той или иной форме, но вполне ясно и определенно фигурировали следующие три условия: 1. Полная свобода совести всем российским гражданам, а также гражданам других стран в России гарантируется. 2. Равным образом гарантируется как частное, так и публичное отправление религии и культов. 3. Недвижимое имущество, принадлежавшее или еще ныне принадлежащее какой бы то ни было религиозной общине, будет возвращено таковой, и никаких правонарушений в этом отношении совершаться не будет».

При Конгрегации по делам восточных церквей была создана специальная комиссия *Pro Russia*, во главе которой был поставлен директор Папского восточного института иезуит епископ д'Эрбиньи, а в 1929 г. образован специальный институт для подготовки католических миссионеров для России – *Russicum*. Открывая *Russicum*, Пий XI подчеркнул важность подготовки квалифицированных миссионеров для работы в СССР именно сейчас, «дабы не упустить благоприятный момент, который рано или поздно представится для нашего дела». В 1932 г. в документе о планах Ватикана в отношении СССР, подготовленных польской разведкой, отмечалось, что Святой престол озабочен прежде всего распространением униатства, в частности, силами миссионеров-иезуитов и перешедших в католицизм русских эмигрантов: «Обращением его (белорусского и украинского населения. – В.С.) в восточный обряд (униатство) при посредстве людей “с русскими убеждениями” преследуется цель создания центра для будущего проникновения вглубь России».

Униатские миссионерские центры были созданы в Альбертине (Гродненской губ.), Вильно, Люблине, Дубно, Пинске. В 1925–1930 гг. сам д'Эрбиньи трижды посещал СССР. Среди задач этих командировок было не только знакомство с положением церкви, но и тайное посвящение новых католических епископов в России.

Вскоре последовательно будут осуждены: в 1931 г. – итальянский фашизм (в энциклике *Noi abbiamo bisogno*); в 1937 г., с промежутком в несколько дней, – немецкий национал-социализм (*Mit brennender Sorge*) и атеистический марксизм (*Divini Redemptoris*). Папа, с одной стороны, осудил фашистский расизм, атеистические нападки на Библию и христианство, а с другой – говорил о «великой угрозе и опасности, идущей от большевистского атеистического коммунизма (...) который стремится ниспровергнуть общественный строй и подорвать самые основы христианской цивилизации», и категорически требовал от католиков никоим образом и ни в каких областях не сотрудничать с коммунистами.

В то же время Ватикан стал первым государством, которое подписало договор с правительством Гитлера (20 июля 1933 г.), а энциклика *Mit brennender Sorge* прежде всего была направлена против нарушения Германией условий конкордата и гонений на церковь и заканчивалась уверениями в том, что у папы «нет более сокровенного желания, чем восстановить подлинный мир между церковью и государством в Германии».

6. Святой престол и экуменизм. В 1920-е годы возобновляются католические экуменические инициативы. Так, кардинал Мерсье (1851–1926), архиепископ Брюсселя, собрал в своей резиденции, г. Малине, представителей Римско-католической и Англиканской церквей, положив начало «малинским беседам», продолжавшимся до смерти кардинала.

Послереволюционный наплыв в Европу русских эмигрантов стимулировал начало контактов между католиками и православными. В 1925 г. в бельгийском г. Амэ о. Ламбер Бодюэн (1873–1960) основал монастырь восточного обряда в целях ознакомления католического общества с наследием христианского

Востока, прежде всего – с литургической практикой (ныне находится в г. Шелтонь). Монастырем издается журнал «Иреникон». Еще одна инициатива была предпринята французским доминиканцем о. Кристофом Дюмоном (1898–1991) совместно с русской эмигранткой, католической монахиней Юлией Данзас (1879–1942): в 1926 г. ими был основан Центр исследований «Истина» в Париже; центром издается журнал «Истина».

Все эти инициативы существенно затормозились после публикации энциклики Пия XI *Mortalium animos* (6 января 1928 г.), в которой папа осудил экуменическое движение как «панхристианизм», неизбежно ведущий своих участников к религиозному индифферентизму, и запретил католикам участвовать в экуменической деятельности протестантов. Помимо прочего, папа запретил использовать такие выражения, как «союз церквей».

«Представляется, что эти панхристиане, умы которых ищут объединения церквей, преследуют благие цели, осуществляя среди христиан дела благотворительности; но как же происходит, что эта благотворительность ведет к повреждению веры? Всякий знает, что сам Иоанн, апостол любви, который (...) раскрывает в своем Евангелии Тайны Святого Сердца Иисусова и непрестанно внедряет в мысль своих учеников заповедь новую “да любите друг друга”, в то же самое время совершенно запретил общение с теми, кто исповедует искаженное и поврежденное учение Христа: “Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его” (2 Ин. 1, 10). По этой причине, коль скоро благотворительность базируется на совершенной и искренней вере, ученики Христовы должны быть объединены главным образом единой верой.

Итак, кто может вообразить себе христианскую федерацию, каждый член которой сохраняет собственное мнение и частное суждение даже в вопросах, которые касаются объекта веры, даже если они противоречат мнениям остальных? И каким образом, спрашиваем Мы, люди, исповедующие противоположные взгляды, могут принадлежать к одной федерации верных? (...)

Как в таком великом разнообразии мнений может возникнуть путь к единству церквей, Мы не знаем; ибо единство может возникнуть только из единого учительного источника, единого закона веры и единой веры христиан. Однако Мы знаем, что от этого – всего лишь один шаг к небрежению в религии, или индифферентизму, и к модернизму, как они это называют. Те, кто, к несчастью, заражены этими заблуждениями, считают, что догматические истины являются не абсолютными, но относительными, то есть они сообразуются с изменяющимися потребностями времени и места и с различными интеллектуальными течениями, так что не содержат неизменного Откровения, но способны приспособливаться к человеческой жизни. Кроме того, в отношении тех предметов, в которые необходимо верить, никоим образом не позволительно, как делают они, вводить различия, выделяя предметы веры основополагающие и неосновополагающие и утверждая, что первые должны быть приняты всеми, а вторые можно оставить на усмотрение согласия верных: для сверхъестественных ценностей веры есть формальная причина, а именно: авторитет Божественного Откровения, и оно не терпит никаких различий.

(...) Церковь изменила бы своему назначению, приняв участие в панхристианских предприятиях. (...) Ни под каким видом католикам не дозволяется вступать в подобные предприятия или же им способствовать».

«Многие люди под предлогом самых лучших намерений поддерживают мнимое религиозное единство христиан. Это прежде всего те, кто называет себя панхристианами и стремятся расшатать основу католической религии. На эти столь опасные поползновения Святой отец обращает внимание епископов с тем, чтобы они, в свою очередь, предостерегли население, и одновременно с этим изъясняет принципы истинного религиозного единства. (...) Человеческий род должен принадлежать к церкви, но не к той, которую воздвигли находящиеся в заблуждении, а к той, которой хотел и которую основал Христос, т.е. католической апостольской Римской церкви».

Однако энциклика не остановила полностью экуменический процесс. В 1935 г. французский священник *Поль Кутюрье* (1881–1953), при поддержке лионского архиепископа, возобновил возникшую в начале XX в. инициативу провести «неделю молитв для возвращения еретиков и схизматиков в лоно Римской церкви». Мероприятие получило название «*недели молитв о единстве христиан*» (ежегодно проводится до настоящего времени с 18 по 25 января), а его целью было объявлено «молиться за единство христиан, каким его желает Христос».

Через два года о. Кутюрье создал группу католических и протестантских богословов для беседований по спорным вопросам и размышлений о будущем единстве (*groupe de Dombes*). Эта группа выпустила ряд документов по принципиальным вопросам – о Евхаристии (1972), о епископате (1976) и церковных служениях (1973), о таинствах Церкви (1980), о «служении общения» – *ministère de communion* (1986).

В 1958 г. инициативу о. Кутюрье касательно молитв о христианском единстве поддержал ВСЦ. В неделях молитв, организуемых ВСЦ, используются совместно подобранные и согласованные тексты молитв.

7. Ватиканская дипломатия в 1930-е годы. В феврале 1930 г. государственным секретарем Ватикана был назначен Эудженио кардинал *Пачелли* (будущий папа Пий XII), энергичный и опытный дипломат. С 1935 г. он занимал также должность кардинала-камерлинга².

В качестве государственного секретаря Пачелли подписал конкордаты с Баденом (1932), Австрией (1933), Германией (*Reichskonkordat* 20 июля 1933 г.), Югославией (1935) и Португалией (1940), а всего в 1920–1930-е годы было подписано 26 конкордатов.

Эти конкордаты позволили католической церкви организовывать молодежные движения, совершать богослужения и церковные назначения, поддерживать школы, больницы, благотворительные организации; кроме того, они означали также признание канонических норм в некоторых сферах (например, по вопросу о разводе). Пачелли нанес ряд плодотворных дипломатических визитов (в том числе в США в 1936 г., где он встретился с президентом Ф.Д. Рузвельтом; этот визит позволил возобновить в 1939 г. дипломатические отношения США с Ватиканом, прерванные в 1870 г.); в марте 1942 г., будучи уже папой, он установил дипломатические отношения с Японией.

3 июня 1933 г. в документе *Dilectissima nobis* Пачелли подчеркнул космополитическую направленность внешней политики Ватикана, но в то же время уже в августе того же года в письме британскому представителю при Святом престоле относительно нацистской политики осудил казни евреев и царство террора, которому был подчинен целый народ.

К 1939 г. государственный статус Ватикана, полученный им согласно Латеранским соглашениям 1929 г., был признан 38-ю странами мира, с которыми были установлены дипломатические отношения на уровне послов или посланников.

Отношение понтификов предвоенного и военного времени к фашизму и нацизму было достаточно определенным. Так, еще до начала Второй мировой войны кардинал Пачелли на замечание французских дипломатов о том, что

² Кардинал-камерлинг, или камерарий (*camerarius*), возглавляет Апостольскую палату, которая выполняет административные функции по защите собственности и временных прав на Папский престол во время *sede vacante* («вакантного престола», от смерти одного папы, которую официально свидетельствует тот же кардинал-камерлинг, и до выборов следующего). В это время кардинал-камерлинг совместно с тремя другими кардиналами, выбираемыми каждые три дня по одному от каждой степени кардиналов (кардинал-епископ, кардинал-священник и кардинал-диакон), в некотором смысле выполняют функции главы государства.

лучше иметь у власти в Германии художника Гитлера, чем прусских генералов, ответил: «Вы не знаете, о чем говорите. Прусские генералы имеют свои недостатки, но эти люди (нацисты) – дьяволы». Ранее, в письме кардиналу Гаспарри (14 ноября 1923 г.), Пачелли предупреждал, что национал-социалистическое движение имеет антикатолическую и антисемитскую направленность.

Официальная позиция Святого престола была выражена в 1937 г. папой Пием XI в энциклике *Mit brennender Sorge*, осуждавшей нацизм, расизм и нарушение властями фашистской Германии конкордата 1933 г. Проект энциклики был составлен кардиналом Пачелли. Она была написана не на латыни, как обычно, а по-немецки. Это был самый решительный протест Святого престола против какой-либо власти за всю историю церкви и первое официальное осуждение нацизма.

Втайне текст энциклики был доставлен в Германию, напечатан в 12 типографиях, распространен среди настоятелей приходов и 21 марта 1937 г. оглашен в церквях Германии. Все 12 типографий были закрыты, признанные виновными в обнародовании текста – арестованы, начались открытые преследования католического духовенства, в особенности монахов, публично обвинявшихся в гомосексуализме.

В одной лишь Польше были убиты 2,5 тыс. священников и монахов (включая несколько епископов) – около 20% польского духовенства; еще больше было отправлено в концлагеря. Только в списках «священнического блока» лагеря Дахау содержится 2 600 имен римокатолических священников.

Комментируя отношения католической церкви с Германией в условиях, когда действовал *Reichskonkordat*, папа писал: «История показывает, что другой стороне не хватает самых элементарных предпосылок, чтобы признать минимальные права и свободы церкви, без которых церковь просто не может жить и действовать, несмотря на все официальные соглашения» (10 июня 1941 г.). Только в 1933–1939 гг. Пачелли направил правительству Германии 55 протестов по поводу нарушения условий конкордата.

В сентябре 1938 г. была подготовлена энциклика Пия XI *Humani generis unitas*, в которой недвусмысленно осуждались колониализм, расизм и антисемитизм; эта энциклика, правда, осталась, в силу ряда причин, не обнародованной, но некоторые ее пассажи использовал годом позже новый папа Пий XII в своей инаугурационной энциклике *Summi Pontificatus*.

В апреле 1939 г. только что избранный Пий XII выступил с миротворческой инициативой, надеясь стать посредником между европейскими державами, находившимися на грани военного конфликта. С одобрения Б. Муссолини, с которым папа снесся через своего обычного посредника

Папа Пий XII

иезуита Такки Вентури, государственный секретарь Ватикана кардинал Л. Мальони через нунциев в Париже, Варшаве и Берлине и апостольского делегата в Лондоне довел до правительств европейских стран предложение о созыве мирной конференции в Ватикане; папа, в частности, предполагал добиться от Польши согласия на присоединение вольного города Данцига (Гданьска) к Германии.

Инициативы папы были встречены прохладно. Хотя европейские державы считали папу «не последней пешкой на шахматной доске» и понимали, что во многом его позиция обусловлена антикоммунистическими настроениями (одной из главных целей Пия XII было обеспечение компромисса между западными державами, чтобы предотвратить возможные территориальные приобретения СССР), все же явной казалась соотнесенность инициатив папы и позиции Муссолини, причем Британии политика папы представлялась слишком проитальянской, Польше – прогерманской, и эти страны в инициативах папы оказались незаинтересованными. Мирные инициативы Ватикана не возымели успеха.

§ 3. Ватикан во Второй мировой войне и в первое послевоенное десятилетие

1. Ватикан и Вторая мировая война. Через пять с небольшим месяцев после своего избрания, за неделю до начала Второй мировой войны (1939–1945) – 24 августа 1939 г. преемник Пия XI папа Пий XII обратился к правительствам стран мира с предупреждением о нарастании военной опасности: «Опасность неминуема, но время еще есть. С миром ничто не потеряно; с войною можно лишиться всего. Пусть же люди вернуться к взаимному пониманию! Пусть вновь начнут переговоры, совещаясь друг с другом по доброй воле и уважая права друг друга».

Папский призыв запоздал. 1 сентября 1939 г. война началась. Пий XII воздержался от каких бы то ни было публичных комментариев в первые военные недели (возможно, потому, что продолжал, как раньше, считать, что «быстрая деструкция Польши будет означать конец войны»), а Германия может оказать существенное воздействие на восстановление широкого католического присутствия в Центральной Европе). В то же время папа не замедлил осудить акт агрессии СССР против Финляндии. В Рождественской проповеди 1939 г. он сделал это публично, позже распространил специальную молитву о Финляндии, скрепленную подписью и печатью, и обратился к правительствам воюющих стран с призывом: «Положим конец этой братоубийственной войне, объединим свои усилия в борьбе против общего врага – атеизма».

Только в энциклике *Summi Pontificatus* (27 октября 1939 г.), посвященной проблеме единства человеческого общества, он впервые высказал серьезную озабоченность действиями Гитлера, осудил захват, оккупацию и раздел Польши согласно пакту Молотова–Риббентропа. Глубинные причины бедствий, поразивших Европу, папа видел в «заблуждениях антихристианского движения», в забвении веры и морали.

«Кровь бесчисленных жертв, в том числе и мирного населения, вопиет о народах, таких как Наша дорогая Польша, которая, за свою верность церкви, за свои заслуги в защите христианской цивилизации, несмываемыми письменами вписанные в анналы истории, имеет право на великодушие и братскую любовь всего мира именно тогда, когда она ожидает часа воскресения на основе принципов справедливости и подлинного мира, полагаясь на всесильное предстательство Марии, Заступницы всех христиан».

Тон энциклики, по сообщениям прессы, вызвал немалое удивление официальных кругов Франции и Великобритании. Не называя прямо фашизм, папа пишет о «распространенных заблуждениях», о гражданских властях, которые «склонны сами занять место всемогущего Бога и возвысить государство или отдельную группу для беспредельного господства», о грешном учении,

«которое хочет признать за государством неограниченную власть». Правда, одновременно он пишет и о «любимой Италии (...) преданной блюстительнице веры», – об Италии, во главе которой стоял фашистский режим союзника Гитлера Муссолини. Человеческими усилиями предотвратить конфликт не удалось, пишет папа, а потому «мы обязаны направить свои взоры на церковь» и молиться о мире для человечества.

Латеранские соглашения существенно ограничивали возможности ватиканской дипломатии в военные годы. Этим определялась и позиция папы. В частности, соглашения предусматривали, что папа может выступить третьей стороной в международных делах только по просьбе всех без исключения заинтересованных сторон. В этой связи папа, обязанный придерживаться политики невмешательства, был вынужден молчать даже тогда, когда события подталкивали его к резким заявлениям. В этой связи (прежде всего, за отказ осудить гитлеровскую оккупацию Польши) папа неоднократно подвергался суровой критике, в том числе и со стороны католиков.

Несмотря на то что дипломатия Пия XII в литературе оценивается неоднозначно (так, Дж. Корнуэлл в книге «Папа Гитлера» критически оценивает его действия еще в должности государственного секретаря, направленные на легитимизацию нацистского режима в Германии в 1933 г., – в частности, заключение конкордата с гитлеровскими властями), следует иметь в виду, что во время войны Ватикан был вынужден принимать решения в экстремальных условиях, тем более, что одна из сторон настоятельно внушала ему, что «именно национал-социализм спас Европу от большевистского хаоса, который привел бы к полному разрушению церкви», так что однажды папа даже воскликнул: «О, если бы Германия оставила меня в мире!.. Мое отношение к этой войне, особенно в настоящее время, было бы совершенно иным».

Это наглядно иллюстрируют папские письма. «Настоящая война создала для Святого престола крайне сложную ситуацию, в которой масса политических и религиозно-церковных вопросов пересекаются и будут пересекаться все больше, хотя и не ощутимо для непосвященных» (31 января 1943 г.). «Где благо и страдание церкви, а значит и бессмертных душ, пересекаются раз за разом с земными делами, делаая крайне трудным управление лодкой Петра (...) сопротивление вынуждает совершать Крестный путь, вместо пути действия, который будет увенчан успехом и обильным благословением» (20 февраля 1941 г.). «Для лодки Петра в этом есть предчувствие бури, которая требует от рулевого немалой бдительности, терпения и настойчивости» (12 марта 1944 г.).

«Но что волнует Нас несравненно больше, – это оппозиция и разделение на два, три противоположных суждения, касающихся политических и религиозно-церковных вопросов, порожденных войной, и необходимость для Святого престола уже несколько лет (...) замыкаться в молчании даже там, где нужно энергичное действие; Наше большее страдание состоит в том, что война год за годом все более ограничивает викария Христа в возможности эффективно действовать и грозит опасностью его независимости» (9 февраля 1944 г.).

«Для викария Христа шаг, который он должен совершить, чтобы найти справедливое равновесие между противоположными требованиями своей папской миссии, всегда грозит многочисленными шипами» (30 марта 1943 г.), «так, что часто делает решение крайне трудным, если требует умения и осмотрительного молчания или, напротив, открытых слов и сильных действий» (3 марта 1944 г.).

Давление на папу оказывалось со всех сторон.

Например, с августа 1939 г. французский консул пытался принудить понтифика выступить с заявлением в защиту Польши.

11 марта 1940 г. папу посетил И. Риббентроп, министр иностранных дел Германии, с предложением урегулировать все спорные вопросы между Германией и Ватиканом. Взамен он просил у папы указания немецким епископам воздержаться от политической критики. В отличие от всех других революций национал-социалистская революция, говорил Риббентроп, не нанесла ощутимого ущерба католической церкви и, напротив, проявляет много заботы о церкви и духовенстве. Папа в ответ напомнил, что у церкви за это время были изъяты дома, школы, другие образовательные учреждения, а законные владельцы изгонялись из них *malo modo* в течение нескольких часов. Соглашение не состоялось.

Когда, после нападения Германии на нейтральные страны (Бельгию, Голландию и Люксембург) в мае 1940 г., Святой престол направил официальные выражения дружеских чувств королеве Нидерландов, королю Бельгии и Великому герцогу Люксембургскому, что стало неформальным осуждением агрессии, Муссолини воспринял эти заявления как личное оскорбление. Он поручил послу в Ватикане представить папе ноту протеста, указав, что заявления нарушают нейтралитет Святого престола; в то же время немецкая пропаганда обвинила папу в антигерманских настроениях и представила католическую церковь как опасность для немецкого народа.

Были примеры и твердой позиции Святого престола.

По распоряжению папы Конгрегация Священной канцелярии издала официальное осуждение массовых убийств, совершавшихся в Германии во имя «улучшения расы» (6 декабря 1940 г.).

В 1942 г., когда нацисты оккупировали Голландию и начали депортацию евреев, представители кальвинистской, лютеранской и католической церквей решили заявить протест. Начальник голландского гестапо сообщил главам церквей, что в этом случае будут депортированы не только иудеи, но и евреи, принявшие христианство. После этой угрозы только католическая церковь решилась огласить письмо протеста. Гестапо выполнило свое обещание: были депортированы и убиты не только иудеи, но и 156 евреев-католиков.

В начале войны Святой престол использовал имеющиеся у него средства для объективного освещения военных событий.

Так, издаваемая Ватиканом на итальянском языке газета *Osservatore Romano* некоторое время оставалась единственным неподцензурным источником информации в Италии и, несмотря на свою умеренность, постоянно подвергалась нападкам итальянской фашистской прессы. Но после 20 мая 1940 г. в ней было запрещено публиковать военные новости, заимствованные из любых источников, кроме «официального итальянского военного коммюнике», а с августа были запрещены даже прогнозы погоды, поскольку, как считало итальянское правительство, они могли быть использованы британской авиацией.

В аналогичной ситуации находилось «Радио Ватикана». Оно не передавало прогнозов погоды, из вещания была исключена информация о военнопленных (поскольку она, по мнению итальянского правительства, могла раскритиковать местоположение военных кораблей). После того как находившийся в изгнании примас Польши Август кардинал Хлонд выступил в январе 1941 г. по-польски с пламенным радиообращением к польскому народу (хотя это обращение вряд ли могло быть услышано в оккупированной Польше), ничего подобного в радиовещании Ватикана более не допускалось: после немецких протестов были прекращены любые радиодискуссии о ситуации в Польше, а позднее — и о положении католической церкви в Германии. Тем не менее папа Пий XII продолжал свои личные выступления на «Радио Ватикана».

Однако по большей части папе приходилось балансировать. Так, 13 июня 1940 г., в разгар сражения за Францию, Пий XII опубликовал энциклику *Saeculo exeunte octavo*. Формально текст энциклики относился к Португалии, но папа написал также и о «целом ряде европейских народов», который «оказался потерянными для церкви в связи с изменениями, которые несут наши бедственные времена». Эта двусмысленная фраза в равной степени может быть отнесена и к коммунистическому СССР, и к странам, оккупированным Германией. В апреле 1941 г. Пий XII дал частную (а не официальную, как хотел тот) аудиенцию Анте Павеличу, возглавлявшему вновь образованное Независимое Хорватское государство (сателлит гитлеровской Германии), за что подвергся осуждению со стороны Великобритании.

В то же время Ватикан официально так и не признал режим Павелича, но папа не осудил гонения на православных сербов в Хорватии и их насильственное окатоличивание, хотя в меморандуме Государственного секретариата Ватикана от 25 января 1942 г. в адрес легата в Югославии было все же рекомендовано отказаться от практики насильственного перевода сербов в католицизм.

Папа был хорошо осведомлен о том, что католическое духовенство сотрудничало с режимом усташей в Хорватии (имелся даже список коллаборационистов), однако ни осуждения режима, ни запрета духовенству участвовать в его деятельности от Святого престола не последовало: папа опасался раскола в хорватской церкви и негативных последствий такого осуждения для формирования в будущем хорватского государства.

В 1941 г., комментируя энциклику Пия XI *Divini Redemptoris*, которая запрещала католикам оказывать содействие коммунистам, Пий XII пояснил, что этот запрет не распространяется на военную помощь Советскому Союзу. Этим заявлением папа успокоил американских католиков, которые активно протестовали против американско-советских соглашений по ленд-лизу.

Как заявил представитель США на Нюрнбергском процессе Кемпнер, «всякая попытка пропаганды со стороны церкви против Рейха и Гитлера была бы не просто спровоцированным самоубийством (...) но усилила бы репрессии против иудеев и священников». Это понимал и папа:

«Всякое слово, сказанное Нами как компетентным авторитетом, и всякий Наш публичный намек должны быть Нами серьезно обдуманы и взвешены в интересах тех же несчастных, чтобы не сделать их положение, не желая того, еще более тяжелым и непереносимым» (2 июня 1943 г.). «Мы хорошо знаем, что все Наши слова и намерения рискуют быть неверно истолкованными и послужить целям политической пропаганды» (24 декабря 1946 г.).

И все же в Рождественском послании 1942 г., оглашенном на «Радио Ватикана», Пий XII говорил о правах человека и гражданском обществе, а в конце выступления были упомянуты «сотни тысяч людей, которые – без всякой вины с их стороны, иногда только из-за национальной или расовой принадлежности – были обречены на смерть или медленное угасание». Защитники папы видят в этом заявлении осуждение геноцида (термин вошел в обиход после 1944 г.), а критики возражают: геноцид ли имел в виду папа, а если и геноцид – то что за геноцид и кого именно?

Важной темой антивоенной риторики Ватикана остается проблема марксизма и его распространения в мире. Как вспоминал многолетний советник папы о. Р. Лейбер, «несмотря на острые столкновения с национал-социализмом (...) Пачелли ни на один миг не забывал о роковой опасности коммунизма». Так, в Рождественском послании 1942 г. папа говорит: «Побуждаемая всегда религиозными мотивами, церковь осудила различные формы марксистского социализма. Она осуждает их и теперь». Обращаясь к трудящимся Италии 13 июня 1943 г., «папа предупредил их о той опасности, которую несет в себе коммунизм». И во многих других выступлениях Пия XII так или иначе упоминается гибельный «для спасения души» «материалистический социализм». «Начиная с июня 1944 г., – вспоминал о. Лейбер, – после занятия Рима союзниками, высшие военные и руководящие деятели которых в большом числе посещали папу, он [папа] не упускал случая каждый раз предостерегать их: конечно, Гитлер и национал-социализм являются тем, что они есть. Но это скоро минет. Нельзя упускать из вида, что предстоит более серьезная и опасная задача, именно – столкновение с коммунизмом».

Ватикан становится одним из важных центров международных переговоров о сепаратном мире.

Так, с конца 1942 г. итальянская политическая верхушка пыталась использовать возможности Ватикана для организации переговоров о достижении сепаратного мира. Склонить папу к организации таких переговоров должен был посол Италии в Ватикане граф Чиано, пасынок Муссолини. Однако фигура была выбрана неверно: Великобритания отказалась иметь с ним дело, и идея зашла в тупик.

Еще в начале 1940-х годов генерал иезуитов граф В. Ледуховский, весьма информированный в области мировой политики, считал, что поражение Германии на Востоке будет означать катастрофу для Западной Европы, которая окажется под угрозой большевизма, и даже выражал готовность к сотрудничеству иезуитов с германскими секретными службами для предотвращения такого развития событий. В 1943 г. послы ряда иностранных государств сообщали своим правительствам, что «Ватикан старается добиться не только перемирия, но мира между англосаксами и Италией. (...) Такого рода мир был бы первым шагом к единству действий между англосаксами и немцами для создания единого европейско-американского и христианского фронта против Азии». При этом Ватикан полагал, что «судьба Европы зависит от победоносного сопротивления Германии на русском фронте. Немецкая армия – единственно возможный оплот против большевизма». Немецкий посол в Ватикане Вейцзекер сообщал в Берлин, что «вражда к большевизму составляет фундаментальную основу внешней политики Ватикана. Все, что служит борьбе против большевизма, хорошо принимается курией. Альянс англо-американцев с Советским Союзом ему кажется отвратительным. (...) Идеальным решением курия считает коалицию западных держав с Германией; во всяком случае, она видит в сильной Германии важнейший барьер против Советской России».

А в мае 1944 г. состоялась беседа папы с немецким генералом К. Вольфом, главнокомандующим войсками СС в Италии, в ходе которой Вольф высказался в том смысле, что он «весьма сожалеет, что война ведется с Западом, и усматривает в этом ненужное обескровливание европейской людской силы, которой вскоре (...) придется вступить в решающий конфликт с Востоком и коммунизмом», а папа настаивал на том, чтобы Германия возможно скорее прекратила военные действия на Западном фронте и сосредоточила все силы «на борьбе против СССР и коммунизма».

Начиная с 1939 г. папа превращает Ватикан в посреднический центр, аккумулирующий гуманитарную помощь пострадавшим от военных действий, поступавшую со всего мира. В Ватикане создается информационный центр по сбору информации о военнопленных и беженцах. За время своего существования (1939–1949) этот центр получил около 10 млн запросов и предоставил информацию о более чем 11 млн без вести пропавших.

С вступлением Италии в войну 10 июня 1940 г. папа принимал меры по спасению Рима, главного города своей личной епархии, от воздушных налетов. Основной гарантией он считал свое личное присутствие в Ватикане.

Еще одной важнейшей заботой Пия XII было сохранение нейтрального статуса Ватикана. В ходе войны воюющие стороны пытались использовать возможное влияние Ватикана на

Публичное выступление папы Пия XII во время Второй мировой войны. Рим, 19 июля 1943 г.

политические процессы в Европе. Святой престол при этом полагал, что «нейтралитет Ватикана, достигнутый такой ценой, может принести в перспективе достойные плоды».

После падения Муссолини и оккупации Рима германской армией в 1943 г. поползли слухи о готовящемся похищении папы. Некоторые авторы считают, что они были результатом работы британской контрпропагандистской машины. Как бы то ни было, план этот не был реализован.

Важной заботой католической церкви в годы войны было сохранение в оккупированных странах Европы канонических епархиальных институтов. Начиная с августа 1941 г. немецкие власти неоднократно обращались к Святому престолу с просьбами о реорганизации католических диоцезов на оккупированных территориях путем распространения на них юрисдикции епископов, находившихся на территории Германии и Италии.

В ноте немецкого посла при Святом престоле от 29 августа 1941 г., основываясь на положениях конкордата 1933 г., было выдвинуто требование, чтобы все церковные назначения на значимые посты (правлящие епископы, епископы-коадьюторы с правом последования, *prelati nullius*, апостольские администраторы, викарии капитулов, иные должности с аналогичными функциями) в аннексированных или оккупированных территориях были согласованы с Берлином. Речь шла об Эльзасе, Лотарингии, Люксембурге, Нижней Штирии, Каринтии и др., на которые Германия пыталась распространить нормы о консультациях, предусмотренные конкордатом для немецких церковных должностных лиц.

В целом в такой реорганизации было отказано, однако папе все же пришлось назначить немецких временных апостольских администраторов на вакантные кафедры в оккупированной Польше. Этот шаг, «один из самых спорных» в деятельности Пия XII, дал в 1945 г. Временному правительству Польши основания для аннулирования конкордата 1925 г., что повлекло за собой далеко идущие последствия: с 1947 г. между Польшей и Ватиканом более 40 лет не поддерживались дипломатические отношения, апостольский нунций был направлен в Польшу только в 1989 г.

Ближе к концу войны Пий XII выступил за смягчение политики союзников, чтобы избежать тех ошибок, которые были совершены после Первой мировой войны. В августе 1944 г. он беседовал на эту тему с британским премьер-министром У. Черчиллем, особо настаивая на том, чтобы в послевоенные судебные разбирательства по поводу военных преступлений не были втянуты в качестве обвиняемых итальянцы – их папа считал жертвами Третьего рейха.

Как отмечается в зарубежной литературе, «из имеющихся свидетельств ясно, что Пий XII, который любил Германию и немцев, не питал никаких иллюзий относительно истинной природы национал-социализма и хорошо сознавал, какую опасность будет представлять для церкви победивший Третий рейх. Он, как и другие в то время, когда возникла возможность советской победы, стал перед проблемой выбора между национал-социализмом и большевизмом. Считая последний бóльшим злом, Пий XII не желал осудить первых».

В течение военных лет папа не назначил ни одного нового кардинала. Вакантными к концу войны оставались такие важные должности, как должность кардинала-государственного секретаря, кардинала-камерлинга, канцлера, префектов некоторых конгрегаций. Только в 1946 г. были назначены 32 новых кардинала. А в 1952 г. в кардинальский сан был возведен идеолог перекрещивания сербов в годы войны – А. Степинац (1896–1960), архиепископ хорватского Загреба, осужденный в Югославии за сотрудничество с усташами¹.

¹ В 1998 г. кардинал Степинац был объявлен папой Иоанном Павлом II мучеником и беатифицирован.

А. Павелич с группой францисканских монахов. Лето 1941 г.

До сих пор в литературе нет единой позиции касательно отношения Святого престола к холокосту⁴. Одни авторы обвиняют папу Пачелли в прогитлеризме и если и не выставляют его в роли чуть ли не «злого гения» еврейского народа, то упрекают в том, что он ничего не сделал для предотвращения гонений на евреев и безучастно взирал на преступления нацистов. Другие подчеркивают целый ряд фактов, из коих следует, что Ватикан в годы войны прилагал все усилия для спасения евреев (многим была предоставлена работа или возможность скрываться в самом Ватикане и в экстерриториальных объектах на территории Италии, принадлежащих Ватикану), используя для этого главным образом средства дипломатии, так как прямое вмешательство папы могло ухудшить ситуацию.

Официальная позиция самого Святого престола по данному вопросу определяется фактом начала в 1967 г. папой Павлом VI процесса беатификации Пия XII; в 2009 г. папа Бенедикт XVI усвоил Пию XII именование *venerabilis* («достопочтенный»), за которым, после соответствующего изучения, может последовать и собственно беатификация.

В первые послевоенные годы Ватикан стал одним из центров так называемых «крысиных троп» – нелегальных путей для эмиграции из Европы. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1942 г., когда начались полуофициальные ватикано-аргентинские переговоры о возможности эмиграции в Аргентину гонимых католиков Европы. Однако воспользовались этими «тропами» не гонимые католики, а нацисты после окончания войны.

Хотя операция была запланирована Ватиканом, первым центром эмиграционного процесса стала Испания. Среди первых покинули Европу через Испанию, при помощи французского кардинала Э. Тиссерана и аргентинского епископа (с 1946 г. – кардинала) А. Каджиано, Ш. Леска, член католической организации *Action Française* (запрещенной Пием XI по подозрению в профашистских тенденциях и возрожденной Пием XII), и бельгиец П. Дей.

В декабре 1944 г. Государственный секретариат Ватикана получил разрешение посещать лагерь для интернированных в Италии. Это разрешение было использовано, чтобы уберечь от наказания целый ряд военных преступников; среди них были Ф. Штангль, начальник концлагеря Трешлинка, Г. Вагнер, начальник Собибора, А. Бруннер, начальник лагеря для

⁴ *Холокост* (англ. *holocaust*, от греч. ὁλοκαύστος – «всесожжение») – систематическое преследование и уничтожение европейских евреев нацистской Германией и коллаборационистами в 1933–1945 гг.

интернированных Данси́ близ Парижа и ответственный за депортацию в Словакии, А. Эйхман, руководитель отдела гестапо IV-B-4, отвечавшего за «окончательное решение еврейского вопроса», и др. В организации нацистской эмиграции через Ватикан активно участвовал епископ А. Худал, ректор Папского Тевтонского института Санта Мария дель'Анима, снабжавший эмигрантов деньгами и документами ватиканской комиссии по содействию беженцам (*Commissione Pontificia d'Assistenza*), а также другие представители католического клира.

К 1946 г. «крысиными тропами» бежали из Европы уже сотни испанских военных преступников, тысячи нацистов и фашистов. По словам Государственного секретаря США Дж.Ф. Бирнса, участие Ватикана в этом было незначительным; однако Пий XII все же предпочитал видеть военных преступников на борту кораблей, отправляющихся в Новый Свет, чем в лагерях для военнопленных в разделенной на оккупационные зоны Германии.

Более интенсивный процесс эмиграции удалось организовать хорватским францисканцам во главе с о. К. Драгановичем; центром этой «тропы», ведшей из Австрии в Геную, стала римская семинария Сан Джироламо дельи Иллиричи (*Collegium Illiricum*). Этот путь использовался для отправки за океан усташей. В 1946 г. Госдепартамент США обнаружил список из девяти имен военных преступников – хорватов, албанцев, черногорцев, – эвакуированных в Южную Америку через «тропу» Сан Джироламо; в 1947 г., по данным разведки, через Сан Джироламо или Ватикан были эвакуированы 10 членов кабинета Павелича. С лета 1947 г. сетью о. Драгановича стали активно пользоваться США.

Аргентинское правительство и духовенство, используя испанские и итальянские «тропы», организовали и свои собственные – через Скандинавию, Швейцарию и Бельгию.

Наблюдатели отмечали, что Ватикан более всего был заинтересован в антикоммунистическом настрое эмигрантов: внедрив их в Южную Америку, можно было ожидать, что они будут в состоянии противодействовать распространению там «красных» идей.

При этом Государственный секретарь Ватикана кардинал Д. Тардини отрицал, что католическая церковь поддерживает военных преступников, и на этом основании не дал разрешения британской военной полиции совершить рейд в экстерриториальных ватиканских институтах в Риме.

Антикоммунизм Ватикана продолжает развиваться и по окончании Второй мировой войны. 13 июля 1949 г. был издан декрет Конгрегации Священной канцелярии о запрете католикам вступать в коммунистические партии, поддерживать их, сотрудничать с ними, читать и распространять коммунистическую печать. Все, кто нарушает эти запреты, отлучаются от церкви.

В то же время папа осуждает и европейские страны, «безоговорочно преклоняющиеся перед материализмом». «Только тем, кто противопоставляет подобным идеологиям и подобным предпосылкам свое категорическое “нет” и делает из этого “нет” логические выводы для себя как в мышлении, так и в практической деятельности, – только им можно спокойно доверить дело свободы Европы, которая еще свободна, и освобождения той части Европы, у которой отняли свободу», – говорит он в 1957 г.

2. Централизация церковного управления. Война и ее последствия не могли остановить процесс решения серьезных внутрицерковных вопросов, связанных с модернистскими тенденциями, не окончившими своего развития с папским осуждением модернизма, и необходимостью адаптации католической церкви к новым условиям существования в быстро меняющемся мире.

Пий XII управлял церковью, усиливая ее централизацию. Почти не оставалось вопроса, по которому не высказался бы папа; его выступления были тщательно подготовлены и достаточно тонко разработаны в тех областях, где он предвосхищает идеи II Ватиканского собора, например, когда он касался общественной морали или религиозной свободы. Для централизации финансовых

операций Ватикана еще в 1942 г. папским решением создается *Instituto per le opere di religione* («Институт религиозных дел») – банк Ватикана, открывать счета в котором могут лишь лица, облеченные духовным саном.

Папа говорил во время своих многочисленных аудиенций, а также осуществлял свое церковное учительство посредством энциклик, таких как *Humani generis* («Род человеческий») от 12 августа 1950 г. Этот юбилейный год, когда был провозглашен догмат об Успении, или взятии в Небесную славу Девы Марии, отмечает конец приготовлений к предполагаемому собору; кажется, что к этому моменту Пий XII уже прояснил наиболее насущные проблемы в области богословия и католического благочестия.

3. Развитие богословия и литургические реформы. В то же время следует отметить, что существовало множество течений – как ставших известными, так и остававшихся в тени: движений мирян и клириков, размышлявших о возвращении к истокам, к отцам Церкви и, в частности, к Библии.

Богословское движение, ставшее ощутимым перед войной благодаря публикациям таких работ, как «Разъединенные христиане» о. Ива Конгара (1937) или «Католичество» о. Анри де Любака (1938), или же синтезу богословия и духовности, представленному в книге «Господь» Романо Гвардини (1937), развивается в различных направлениях.

Особенно это проявилось в библейских изысканиях, которые привели после открытия в 1947 г. кумранских рукописей к открытию новых перспектив. В области патристики много сделали Жан Даниелу и Клод Мондезёр; для истории богословия и институций – Мари-Доминик Шеню и Ив Конгар во Франции, Хуго Ранер и Йозеф Лортц в Германии, Рожэ Обёр в Бельгии; в области спекулятивного богословия – Карл Ранер и А. де Любак, которые исследовали католическую и восточную традиции, сопоставляя их с более современными, новейшими течениями. Ханс Урс фон Бальтазар вместе с де Любаком предложил новый тип богословствования на Западе, глубоко укорененный в традиции; он проводит сопоставление католической догматики и идей европейской культуры. Й.А. Юнгманн из университета в Инсбруке пересматривал методы изучения истории литургии и подготавливал то обновление, которое станет наиболее явным и оспариваемым результатом деяний II Ватиканского собора. Иезуит, ученый с мировым именем о. Пьер Тейяр де Шарден пытался преодолеть разрыв между наукой и верой, сблизить их в своих трудах «Божественная среда» (1926–1940) и «Феномен человека» (1938–1940), издание которых не было разрешено церковной властью. Хотя эти работы не были включены в «Индекс запрещенных книг», Конгрегация Священной канцелярии обнаружила в творчестве Тейяра «двусмысленности и грубые ошибки». Размноженные на ротаторе и напечатанные после смерти автора, эти работы имели небывалый успех, который превзошел все ожидания публики, увлеченной идеей эволюционного одухотворения материи.

Эти же люди занимались проблемой диалога с другими христианскими конфессиями. Римскую курию беспокоили их смелые выступления, и ряд богословов подвергался если не осуждению, то по крайней мере прещениям: им запрещалось дополнительное преподавание (в русле запрещения деятельности священников-рабочих).

Среди деяний Пия XII в теологической сфере в 1940–1950-е годы необходимо упомянуть вдохновленные им реформаторские процессы в сфере основного богословия. В энциклике *Divino Afflante Spiritu* (30 сентября 1943 г.) папа, подчеркивая фундаментальное значение Библии для развития богословских наук, снял с библейских исследований все ограничения, имевшие место ранее. Папа призвал христианских теологов вернуться к оригинальной версии Библии на греческом и иврите. Отмечая прогресс в области церковной археологии, эта энциклика (в отличие от энциклики Льва XIII *Aeterni Patris*, где обосновывалась необходимость возвращения к оригинальным текстам, чтобы освободить Вульгату от двусмысленностей) требует гораздо более глубокого

понимания древней еврейской истории и традиции. Она требует от епископов во всей церкви инициировать библейские исследования мирян. Понтифик также говорит о переориентации католического образования с тем, чтобы оно было в максимальной степени основано на Писании.

Развивая догматические усилия, предпринятые папой Пием IX касательно прославления Девы Марии (названный папа в энциклике *Ineffabilis Deus*, обнародованной 8 декабря 1854 г., провозгласил догмат о непорочном зачатии Богородицы, согласно которому «учение, состоящее в том, что Преплавленная Дева Мария с первого мгновения своего зачатия, по исключительной благодати и дару Всемогущего Бога, в предвидении заслуг Иисуса Христа, Спасителя рода человеческого, была сохранена свободной от всякой скверны первородного греха, является Богооткровенным, и потому всем верным надлежит согласно и твердо верить в него»), Пий XII провозгласил в апостольской конституции *Munificentissimus Deus* (1 ноября 1950 г.) догмат о телесном вознесении Ее на небо, подчеркнув позже в энциклике *Fulgens corona gloriae* (8 сентября 1953 г.) сущностное единство этих двух догматов («вследствие теснейшей неразрывной связи, посредством которой эти два догмата соединены между собой, после торжественного провозглашения и возвещения взятия Марии на небо, что является как бы венцом и завершением первого преимущества Марии, с большей ясностью и полнотой стала известна гармония того премудрого Совета Божия, в силу которого Бог восхотел, чтобы Благодатная Дева Мария была свободна от первородного греха»). В 1954 г. Пий XII провозгласил Деву Марию Царицей Небес и короновал ее икону.

Одним из важных деяний папы Пия XII стала литургическая реформа, начатая энцикликой *Mediator Dei* (20 ноября 1947 г.), в которой папа связывает литургию с последним заветом Христа. Церковь и Христос имеют общую цель – учить человечество истине и возносить Богу угодные и приятные жертвы. В них церковь восстанавливает единство между Творцом и творением. Таинство алтаря, совершаемое Самим Христом, приносит и разделяет божественную благодать от Христа членам Его мистического Тела.

В 1948 г. была создана Папская комиссия по реформе литургии, секретарем которой был назначен монсеньор Аннибале Буньини (1912–1982), прослуживший в комиссии вплоть до понтификата Павла VI, когда работа комиссии завершилась подготовкой новой редакции *Чина Мессы* и изданием нового *Римского Миссала*.

Среди литургических реформ, проведенных Пием XII, важное значение имело обновление и возрождение исторических литургических традиций. Так, декретом *De solemnii Vigilia Paschali instauranda* (9 февраля 1951 г.) был восстановлен – *ad experimentum* – существовавший до XII в. обычай совершения в канун Пасхи пасхального навечерия, отправляемого в ночное время; при этом было сокращено число читаемых паримий с 12 до 4⁵.

Папа призывал к большей продуманности интерьеров церквей: они должны быть более структурированными; Святые Дары следует помещать в них исключительно на главном алтаре в центре церкви; церковь, по мысли папы, должна являть людям объекты религиозного поклонения, но не должна быть перенасыщена объектами вторичного порядка, а современное сакральное искусство, украшающее церковные здания, должно отражать дух своего времени, но в то же время не утрачивать благоговейности.

⁵ Паримия (также паремия, паремья) – ветхозаветное чтение за богослужением.

Пий XII нарушил веками устоявшуюся христианскую традицию совершения литургии только в утренние часы: в качестве исключения (с учетом экстраординарных условий Второй мировой войны) было разрешено совершать мессу в вечернее время. В этой связи были внесены изменения в правила поста: апостольская конституция Пия XII *Christus Dominus* (1953) освободила католиков от поста перед причастием, состоявшего в полном воздержании от пищи и питья, начиная с полуночи дня, в который предстоит приобщаться святым Христовых Таин. Дальнейшее смягчение постных правил было введено папой в *motu proprio Sacram communionem* (19 марта 1957 г.).

Одним из самых смелых и значимых литургических начинаний Пия XII стало введение новых богослужебных чинов Страстной седмицы (для Вербного воскресенья, Великого четверга и Великой пятницы), существенно изменивших важнейшие обряды римской литургии (декрет *Maxima Redemptionis* от 19 ноября 1955 г.).

Апостольской конституцией *Cum hac nostra aetate* (23 марта 1955 г.) было положено начало реформе богослужебного рубриката и церковного календаря, продолжавшейся до 1969 г. Изменился способ ранжирования церковных праздников.

По древней традиции среди дней календаря выделялись праздники (*duplex*) и «простые дни» (*simplex*). Праздники, в свою очередь, подразделялись на ранги: *duplicita I classis primaria* (с октавой⁶); *duplicita I classis secundaria* (без октавы); *duplicita II classis*; *duplicita majora*. Каждый литургический день начинался с вечерни, которая совершалась вечером накануне календарной даты («первая вечерня»). В отличие от «простого дня» праздник заканчивался не к вечеру данного дня, а к полуночи (имея таким образом «вторую вечерню»). Общее число праздников со временем увеличивалось: в *Римском бревиарии* 1568 г. их было 149, в начале XX в. – уже 280.

Реформа 1955 г. отменила «полудвойные» (*semiduplex*) праздники, оставив только «простые» и праздничные (*duplicita*) дни; все будничные «полудвойные» праздники стали «простыми», а воскресные – «двойными». В 1960 г., в продолжение этой реформы, папа Иоанн XXIII вообще отказался от старой системы и установил праздники первого, второго, третьего и четвертого классов, а после II Ватиканского собора взамен этой классификации новым церковным календарем, введенным папой Павлом VI в *motu proprio Mysteriorum paschalis* (14 февраля 1969 г.), предусматриваются «будние дни» (*feria*), «памяти» (*memoria*) и два класса праздников: *solemnitates* («торжества») и *festas* («праздники»).

Календарной реформой были отменены многие октавы и бдения. Из 18 имевшихся в календаре октав были оставлены только три (Пасха, Пятидесятница и Рождество). Из бдений была устранена примерно половина (в том числе бдения под Богоявление и под праздник святых апостолов). За некоторым исключением был отменен обычай начинать праздник первой вечерней накануне; для большинства праздников была оставлена только вторая вечерня, совершаемая после полудня в день праздника (чтобы исключить соединение служб, когда на вечер одного дня может приходиться вторая вечерня сегодняшнего праздника и первая – завтрашнего). Был также отменен обычай совершать великопостные вечерни до полудня (причиной этого старого обычая было древнее правило о том, что вкушать пищу Великим постом можно только по окончании вечерней службы; поскольку католическая церковь это правило давно отменила, следовало изменить и порядок богослужений). Было упразднено чтение изменяемых богородичных антифонов *Бревиария* после литургических часов, они были оставлены только после повечерия.

После провозглашения *ex cathedra* догмата о телесном вознесении Девы Марии (1 ноября 1950 г. в апостольской конституции *Munificentissimus Deus*) была введена новая формула мессы (месса *Signum magnum*) для служения в день этого праздника.

Чтобы повысить папский авторитет, Пий XII ввел в *Миссал* и *Бревиарий* специальную общую службу «святым понтификам» (ранее богослужения в честь святых пап совершались чином, общим для всех епископов); *Introit* новой мессы святым папам начинался словами *Si diligis Me*.

Папа ввел разрешение на совершение браковенчаний вне мессы; в определенных случаях священникам позволялось совершать конфирмацию (в католической церкви она является прерогативой епископов).

⁶ *Октавы* – великие праздники, продолжающиеся восемь дней (например, Пасха) и сопровождаемые либо ежедневным служением собственной мессы праздника, либо, если случится месса по другому поводу, добавлением в нее дополнительных праздничных коллект.

Не менее важной была языковая проблема. В оживленной дискуссии по поводу возможности использовать за богослужением национальные языки Пий XII поддержал это нововведение. Он увеличил количество богослужений, совершаемых не на латыни, особенно в странах, где широко развивалась католическая миссионерская деятельность. В то же время он настаивал на том, чтобы такие богослужения совершались только с разрешения Святого престола, и запрещал в этом деле любую самостоятельность приходских священников и общин.

Литургические реформы Пия XII, продолжившие процесс, начатый при Пие X, стали одной из важных предпосылок кардинального реформирования католического богослужения, предпринятого в соответствии с решениями II Ватиканского собора.

В 1949 г. Пий XII дал разрешение на проведение общих молитв с не католиками, зафиксировав таким образом позицию Ватикана в отношении ВСЦ.

§ 4. Идея «аджорнаменто» и подготовка II Ватиканского собора

1. «Аджорнаменто». Послевоенный период – время, когда стало остро чувствоваться, что религиозная жизнь (по крайней мере в западных странах) пришла внезапно в упадок как в деревнях, так и в городах. Политический и религиозный образ «мира сего» претерпел глубокие изменения. Кризис проявился в уменьшении числа призваний к священническому служению и монашеству и особенно в фактах снятия сана священниками и монахами, которые со временем приобретают массовый характер. Только кризисы, связанные с событиями вроде протестантской Реформации или Французской революции, порождали подобное бегство.

Однако в то же самое время и в тех же самых странах процветают многочисленные новые религиозные общины, развивается библейское и богословское образование мирян, происходит слияние традиционных форм благочестия с новыми подходами к святости (*харизматические движения*). Возникают некие «элитарные религии». Во второй половине XX в. начинают говорить о *постхристианстве*, о том, что религиозная потребность утоляется во всевозможных сектах, которые явились как бы заменой христианству во многих странах, особенно в Латинской Америке.

Напротив, жизненная сила католицизма проявляется в молодых африканских церквях в странах, которые обрели независимость в период краха колониальной системы (кстати, именно здесь богословские послы II Ватиканского собора будут восприняты наиболее полно и радушно).

Все это ставило перед католической церковью вопрос о необходимости осмысления нового мира, его новой идеологии и места в нем католицизма соборным разумом.

Впервые мысль о необходимости нового собора католической церкви была сформулирована – в качестве благопожелания – папой Пием XI в первой же его энциклике *Ubi arcane Dei* (23 декабря 1922 г.). В то же время папа подчеркнул, что, ожидая воли Божьей относительно нового всецерковного форума, который продолжил бы неоконченные труды I Ватиканского собора и обсудил насущные проблемы современности, сам он не решает его созвать.

Действительно, время для созыва общекатолического собора было неблагоприятное: весь понтификат Пия XI совпал с периодом фашистской диктатуры Муссолини в Италии.

Конца фашистского режима дождался уже следующий папа Пий XII. Ряд прелатов предлагал ему идею собора (ибо «материала для его работы было бы столько же, сколько и у Тридентского собора»), однако папа, поддерживаемый в этом вопросе курией, счел ее несвоевременной.

В то же время новые вызовы «традиционной» церковности, с которыми католическая церковь столкнулась после Второй мировой войны, и прежде всего – нарастающий секуляризм общества и государства привели к необходимости выработки *новых подходов к позиционированию церкви в новой социальной реальности*.

На рубеже 1950–1960-х годов в недрах католицизма возникает течение, получившее название «*аджорнаменто*»⁷. Католическая церковь выходит на путь *осовременивания церковной жизни*, ставит перед собой задачу повернуться лицом к обществу, к обостряющимся социальным и экономическим проблемам человека и человечества. Это была новая и, видимо, своевременная попытка *сохранения религиозной идентичности в агрессивном секулярном окружении*.

Актуальность этих проблем для католической церкви была связана не только с тем, что убыстряющееся историческое развитие продуцировало в этом плане все новые и новые вызовы (существенные изменения в развитии капитализма, поставившие проблему постиндустриального общества; развитие транснациональных хозяйственных процессов и институтов; кризис и развал колониальной системы империализма; динамичные отношения между трудом и капиталом, стимулировавшие развитие «левых» идеологий и политических практик, и др.), но и с тем, что в поиск их решения на межхристианской основе глубоко вошло экуменическое движение.

Важной предпосылкой нового течения стало также развитие в 1950-х годах богословских и библейских исследований в русле постепенного отхода от неосхоластики и библейского буквализма, что стало определенной реакцией на модернистские тенденции, усилившиеся со времени I Ватиканского собора. Этот переход можно было заметить в трудах богословов, работавших в данном направлении: иезуитов *Карла Ранера* (1904–1984) и *Джона Кортни Мюррея* (1904–1967), которые подчеркивали необходимость интеграции современного опыта человечества и принципов бытия церкви, данных Христом, *Йозефа Ратцингера* (позже – кардинал и папа) (р. 1927), а также в экуменической экклезиологии *Ива Конгара* (позже – кардинал) (1904–1995), *Анри де Любака* (позже – кардинал) (1896–1991) и др., которые в качестве богословской основы «*аджорнаменто*» указывали верное истолкование Священного Писания и богословия ранних отцов Церкви.

Идея «*аджорнаменто*» выходит за пределы церковной ограды, вызывая широкий общественный резонанс, особо проявившийся в ходе подготовки и проведения II Ватиканского собора.

⁷ Итал. *aggiornamento* – «обновление»; «осовременивание», «приведение в соответствие с сегодняшним днем».

«Аджорнаменто», – писал печатный орган итальянской коммунистической партии газета «Уни́та́», – которое некоторые элементы (...) желали бы удержать в границах обсуждения вопросов литургии и дисциплины, неизбежно распространяется на области жизни технической, политической, социальной, национальной и международной. Вопрос о взаимоотношениях католического мира с народами другой религиозной веры, с нациями, которые только что освободились от колониального ига, и в первую очередь с социалистическими странами, настоятельным образом выдвигает необходимость мирного и плодотворного согласования между коммунистическими идеалами и свободными религиозными общинами, – и этот вопрос ставится перед общественным мнением с особой силой именно теми же самыми «ожиданиями», которые собор вызывает среди верующих».

2. Начало подготовки II Ватиканского собора. Предподготовительная комиссия. На конклаве 28 октября 1958 г. папой Римским был избран престарелый венецианский патриарх кардинал Ронкалли – в надежде, что его понтификат будет «переходным», т.е. кратким, и даст возможность исцелить нестроения, возникшие в годы долгого и драматичного правления Пия XII.

Нового папу, принявшего имя *Иоанн XXIII* (1958–1963), считали «переходной фигурой». Однако он смог опереться на целую группу богословов, которые работали, размышляли, экспериментировали, надеясь на то, что в церкви восторжествует более широкое и глубокое видение. Уже 25 января 1959 г. на заседании консистории в кафедральной базилике Сан Паоло фуори ле Мура («за городскими стенами») папа неожиданно объявил 17 кардиналам о своем решении созвать римский епархиальный синод и «Всеобщий собор Вселенской Церкви». Одновременно было объявлено об официальном закрытии I Ватиканского собора.

Кардиналы приняли объявление «в торжественно благочестивом молчании»; позднее 25 кардиналов (из которых семь присутствовали в Сан Паоло фуори ле Мура) ответили на папское решение письмами (из них 22 – чисто формально), а остальные 38 членов коллегии кардиналов не откликнулись вовсе.

Папа, по его словам, руководствовался «исключительно заботой о душевном благе и о том, чтобы новый понтификат смог ясным и определенным образом подойти к духовным нуждам нынешнего времени». Его «решение было сформировано на основе памяти о некоторых древних способах высказывания доктринальных заявлений и на определенных мудрых практиках церковной дисциплины, в эпохи обновления церкви давших особенно действенные результаты в области укрепления религиозного единства и возбуждения большего христианского рвения».

В число основных задач будущего собора были поставлены темы, связанные с обновлением католической церкви: богослужение, экуменизм, возврат к библейским и святоотеческим источникам, «повторное открытие» церкви. Папа видел задачу собора в очищении церкви от вековых наслоений, в реорганизации и обновлении

Папа Иоанн XXIII в день интронизации.
Рим, собор св. Петра, 1958 г.

церковной жизни, с тем чтобы внутренне приспособить ее к изменившемуся сознанию современных верующих, к их бытовым условиям жизни, психологическим особенностям и культурным потребностям; в том, чтобы явить церковь, основанную на заветах Христа, более соответствующей евангельскому духу; наконец, в том, чтобы устранить препятствия к единению всех христиан.

«Необходимо, чтобы церковь была приспособлена к новым условиям своего служения, ибо так разительна в современном мире эволюция среди верующих и так меняется образ жизни, который они должны вести. (...) И когда она достигнет этого, церковь обратится к братьям, в разделении сущим, и скажет им: "Посмотрите, какова церковь, чего она достигла, как она являет себя вам". И когда церковь явится им такой, здраво обновленной, она сможет воззвать: "Придите к нам"».

Римская курия не сразу смирилась с идеей синода и собора, однако ее сопротивление, поддержанное римскими богословами, было недостаточным, чтобы расстроить замыслы папы. Несмотря даже на попытки замалчивания папской идеи (официальный журнал *Civiltà cattolica*, например, в течение всего 1959 г. не опубликовал ни одной статьи по поводу собора) началась сложная предподготовительная работа: 17 мая 1959 г. была назначена *Предподготовительная комиссия* во главе с префектом Священной конгрегации чрезвычайных церковных дел, государственным секретарем Ватикана кардиналом Д. Тардини.

В задачи комиссии входили: 1) установление необходимых контактов с католическим епископатам разных наций, организация их опроса, сбора ответов и замечаний; 2) сбор предложений от дикастерий⁸ римской курии; 3) предварительное определение тем, которые могут быть обсуждены на соборе, на основании предварительных консультаций с богословскими и церковно-юридическими факультетами католических университетов; 4) выработка предложений по составу различных органов (комиссий, секретариатов и др.), которые должны будут заняться подготовкой работы собора.

Предподготовительные консультации в большей степени выявили различия в католическом мире, чем его единство.

Основная часть католического епископата представила ответы на вопросы, поставленные Предподготовительной комиссией: на них ответили 94% епископов Европы, 89% – Африки, 88% – Северной Америки, 83% – Южной Америки, 71% – Океании. Наиболее активным оказался епископат Германии (100%), Испании (98%), Франции (96%), Италии (94%), США (90%), Индии (84%), Аргентины (82%).

Епископат католической церкви разделился на «либеральный», новаторский, и «консервативный». Высказывались весьма дискуссионные богословские посылки (в области мариологии, например; в экклезиологии мнения колебались в широком диапазоне – от догматизации доктрины Пия XII о Церкви как Мистическом Телe до призывов к «африканизации» Церкви), причем идеи, поддерживавшие «*аджорнаменто*», происходили в основном

⁸ *Дикастерии* (греч. δικαστήριον – «законный суд», от δίκαστής – «судья») – обобщающий термин, используемый для обозначения ведомств римской курии – Государственного секретариата, конгрегаций, трибуналов, Папских советов и комиссий, иных ведомств курии (современное положение дикастерий определено апостольской конституцией Иоанна Павла II *Pastor Bonus*).

из диоцезов северо-запада Европы и от церквей восточного обряда. Часть епископов, которых идея собора застала врасплох, заняла выжидательную позицию.

Обработка материалов была закончена в апреле 1960 г. В *motu proprio* папы *Superno Dei nutu* от 5 июня 1960 г. было объявлено, что в результате проведенных консультаций основные темы будущего собора отчетливо выявились: II Ватиканский собор соберется «вокруг папы» и будет работать над обновлением католической церкви и проблемой христианского единства.

«Когда созывается собор, вокруг его отцов группируются выдающиеся лица церковного мира, обогащенные превосходными знаниями богословских и юридических наук, организационными способностями, высоким апостольским духом. Это и есть собор: на вершине – папа, вокруг него и с ним – кардиналы, епископы всех обрядов и всех стран, ученые и компетентнейшие наставники различных степеней и специальностей». «В этом торжественном собрании епископов вокруг римского папы церковь, возлюбленная Невеста Христова, может обрести в эти смутные времена новое и большее величие; и для тех, которые хотя и носят славное имя христиан, но отделены от этого апостольского престола, вновь воссияет надежда, что, слушая голос Божественного Пастыря, они придут в лоно единой Христовой Церкви».

3. Подготовительные комиссии. С этого документа принято начинать отсчет собственно подготовительного предсоборного этапа: в течение нескольких последующих недель начали свою работу *Подготовительные комиссии* (богословская; по апостолату мирян; по епископам и управлению епархиями; по дисциплине духовенства и христианского народа; по священной Литургии; по миссиям; по восточным церквям; по монашеству; по таинствам; пастырская; по христианскому единству и др., во главе с Центральной подготовительной комиссией).

Состав Подготовительных комиссий во многом зависел от куриального аппарата, стремившегося свести заявленное папой Иоанном XXIII обновление католической церкви к минимуму и сохранить вероучительную традицию в неприкосновенности. Эту часть богословов и представителей аппарата Ватикана, ведущей фигурой среди которых был кардинал Оттавиани – секретарь Конгрегации Священной канцелярии, называли *интегритами*⁹. В ходе собора эту группу поддержали, помимо большинства кардиналов курии, испанские, португальские, латиноамериканские, филиппинские и некоторые другие епископы.

В то же время многие из членов и особенно консультантов (экспертов – *periti*) Подготовительных комиссий были сторонниками обновления (Жан Даниелу, Ив Конгар, Анри де Любак, Карл Ранер, Эдуард Схиллебекс и др.). К числу сторонников реформ относились также кардиналы Беа (папская курия), Кёниг (Вена), Альфринк (Утрехт), Льенар (Лилль), Фрингс (Кёльн) и др. Это либеральное крыло образовало группу *прогрессистов*.

14 ноября 1960 г. папа официально объявил об открытии подготовительной фазы собора и начале работы комиссий.

⁹ Лат. *integrum* – целостный.

Необходимость созыва «нового Вселенского собора» была обоснована Иоанном XXIII в булле *Humanae salutis* от 25 декабря 1961 г., посвященной проблемам современного общества, его духовному кризису, развивающемуся на фоне материального прогресса. Папа ставил перед собором задачу «установить контакт» между Евангелием и современным миром. В *motu proprio Concilium* от 2 февраля 1962 г. папа установил дату открытия собора – 11 октября 1962 г.

Работа Подготовительных комиссий завершилась 20 июня 1962 г. Результатом их деятельности стали 73 проекта документов, из которых в течение лета 1962 г. удалось подготовить в окончательной редакции только первые семь (Об источниках Откровения; О сохранении чистоты сокровищницы веры; О священной Литургии; О средствах массовой коммуникации; О единстве церкви; О христианском воспитании; О морали).

6 августа 1962 г. в *motu proprio Appropinquante Concilio* были обнародованы 70 статей Устава собора (*Ordo Concilii*): правила проведения заседаний, ранги и права участников, степень участия в соборе консультантов-теологов и наблюдателей-некатоликов, порядок голосования и т.д. Общее руководство по проведению генеральных конгрегаций поручалось Совету президиума в составе 10 кардиналов, назначенных папой. Учреждались 10 соборных комиссий по 26 членов в каждой (16 избирались общим голосованием, 10 назначались папой).

§ 5. II Ватиканский собор

1. Цели и задачи собора. II Ватиканский собор (XXI Вселенский, по счету католической церкви), по словам папы Иоанна XXIII, имел две цели – обновление церкви, чтобы она могла верно осуществлять свою миссию в современном мире, и расширение пастырской деятельности. Иоанн XXIII неоднократно подчеркивал, что в центре внимания собора должны быть не догматические, а пастырские вопросы. В его задачи не входит осуждение заблуждений и провозглашение анафем, потому что ныне церковь предпочитает «прибегнуть скорее к целительному средству милосердия, чем к строгости». И эта цель была достигнута: как отметил в январе 1966 г. преемник Иоанна XXIII папа Павел VI (1963–1978), II Ватиканский собор «избежал торжественных догматических вероопределений».

Но это не означает, что собор должен был анализировать главным образом внешние проблемы. В эпоху, когда в роде человеческом совершенно очевидно охлаждение к тем сокровищам, которые никогда не погибают, и в то же время наблюдается большое тяготение к легко достижимым удовольствиям, которые современный прогресс легко делает всеобщим достоянием, церковь, как пишет Иоанн XXIII, «должна вливать в вены современного человечества вечную, живительную и божественную энергию, проповедуемую Евангелием, – в тот мир, который гордится последними научными достижениями (...) но который не делает такого же прогресса в плане духовном». Поэтому собор должен посвятить свои заседания доктринальным вопросам с тем, чтобы его решения соответствовали реальному положению церкви в современном мире и способствовали осуществлению ею своей миссии. Это – вопросы Священного Писания, традиций, церковных таинств и молитв, дисциплины, благотворительности, миссии и церковной деятельности мирян.

Папа Иоанн XXIII подписывает буллу *Humanae salutis*.
Ватикан, 25 декабря 1960 г.

Заседание II Ватиканского собора.
Рим, собор св. Петра

В рождественской булле *Humanae salutis*, которой папа известил католический мир о созыве собора, были очерчены его главные цели: 1) вклад церкви в решение мировых проблем; 2) обновление церковных структур; 3) подготовка путей к христианскому единству. Особенно удивительной стала информация о том, что на собор будут приглашены также представители не католических христианских общин.

Так, в ходе работы II Ватиканского собора на нем присутствовали наблюдатели девяти Поместных православных церквей и восьми протестантских деноминаций, в частности, от Русской православной церкви – прот. В. Боровой (все сессии), прот. И. Илич (2-я сессия), Л. Воронов (3-я сессия), архимандрит (ныне митрополит) Ювеналий (Полярков) (4-я сессия); от Русской православной церкви за рубежом – епископ Женевский Антоний (Бартошевич), прот. И. Троянов, С. Кротов и делегация парижского Свято-Сергиевского богословского института в составе ректора епископа Катанского Кассиана (Безобразова) и прот. А. Шмемана.

2. Периодизация работы собора. Начало соборных деяний. Прогрессисты и интегрисы. Работа II Ватиканского собора проходила в *четыре периода* (которые часто неправильно называют сессиями):

- 1) 11 октября – 8 декабря 1962 г.;
- 2) 29 сентября – 4 декабря 1963 г.;
- 3) 14 сентября – 21 ноября 1964 г.;
- 4) 14 сентября – 8 декабря 1965 г.

Заседания, происходившие в рамках этих периодов, назывались *генеральными конгрегациями*.

«Прогрессисты» вышли на собор весьма сплоченно. Еще до начала работы собора они организовались в рамках епископских коалиций («Европейский альянс», «Союз епископов с берегов Рейна», «Конференция епископов Франции» и др.), объединивших либерально настроенных епископов

Папская месса Иоанна XXIII с участием духовенства восточного обряда в соборе св. Петра. Рим, 1962 г.

Франции, Германии, Нидерландов, Швейцарии и Австрии. Активная позиция «прогрессистов» (организация конференций, публикация материалов, отстаивавших либеральную позицию по обсуждаемым вопросам) позволила им привлечь на свою сторону соборное большинство. После назначения в соборные комиссии представителей «прогрессистов» их главной целью стало отклонение всех проектов, разработанных традиционалистами.

Негласно «прогрессистов» поддерживал папа Иоанн XXIII.

«Интегриссты», представленные кардиналами курии и епископами Италии, Испании и Латинской Америки, полностью полагались

на возможности курии противостоять либеральным идеям и поэтому вначале пренебрегли объединением своих сил. Только после отклонения трех проектов было сделано совместное заявление, в котором ставилась под сомнение объективность выражения соборного мнения в области вероучения.

Собор, на который собрались 2 540 участников, торжественно открыл 11 октября 1962 г. папа Иоанн XXIII вступительной речью *Gaudet Mater Ecclesia* («Радуется Мать-Церковь»). Папа ориентировал собор на «сохранение и более действенное изложение священного наследия христианского учения», которое должно быть истолковано в формах, носящих пастырский характер, и не содержать осуждающих определений и анафем.

3. Первый период. В ходе *первого периода* собора были рассмотрены документы:

– послание *ad universos homines* («ко всему человечеству»), проект которого был подготовлен либеральным теологом Д. Шеню, сделавшим акцент на принципе «естественной нравственности», открывавшей возможность к «диалогу» с неверующими. Консервативное крыло собора пыталось охладить социальный накал послания, отмечая, что церковный собор призван решать духовные задачи церкви, а не проблемы современности и «материальных бедствий народов». Послание, однако, было принято с незначительными поправками практически в первоначальной редакции;

– проект конституции *De sacra Liturgia* («О священной Литургии»), где были изложены общие принципы обновления и развития богослужения католической церкви, исходя из необходимости изменения формы ради приближения богослужения к условиям современности. По инициативе «прогрессистов», требовавших более радикального преобразования литургической жизни, документ был отправлен на доработку;

– подготовленный Доктринальной комиссией под руководством кардинала Оттавиани проект *De fontibus Revelatione* («Об источниках Откровения»),

в котором было изложено традиционное католическое учение, сформулированное на Тридентском соборе, о том, что божественное Откровение проистекает из двух одинаковых по святости и значимости источников: Священного Писания и Священного Предания. Документ вызвал возражения «прогрессистов» и либеральных богословов. Они настаивали на том, что единственным источником Откровения является Писание, а Предание не имеет божественного происхождения. Августин кардинал Беа, глава нового секретариата по вопросам христианского единства, отметил, что проект станет тормозом развития экуменического диалога с протестантами: он излагает устаревшее антипротестантское учение Тридентского собора и не учитывает новейших достижений экзегетики и библеистики. Папа поддержал «прогрессистов», и документ был отправлен на доработку;

– также на доработку ушел проект документа о средствах массовой коммуникации: «прогрессисты» настаивали на его сокращении и внесении упоминания о праве человека на получение объективной информации;

– серьезные дискуссии вызвал проект *De Ecclesia unitate* («О единстве церкви»). В результате обсуждений было принято решение разработать единый документ, посвященный экуменизму и касающийся проблемы единства не только с восточными церквами, но и с протестантами. Основные споры касались принципиального вопроса о римском епископе как преемнике апостола Петра и едином главе церкви: на внесении этого пункта настаивали традиционалисты, однако он вызвал серьезную оппозицию реформистов, поскольку акцент на неограниченной власти папы в церкви мешал развитию экуменического диалога с православными церквами;

– «излишний догматизм» стал причиной серьезной критики прогрессистов также в адрес документа *De Ecclesia* («О Церкви»). Соборные реформаторы и либеральные богословы-эксперты указывали, что в нем сделан упор на Церковь «господствующую и торжествующую», что не соответствует современному положению церкви и противоречит пастырской направленности собора. Вызвали дискуссию разделы о епископской власти и епископских конференциях, о положении мирян в церкви и др. В итоге кардинал Сюенс предложил план изменения текста и новое название – *Lumen gentium* («Свет народам»).

«Интегрисы» выражали недовольство слишком большими уступками «прогрессистам». 27 ноября архиепископ *Марсель Лефевр* (1905–1991) выступил с предложением о выработке по каждому вопросу двух документов: догматического (для теологов), выдержанного в строгих богословских рамках, и пастырского (для изложения позиций собора всем людям), где «прогрессисты» могли бы себе позволить различные «вольности». Предложение, однако, не прошло.

Время между первым и вторым периодами собора было занято существенной работой над проектами соборных документов.

В письме к собору *Mirabilis ille* от 6 января 1963 г. Иоанн XXIII изложил основные принципы работы между сессиями. Епископам предоставлялось право рекомендовать Генеральному секретариату теологов-специалистов в качестве соборных экспертов-консультантов. Папа призвал к активному сотрудничеству с соборными комиссиями в подготовке документов, особо отметив необходимость освещения различных аспектов современной жизни общества. В то же время папа подверг критике случаи введения на волне «обновления»

новых, неутвержденных церковной властью форм богослужения, призвав епископов к осмотрительности в этом вопросе.

К маю 1963 г. новые редакции текстов (теперь они были сведены в 17 документов) были готовы; их разослали членам собора и национальным епископским конференциям.

4. Второй период. В это время, однако, само продолжение собора было поставлено под вопрос: смерть папы Иоанна XXIII¹⁰ породила дискуссии о необходимости соборных прений. Но новый папа Павел VI в своем первом обращении *Urbi et Orbi* 21 июня 1963 г. подтвердил, что работа собора будет продолжена.

Направление, в котором должны развиваться дальнейшие соборные деяния, были заданы двумя документами, подписанными Павлом VI 14 сентября 1963 г. Воззвание к епископату *Eum proximis* напоминало участникам собора о необходимости духовного совершенствования и призывало католический мир к особым молитвам за собор. Послание *Chorum temporum* официально приглашало членов собора на открытие второго периода заседаний, указав на стоящие перед ним цели: развитие апостолата мирян и достижение единства между христианами.

21 сентября папа обратился к курии, благодарил ее сотрудников за труды и объявил о своем намерении реформировать курию, подготовив к обсуждению на новой сессии собора вопросы об изменениях в церковном управлении, о коллегиальности епископата и роли епископов в управлении диоцезами.

Второй период собора привнес организационные новшества: для руководства заседаниями были назначены четыре модератора (кардиналы Г.П. Агаджанян, архиепископ Болонский Дж. Леркаро, архиепископ Мюнхенский Ю. Дёпфнер, архиепископ Мехеленский и Брюссельский Л.Ж. Сьоненс) для организации взаимодействия участников собора.

В проповеди (она была названа устной энцикликой) на торжественной мессе в день открытия второго периода заседаний, за которой присутствовали 2 427 членов собора, папа сформулировал четыре основные цели: догматическое учение о Церкви и доктрина о епископате; обновление церкви через очищение церковного предания «от всего, что несовершенно и устарело»; восстановление единства христиан; диалог католической церкви со светскими и церковными структурами.

Обращаясь к некатолическим наблюдателям, папа просил прощения за обиды, нанесенные «отделенным» братьям, подтвердив готовность католической церкви простить оскорбления и «ту боль, которая была ей причинена в длинном ряду разделений и разногласий».

В устной энциклике было впервые заявлено о необходимости проведения следующих сессий собора для окончательного решения всех вопросов.

В течение *второго периода* соборных заседаний был рассмотрен ряд документов:

– проект конституции *De Ecclesia* («О церкви»), содержащий ряд дискуссионных моментов (учреждение женатого диаконата, вопрос о месте мирян в церкви, проблема коллегиальности епископата и др.). Вызванное нехваткой священнослужителей восстановление в католической церкви диаконата как ступени священства возражений не встретило. Положение о женатом диаконате было утверждено, хотя идея допущения женатого диаконата вызвала существенную критику.

Позиция документа касательно роли мирян в церкви во многом основывалась на разработанных «прогрессистами» тезисах о широкой самостоятельности мирян, подчеркивала значение их миссионерства (*апостолата*), указывала на их сопричастность священническому

¹⁰ В 2000 г. папа Иоанн Павел II причислил Иоанна XXIII к лику блаженных.

служению¹¹. «Интегрисы» выступали против предоставления мирянам широкой самостоятельности, настаивая на сохранении их безусловной подчиненности иерархии в церковных вопросах.

По вопросу о коллегиальности епископата текст конституции содержал внесенное «прогрессистами» (с целью уравновесить экклезиологию I Ватиканского собора) утверждение, что все епископы, будучи преемниками апостолов, образуют единую епископскую коллегию, которая обладает правом управления Вселенской Церковью совместно с римским понтификом. Одновременно утверждалось право национальных епископских конференций осуществлять коллегиальное управление всеми диоцезами, относящимися к данной конференции.

Поскольку формулировка учения о епископате изначально рассматривалась в контексте развития учения I Ватиканского собора о примате папы, догматическое введение коллегиальности епископата приводило к фактическому ограничению власти папы: он ставился в зависимость от коллегии епископов. Именно против этой посылки выступили «интегрисы». В то же время на генеральной конгрегации 30 октября практически единодушно было утверждено, что всякое епископство, безусловно, является таинством.

Идеология данной конституции стала основанием для *motu proprio* Павла VI *Pastorale typus* от 30 ноября 1963 г., в котором были расширены права епископов в осуществлении властных полномочий по церковно-каноническим вопросам. Однако в слове при закрытии второго периода собора папа особо подчеркнул, что II Ватиканский собор является «естественным продолжением I Ватиканского собора»; данное утверждение нужно понимать в том смысле, что в вопросе о примате римского епископа никаких догматических или практических нововведений не последует.

Существенная часть членов собора высказалась за коллегиальность, однако противостояние значительного числа участников вынудило отправить *De Ecclesia* на доработку;

– проект *De pastorali munere episcoporum in Ecclesia* («О пастырских обязанностях епископов в Церкви»), помимо тезиса об управлении католической церковью епископской коллегией во главе с папой, содержал новую модель формирования римской курии: епископов и кардиналов для работы в конгрегациях курии предлагалось выбирать на национальных епископских конференциях, представив выбранные кандидатуры на утверждение папе (вместо прежнего назначения кандидатур папой единолично). Видя в этом очередное ограничение примата папы Римского, «традиционалисты» потребовали прекратить обсуждение. Проект был отложен для новой доработки, имея в виду перспективы будущего решения вопроса о коллегиальности;

– проект об экуменизме включал два дискуссионных вопроса: об экуменической позиции католической церкви и о религиозной свободе. «Интегрисы» выступили с критикой целого ряда позиций документа. Она касалась оценки «отделенных братьев», смягчения различий между католической церковью и другими христианскими церквями, признания ответственности католической церкви за разделения, частичного признания благодатности таинств и молитв в «некатолических сообществах». Кардиналы-«интегрисы» А. Баччи и Э. Руффины предложили изменить рабочее название проекта («О началах католического экуменизма») на «О католических началах экуменизма».

Самые острые за весь соборный период дискуссии вызвала проблема религиозной свободы. В результате по предложению «прогрессистов» решением папы Павла VI глава о религиозной свободе была вынесена из проекта об экуменизме и объединена с декларацией «О религиозной свободе». Сам проект об экуменизме был направлен на доработку.

Завершением второго периода заседаний собора стало окончательное принятие двух документов: конституции о священной Литургии (*Sacrosanctum concilium*) и декрета о средствах массовой коммуникации (*Inter mirifica*).

Конституция о литургии, ставшая основой литургической реформы в католической церкви, проведенной в послесоборный период, была выдержана

¹¹ Ср.: вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвестить совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий (1 Пет. 2, 9–10).

«Модернизированная» месса

в умеренных тонах и не вызвала опасений у «интегрисов», которые либо не смогли, либо не сумели распознать ее революционную сущность. Документ был принят 2147 голосами против четырех¹².

Гораздо больше прений вызвал декрет *Inter mirifica*: хотя он был существенно доработан, против него голосовали 164 члена собора при 1960 – за.

4 декабря Павел VI публично объявил об утверждении этих двух документов, используя, однако, формулу

approbamus una cum patribus («одобряем вместе с отцами»), а не *ex cathedra*. Это означало, что документы получили дисциплинарно-рекомендательный, а не догматический характер.

¹² Собор постановил пересмотреть чин мессы так, чтобы яснее выявлялся смысл отдельных ее частей, их взаимосвязь; упростить обряды при сохранении их существа; увеличить количество чтений из Святого Писания; включить в мессу после Евангелия и проповеди «*всеобщую молитву*», или «*молитву верных*». Собор разрешил в римском обряде причащение мирян под двумя видами в особых случаях по усмотрению епископов. Пересмотру должны были подвергнуться и чины совершения таинств и сакраменталий.

Было разрешено использование местных языков «*в чтениях и поучениях, в некоторых молитвах и песнопениях, согласно нормам, установленным (...) для каждого отдельного случая*».

Было допущено общение в таинствах с инославными: «*Можно преподавать таинства покаяния, Евхаристии и елеосвящения больным восточным христианам, отделенным от католической церкви (...) если они сами об этом попросят. (...) Более того: католикам также разрешается просить о тех же таинствах у служителей-некатоликов, в церкви которых наличествуют действительные таинства, всякий раз, когда того потребует нужда или подлинная духовная польза, а доступ к католическому священнику окажется (...) невозможен*».

Собором предписывалась радикальная реформа *Бревиария*; было отменено традиционное прочтение всей Псалтири в течение одной недели. По указанию собора («*богослужебные книги следует как можно скорее пересмотреть*») были подготовлены новые издания *Миссала*, *Ритуала*, других литургических книг, содержащих реформированные последования богослужений (*Novus Ordo*). Было принято также решение о реформе литургического календаря.

Собор ввел в римский обряд практику литургического *сослужения* – совместного служения нескольких священников (ранее считалось, что сослужение умаляет роль священника: каждый священник должен служить мессы *in persona Christi*, т.е. являя собой образ Христа): в Великий четверг (как на мессе при освящении мира, так и на вечерней мессе); на мессах, совершаемых на соборах, в собраниях епископов и в синодах; на мессе при возведении в сан настоятеля монастыря; с разрешения правящего епископа – на общей монастырской (*конвентуальной*) мессе, на главной мессе в храмах, на мессах в собрании секулярных и монашествующих священнослужителей.

Предписывался также пересмотр канонов и церковных обычаев о внешней стороне богослужения – форме и устройстве престолов, расположении священных изображений и украшений, церковной музыке и др. – «*считаясь с потребностями нашего времени и условиями современной жизни*».

Между вторым и третьим периодами работы собора, в январе 1964 г., папа Павел VI встретился с патриархами Константинопольским *Афинагóром* и Иерусалимским *Венедиктом* (1957–1980), а в мае создал Секретариат по нехристианским религиям. Эти события существенно повлияли на дальнейшую работу собора.

6 августа 1964 г. в энциклике *Ecclesiam suam* Павел VI провозгласил основной целью своего понтификата проведение II Ватиканского собора и *aggiornamento*. В энциклике было сказано также о необходимости диалога со всеми христианами, с иудеями, мусульманами и представителями других религий.

В то же время папа стремился ввести в круг целей собора необходимость пробуждения религиозного сознания во всем мире и проблеме содействия в установлении справедливости и мира между народами.

5. Третий период. На торжественной мессе в связи с открытием третьего периода собора папа Павел VI сказал проповедь, в которой сформулировал основную задачу предстоящих заседаний: развитие учения I Ватиканского собора о епископате, природе и служении епископов, их взаимоотношениях с папой и римской курией.

В ходе *третьего периода* собором были рассмотрены документы:

- догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*. Основные возражения вновь касались проблемы коллегиальности епископата (гл. 3 «Об иерархическом строении Церкви и о епископате»): «интегрисы» выступали в духе своего заявления (так называемое *Примечание*), поданного папе в сентябре 1964 г., где утверждалось, что гл. 3 «меняет облик церкви» – церковь из «монархической становится епископальной и коллегиальной». При поглавном голосовании гл. 3 была принята большинством голосов (1624 против 42) с поправками в части коллегиальности и отношений епископов с римским понтификом. Эти поправки, с одобрения папы, были обобщены в *Nota explicativa* («Объяснительное примечание»), где подчеркивалось безусловное сохранение примата и верховной власти папы, а коллегиальность толковалась не в юридическом смысле, а в смысле сотрудничества и помощи, оказываемой епископской коллегией римскому понтифику.

- Конституция *Lumen gentium*, ставшая основным догматическим документом II Ватиканского собора, была принята подавляющим большинством голосов (2151 – за, пять – против);

- проект «О пастырских обязанностях епископов в Церкви», в котором также содержались тезисы о коллегиальности; в результате дебатов эти спорные тезисы были отнесены на рассмотрение комиссии по пересмотру Кодекса канонического права; голосование по проекту было отложено до окончательного принятия конституции о Церкви;

- декларация о религиозной свободе *Dignitatis humanae*, вызвавшая резкое неприятие «интегрисов». Они указывали на отсутствие в документе точного богословского определения свободы, что порождало возможность двусмысленного толкования; на скрытое отрицание всякой власти над человеком (светской или церковной) в духовных вопросах; на декларирование права человека действовать согласно голосу совести как единственному источнику морали и божественного Откровения, заложенному в человеке, независимо от заблуждений совести; на требование предоставления свободы всем «ложным» религиозным объединениям наравне с «истинной» католической церковью.

Резкая консервативная оппозиция заставила папу Павла VI организовать специальную комиссию для доработки документа. В то же время папа удовлетворил требование 17 кардиналов из «прогрессистского» «Европейского альянса» удалить из состава этой комиссии «интегрисов» (их в ней предполагалось всего трое, включая упомянутого архиепископа Лефевра). Комиссии не удалось изменить текст *Dignitatis humanae* до конца третьего соборного периода, поэтому решением папы обсуждение новой редакции было отменено;

- проект «О церкви в современном мире» также вызвал обоснованные возражения «интегрисов». Они указывали, что католическая церковь всегда излагала свою позицию по

вопросам современности (в частности, в учении пап XX в., особенно Пия XII, труды которого почему-то не были упомянуты в документе), а попытка дать некие «новые ответы» представляет собой не что иное, как отход от традиционного католического учения в угоду современному миру. После оживленных дискуссий проект был отправлен на доработку сразу в семь соборных подкомиссий;

– был рассмотрен еще целый ряд проектов («О Божественном Откровении», «Об апостолате мирян», «О подготовке к священству», «О христианском воспитании», «О служении и жизни священников», «Об обновлении жизни монашествующих», «О восточных католических церквях»), в ходе обсуждения которых были определены позиции, требовавшие исправлений и дополнений; они были вынесены в соборные комиссии и подкомиссии для подготовки окончательных редакций. Проект «О браке и семье» был отклонен ввиду нерешенности в нем вопросов, касающихся юридической стороны развода и оценки социальной проблемы ограничения рождаемости; он был передан в комиссию по пересмотру Кодекса канонического права с поручением составить богословское заключение по данным проблемам в послесоборный период;

– участники собора также начали дискуссию о так называемой *Схеме XIII* – под этим номером в перечне текстов значилась пастырская конституция о Церкви в современном мире, которая в окончательной редакции получит название *Gaudium et spes* («Радость и надежда»).

На торжественной церемонии закрытия третьего периода папа подписал и провозгласил принятые конституцию о Церкви *Lumen gentium* и декреты об экуменизме *Unitatis redintegratio* (2137 голосов против 11) и о находящихся в юрисдикции Рима восточных католических церквях *Orientalium Ecclesiarum* (2110 голосов против 39).

Время между третьим и четвертым соборными периодами было посвящено как редакционной работе (по проектам «О религиозной свободе», «О церкви в современном мире», «О подготовке к священству», «Об апостолате мирян»), так и началу реформ, предписанных уже принятыми документами.

В частности, Комиссией по применению конституции о литургии (*Consilium liturgicum*) была начата литургическая реформа: 27 января 1965 г. был опубликован декрет о внесении изменений в чин мессы; 7 марта в римской церкви Всех святых папа впервые совершил мессу по «новому» обряду (так называемый *чин мессы 1965 г.*) – лицом к народу и на итальянском языке (за исключением евхаристического канона).

Появление нового чина мессы, существенно отходившего от предписаний конституции о священной Литургии, вызвало недовольство «традиционалистов», видевших в нем влияние протестантизма и скрытое отрицание католического учения о реальном и действительном присутствии Христа в Евхаристии. В связи с этим Павел VI издал энциклику *Mysterium Fidei* (3 сентября 1965 г.), где подчеркнул неизменность учения о Евхаристии и осудил богословские новшества в этом вопросе, выдвигаемые некоторыми сторонниками *aggiornamento*.

В соответствии с декретом о восточных католических церквях, подтверждающим первенство чести патриархов этих церквей, Павел VI подписал *motu proprio Ad purpuratorum Patrum Collegium* (11 февраля 1965 г.), установив епископское место в кардинальской коллегии для патриархов восточных католических церквей, возведенных в кардинальское достоинство.

А 15 сентября 1965 г. при открытии 128-й генеральной конгрегации собора было оглашено *motu proprio* Павла VI *Apostolica sollicitudo*, в котором папа официально учреждал синод епископов в качестве информационно-совещательного органа при папе.

6. Четвертый период. Завершение работы собора. В ответ на сомнения в том, что собор сможет конструктивно отработать и принять все 11 оставшихся документов (в том числе таких спорных, как декларация «О религиозной свободе» и конституция «О церкви в современном мире»), папа

Папа Павел VI

в послании 28 августа 1965 г. подчеркнул, что работа собора непременно должна быть завершена в 1965 г. – тем более, что он все равно не сможет «предложить миру единственное и немедленное решение всех важнейших вопросов», а только укажет пути поиска такого решения.

Четвертый период собора стал временем активизации деятельности соборных комиссий и национальных епископских конференций, исследовавших поступившие по обсуждаемым документам замечания и дополнения.

В заседаниях четвертого периода были обсуждены и приняты в окончательной редакции:

- переработанный вариант декларации «О религиозной свободе» (*Dignitatis humanae*), который «интегрисы» (в частности, кардиналы Э. Руффини и Дж. Сири) вновь критиковали за расплывчатость понятия свободы и наличие требования свободного исповедания любой религии, даже противоречащей нормам человеческой нравственности. Архиепископ Лефевр видел в документе дух ложного гуманизма, выводящий концепцию религиозной свободы не из Писания и Предания, а из сочинений Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и других философов эпохи Просвещения, неоднократно осужденных Римом. Несмотря на эти возражения большинством голосов предложенный текст был принят за основу для выработки окончательной редакции «согласно католическому учению и в духе изменений, предложенных отцами во время обсуждений». Новая редакция декларации с доктринальной преамбулой об истинности Римско-католической церкви и о неизменности традиционного католического учения «о нравственных обязанностях людей и сообществ по отношению к истинной религии» силами «интегрисов» также была отклонена;

- документ о церкви в современном мире (*Gaudium et spes*) в редакции французского каноника Гауптманна и американского теолога-либерала иезуита Дж.К. Мюррея. Текст вызвал возражения с обеих сторон: «прогрессисты» указывали на отсутствие четкой позиции по вопросу об ограничении рождаемости (после отклонения проекта «О браке и семье» многие ожидали найти решение этого вопроса в документе «О церкви в современном мире»); «интегрисы» с позиций томизма критиковали богословие проекта, отмечали стремление рассматривать богословские проблемы христианской антропологии с позиций новейших научных течений без упоминания о греховности человеческой природы и необходимости крещения для получения спасения; в качестве существенных недостатков они отмечали излишний антропоцентризм и чрезмерную концентрацию на социальной сущности человека. В итоге дискуссии текст был принят большинством в качестве основы для дальнейшего детального рассмотрения.

Новый вариант документа был оформлен уже в виде *пастырской конституции*, что означало не вероучительный, а декларативный характер документа, в котором излагалось мнение церкви по проблемам современного мира и человека. Но и в этом виде документ не был одобрен традиционалистским меньшинством.

Окончательная редакция текста после жестких дискуссий была принята на последней 168-й генеральной конгрегации собора (2111 против 251). Внесенные исправления в наиболее спорные места и открытое требование папы принять документ способствовали снижению числа его противников при завершающем голосовании (2307 против 75);

– подавляющим большинством голосов были приняты финальные редакции документов: *Dei Verbum* – «О Божественном Откровении»; *Apostolicam actuositatem* – «Об апостолате мирян» (после внесения дополнений о роли христианской молодежи и статуса организаций «католического действия»); *Christus Dominus* – «О пастырском служении епископов в церкви» (с добавлением об учрежденном синоде епископов; в ходе дебатов поднимался вопрос об общей реформе римской курии, вместо которой предлагали составить синодальные епископские комиссии, но эта идея вызвала резкое неприятие «интегрисов»); *Nostra aetate* – «Об отношении церкви к нехристианским религиям» (хотя 250 голосовавших «против» требовали дальнейшей доработки, связанной с пунктом об иудаизме, откуда, несмотря на протесты «интегрисов», было удалено упоминание об ответственности еврейского народа за распятие Христа¹³); *Perfectae caritatis* – «Об обновлении жизни монашествующих» применительно к современным условиям (с включенным пунктом «О смысле монашеского призвания»); *Ad gentes divinitus* – «О миссионерской деятельности церкви» (здесь в соответствии с пожеланием 265 консервативно настроенных членов собора была особо подчеркнута роль Конгрегации по распространению веры как единственного полномочного ведомства для всех миссионеров); *Optatam totius* – «О подготовке к священству» (с пожеланием расширить значение системы Фомы Аквинского в богословском воспитании); *Presbyterorum ordinis* – «О служении и жизни священников» (здесь споры возникли по вопросу о целибате священников в связи со стремлением «прогрессистов» ввести пункт о необязательности целибата по примеру католических священников восточного обряда – протесты «интегрисов» в этом вопросе были поддержаны папой; дискутировался также вопрос о месте священства по отношению к епископу и мирянам, а также относительно «священников-рабочих» – эта тема была особо поднята французскими епископами; в окончательной редакции документа по требованию «интегрисов» была подчеркнута святость целибата, но и при этом условии 11 членов собора проголосовали «против»); *Gravissimum educationis* – «О христианском воспитании».

Все принятые документы были торжественно подписаны и провозглашены папой Павлом VI как выражение воли собора.

Завершая деяния собора, папа Павел VI определил задачи церкви в послесоборный период и выразил согласие на проведение требуемой многими членами собора реформы римской курии. В качестве одного из шагов к такой реформе было провозглашено *motu proprio* Павла VI *Integrae servandae*, упразднившее Конгрегацию *Sanctum Officium*; вместо нее была создана Конгрегация *pro doctrina fidei* (по вероучению), которая также рассматривает все новые учения и мнения на предмет соответствия католической традиции, но выносит обвинительные суждения лишь после консультаций с национальными епископскими конференциями.

После торжественной мессы по случаю окончания II Ватиканского собора Павел VI подвел итоги собора, самым главным из которых стала попытка церкви «ясно понять самоё себя и современный мир».

Было также оглашено «Совместное заявление Римско-католической и православной Константинопольской церквей», в котором говорилось, что папа Павел VI и патриарх Афинагор ради развития «братских отношений», завязавшихся между церквами, пожелали устранить «некоторые препятствия» на пути этих отношений (а именно: взаимные анафемы 1054 г.) и выразили взаимное сожаление об «оскорбительных словах, необоснованных упреках и достойных

¹³ Ср.: Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить. Тогда правитель спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Варавву. Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят. Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших (Мф. 27, 20–25).

Папа Павел VI и Вселенский патриарх Афинагор.
Рим, 1967 г.

осуждения поступках». После этого заявления председатель Секретариата по содействию христианскому единству кардинал Беа зачитал апостольское послание папы Павла VI *Ambulate in dilectione* о снятии отлучения с константинопольского патриарха Михаила Кирулария, а представитель Константинопольского Патриархата митрополит Илиупольский и Фирский Мелитон огласил томос патриарха Афинагора о снятии анафемы с кардинала Гумберта и других папских легатов.

Для реализации соборных постановлений Павел VI в *motu proprio* от 3 января 1966 г. *Finis Concilio* создал послесоборные комиссии: по епископам и управлению диоцезами, по монашеству, по миссиям, по христианскому образованию, по мирянам, а также Центральную послесоборную комиссию по истолкованию и интерпретации соборных декретов, с возложением на нее функций координации работы всех послесоборных комиссий.

§ 6. Католический мир после II Ватиканского собора

1. Рост католической церкви. Собор показал, что представления церкви о самой себе со времени Тридентского собора существенно изменились. Вместо видения «общества», называемого «совершенным», она представила вполне традиционную экклезиологию «общения» (*communio*). Внимание к другим религиям, признание евангельских и христианских ценностей в православии и протестантизме, акцент на поисках установления всеобщего мира и на развитии человека – все это задало послесоборной католической церкви совсем другой тон. В то же время в целом ряде позиций (прежде всего в области экклезиологии: учение о католической церкви как о единственно истинной церкви; папский примат и непогрешимость и др.) никаких принципиальных изменений не произошло.

Период после II Ватиканского собора стал для католической церкви временем серьезных испытаний. Это проявлялось не столько в количественном, сколько в качественном отношении. При этом одни специалисты характеризуют новую ситуацию как «отклонение от курса», другие – как время открытия в католической церкви «пространства свободы».

Так, за период с 2000 по 2008 г., например, количественные показатели, характеризующие динамику католического мира, отражали неизменный рост (за исключением числа монашествующих, что в современном мире является общей тенденцией не только в католической церкви, но и в иных христианских конфессиях¹⁴) (таблица 1).

¹⁴ За период понтификата Иоанна Павла II число католических монахинь, например, сократилось примерно на четверть. Только за 2000–2006 гг. число католических монашествующих уменьшилось на 10%. В 2006 г. число монашествующих составляло: 753,4 тыс. женщин и 191,8 тыс. мужчин.

Таблица 1

Некоторые показатели современного состояния католической церкви

	2000 г.	2008 г.
Число католиков, млн	1 045	1 166
Число католических епископов	4 541	5 002
Число католических священников	405 178	409 166

Рост числа католиков более связан с демографическими факторами, чем с повышением уровня религиозности: доля католиков в населении мира составила в 2008 г. 17,4% против 17,3% в 2007 г., а основной прирост католического населения приходится на регионы с наибольшей рождаемостью – в основном на развивающиеся страны (таблица 2).

При этом за общими статистическими данными скрываются процессы, стимулируемые современным глобализационным окружением церкви, которые свидетельствуют о падении уровня религиозности в крупнейших ранее католических странах (таблица 3). Положительные показатели в США поддерживаются, как полагают, главным образом за счет притока католических иммигрантов.

Таблица 2

Динамика католического населения стран мира в 1905–2005 гг.

	1905–1910		2000–2005	
	человек	доля (%)	человек	доля (%)
Африка	2 690 000	1,3	137 428 000	16,6
Азия	12 661 498	1,5	110 234 000	2,9
С. и Ю. Америка	87 614 000	52	534 339 000	62
Европа	188 577 000	44	279 915 000	40
Австралия и Океания	1 244 000	19	8 399 000	27
<i>Итого</i>	292 787 000	17	1 070 315 000	17,2

Таблица 3

Доля католического населения в некоторых странах мира в 1905–2005 гг. (%)

	1905–1910	2000–2005
Аргентина	98	90
Бразилия	96	85
Германия	36	33
Италия	97,12	97
Канада	40	43
Куба	90	56
Мексика	99	92
Португалия	ок. 100	93
США	16	23
Франция	97	78
Чили	97	75

Эта тенденция проявляется даже в «сердце» католической церкви – папском диоцезе (*Diocesis Urbs seu Romana*) (таблица 4).

Таблица 4

Некоторые статистические характеристики уровня религиозности в папском диоцезе (Рим и суфраганные диоцезы)

Годы	Число католиков, всего	Население, всего	Доля католиков, %	Всего священников	Число католиков на 1 священника	Число монашествующих		Число приходов
						мужчин	женщин	
1970	–	2 650 002	–	4 729	–	3 360	15 800	245
1980	2 694 871	2 766 000	97,4	5 136	524	5 230	16 800	293
1990	2 614 000	2 690 000	97,2	5 135	509	5 189	20 000	320
2000	2 588 000	2 667 451	97,0	5 891	439	5 878	25 000	331
2004	2 454 000	2 787 206	88,0	5 390	455	5 630	21 900	333

Здесь за 35 лет (именно в период, когда в католическом мире осуществлялись существенные реформы, стимулированные II Ватиканским собором) население увеличилось более чем на 5%. В то же время при общем росте числа приходов, священников и монашествующих наметилось сокращение числа прихожан: только за 1980–2004 гг. оно снизилось на 10%, а доля католиков в населении региона упала с 97,4% до 88%. На 13% снизилось число прихожан, статистически приходящихся на одного священника. При этом за 35 лет (1970–2004) число приходов возросло на 36%, а число священников – на 14%.

Это говорит о том, что политика глобализации, с одной стороны, ориентированная на секуляризацию общественной и личной жизни, а с другой – на снятие пограничных барьеров и стимулирование миграции населения (в результате чего в традиционно католических странах увеличивается иноконфессиональный субстрат), существенно влияет на положение католической церкви в развитых регионах мира; общий рост католической религиозности поддерживается, главным образом, развивающимися странами.

2. Папство после II Ватиканского собора. Папству после II Ватиканского собора удалось сохранить свой престиж. Он не был подорван после Иоанна XXIII несмотря на то, что ряд позиций Павла VI и Иоанна Павла II не был принят общественным мнением, лучше информированным благодаря средствам массовой информации, уделяющим внимание религиозным проблемам.

Одной из главных церковно-управленческих проблем времени II Ватиканского собора и после него стало *соотношение курии и церкви*, проблема сверхцентрализации церковного управления. Так, на 2-й сессии собора мелькитский антиохийский патриарх Максим IV заявил, что нужно восстановить «истинную пропорцию между телом церкви и ее главой» (т.е. папой): с времени I Ватиканского собора прерогативы папы выросли настолько, что функции тела церкви оказались «карликовыми». На соборе дебатировались проекты создания при папе совещательного органа.

Не менее важной оказалась и *проблема клерикализации церкви*, ее разделения на «клир» и «мирян». Христиане уже не осознавали себя только как послушное орудие в руках церкви, отождествленной с духовенством. Даже в католической

печати 1960-х годов все чаще появлялись статьи, утверждавшие, что «в наше время» должен быть положен конец безусловному клерикализму: не может быть и речи о том, чтобы миряне были простым инструментом в руках духовенства.

Изменения в куриальном управлении, намеченные при папе Иоанне XXIII, продолжали развиваться. Так, наметилась определенная тенденция к децентрализации путем усиления власти епископов в каждой стране. Иоанн XXIII впервые с XVI в. увеличил число кардиналов с 70 до 75, а затем и до 87 и впервые возвел в кардинальское достоинство представителя африканского континента (епископа Ругамбва из Танганьики).

О намерениях децентрализовать, упростить и интернационализировать работу курии оповестил 21 сентября 1963 г. папа Павел VI и начал свою куриальную реформу с реорганизации (7 декабря 1965 г.) Конгрегации Священной канцелярии (бывшей инквизиции): она была преобразована в Конгрегацию вероучения с задачей защиты учения о вере и нравственности в католическом мире. Конгрегации было вменено исследование новых учений и мнений и осуждение тех, которые противоположны основам католической веры, на основе тщательной проверки свидетельств и с предварительным заслушиванием епископов тех диоцезов, откуда эти учения исходят. Авторам при этом предоставляется возможность защищаться. В ведение конгрегации перешли также вопросы таинств и смешанных браков.

При открытии 4-й сессии II Ватиканского собора Павел VI, в соответствии с принципами догматической конституции «О церкви», объявил о намерении создать синод епископов при папе, а 16 сентября 1965 г. было объявлено о создании в Риме постоянного синода епископов, цель которого – осуществить сотрудничество папы с епископами, информировать папу и советовать ему. Синод созывается папой по мере необходимости, председательствует на нем папа (или назначенное им лицо) и папа же утверждает его решения. Составляется синод из патриархов, представителей региональных епископских конференций и монашеских орденов, а также кардиналов курии.

Папе Иоанну Павлу I – папе *de medietate Lunae* («полумесяца»), как он атрибутируется в пророчестве Малахии Ирландского, – часто приписываются «революционные и анархистские» реформистские попытки. Некоторые авторы (адекватность их информации установить трудно) приписывают папе мысли о замене верховной власти римского понтифика правлением собранной со всего мира коллегии епископов, в которой большинство должно было принадлежать неевропейцам; о создании условий для развития либерального богословия (в стиле идей Э. Схиллебекса, «теологии освобождения» и т.п.), стремящегося «вернуть церковь к истокам»; о «самоликвидации имущества церкви, находящихся в банках и других местах»; и др. Однако его понтификат продолжался всего 32 дня и закончился (для последней четверти XX в.) слишком трагически, чтобы эти идеи могли осуществиться.

§ 7. Литургическая реформа и ее последствия

1. Реформа как поиск выхода из литургического кризиса. Масштабная литургическая реформа, радикально изменившая католическое богослужение, имела целью сделать богослужение более понятным и активизировать участие церковного народа в литургической жизни (в миссионерских целях), в некоторой степени

соотнести богослужение католической церкви с богослужением иных христианских конфессий (в экуменических целях) и приблизить литургию к обыденности повседневной жизни прихожан.

«Священный собор ставит перед собой следующие задачи: изо дня в день возвращать среди верных христианскую жизнь; успешно приводить в соответствие с потребностями нашей эпохи те установления, которые подвержены изменениям; поддерживать все то, что может способствовать единению всех верующих во Христа, и укреплять все то, что помогает призвать всех людей в лоно церкви».

Реформа вызвала к жизни как ряд течений за дальнейшее реформирование богослужбного чина, так и движение за сохранение или возрождение тридентского обряда.

К началу XX в. в католической церкви использовались четыре богослужбных обряда: основной *римский* (впервые зафиксирован в *Сакраментариях* пап Геласия I и Григория Великого; окончательная редакция восходит к 1570 г. при папе св. Пие V – так называемая *Тридентская месса*), *лионский* (или галликанский – в Лионской епархии; приписывается некоторыми историками Иринею Лионскому), *амброзианский* (в Миланской епархии; возводится к Амвросию Медиоланскому), *мозарабский* (использовался в Испании в кафедральном соборе Толедо и еще в шести приходах; возводится некоторыми авторами к Исидору Севильскому). Свои литургические особенности имели также *монашеские ордена* – доминиканцев, францисканцев, кармелитов (Босые кармелиты) и особенно бенедиктинцев.

Ключевой фигурой литургической реформы, последовавшей за II Ватиканским собором, стал *Аннибале Буньини* – священник из конгрегации миссий (винсенцианцев), эксперт-литургист, назначенный вначале секретарем Комиссии по литургической реформе папы Пия XII в 1948 г., затем консультантом Священной конгрегации обрядов в 1956 г., и профессором священной литургии в Латеранском университете в 1957 г.

В период понтификата папы Пия XII (который по праву считается самым ученым папой XX в., за что и удостоен почетного имени *pastor angelicus*) происходит консолидация сил литургического движения. В энциклике *Mediator Dei*, выразившей позицию Святого престола касательно истинной природы мессы, папа Пий писал: «Видим, что определенные люди слишком полюбили новизну и уходят от обетов здоровой доктрины и благоразумия. (...) Они марают это святое дело ошибками – ошибками, затрагивающими католическую веру и аскетическое учение». В то же время Пий XII на конгрессе в Ассизи дал высокую оценку литургическому движению: «Литургическое движение подобно знакам, возвещающим Божественную волю о нынешнем времени, подобно дуновению Святого Духа, веющего в Церкви, оно приближает людей к тайнам веры и сокровищам благодати, истекающим из активного участия верных в литургической жизни». Как считают некоторые специалисты, это заявление могло бы быть верным и своевременным до 1920 г., но в 1956 г. оно уже не соответствовало действительности: к тому моменту литургическое движение уже успело отречься от своих корней и оказаться от принципов, которые заложили дом Геранже и св. Пий X.

В 1960 г. о. Буньини был назначен на должность секретаря Подготовительной комиссии по литургии II Ватиканского собора, давшую ему возможность оказать решающее влияние на будущее католической литургии. Под его фактическим руководством был подготовлен проект документа, который должен был быть представлен на обсуждение собора («схема Буньини»). «Схема» была принята пленарной сессией комиссии 13 января 1962 г., несмотря на серьезные опасения со стороны ее председателя, Газтано кардинала Чиконьяни. В том же 1962 г. Буньини был удален папой Иоанном XXIII с кафедры в Латеранском университете и с поста секретаря комиссии по литургии; он стал единственным секретарем Подготовительной комиссии, не ставшим секретарем соответствующей соборной комиссии.

А. Буньини

2. Обсуждение литургической реформы во время II Ватиканского собора. «Схема Буньини» и дальнейшее развитие реформы. Хотя на соборе возникла определенная оппозиция (так, престарелый Альфредо кардинал Оттавиани спросил: «Собираются ли отцы устроить революцию? (...) Желаем ли мы удивить, а то и смутить народ христианский, внося изменения в столь чтимый обряд, утвержденный так много веков назад и ныне столь родной всем? К чину святой мессы не следует относиться как к одежде, которую можно переkreить по новой моде для каждого поколения»), Конституция о литургии, за которую в итоге проголосовал собор, была построена на основе «схемы Буньини».

Хотя II Ватиканский собор не рекомендовал литургических новаций, пока нет уверенности, что они действительно будут служить благу церкви («вводить какие-либо новшества надлежит лишь тогда, когда этого требует подлинная и несомненная польза Церкви, причем следует позаботиться о том, чтобы новые формы неким органическим образом вырастали из уже существующих»), на практике эта рекомендация осталась лишь благим пожеланием.

Конституция о литургии, основанная на «схеме Буньини», ставила две основные задачи: 1) «обеспечить (...) развитие литургии и ее приспособление к новым условиям»; и 2) добиться, чтобы все верующие участвовали в литургии «сознательно, действенно и плодотворно». Однако она содержала много общих и местами расплывчатых выражений. На соборе обсуждались лишь ее общие принципы, и «последовавшие изменения были более радикальными, нежели то, что намеревались сделать папа Иоанн и епископы, принявшие постановление о литургии. Проповедь папы Иоанна в конце 1-й сессии дает понять, что он не подозревал, что планируют эксперты-литургисты» (кардинал Хинан).

Те, кто получил полномочия толковать соборную Конституцию, имели широкие возможности вкладывать в соборный текст собственные идеи.

В 1964 г. Павел VI создал *Concilium ad exsequendam Constitutionem de sacra Liturgia* (Совет по реализации Конституции о священной Литургии), секретарем которого был назначен Буньини. 26 сентября 1964 г., еще во время заседаний собора, была выпущена инструкция *Inter oecumenici*, которая была введена в действие 7 марта 1965 г. и содержала существенные изменения существующей литургии (по Миссалу 1962 г.), хотя сама форма обряда была сохранена; типового Миссала при этом выпущено не было. Эти изменения включали в себя: разрешение использования национальных языков; разрешение священнику совершать мессу лицом к народу; некоторые текстовые изменения.

Хотя II Ватиканский собор установил необходимость использования латыни в богослужении латинского обряда, придав использованию местных языков экстраординарный характер («За исключением случаев, предусмотренных партикулярным правом, в латинских обрядах должно сохраняться использование латинского языка. Однако, поскольку и на Мессе, и при преподании таинств, и в иных частях Литургии использование современного местного языка нередко может оказаться весьма полезным для народа, ему можно уделить больше места, прежде всего в чтениях и поучениях, в некоторых молитвах и песнопениях, согласно нормам, установленным в следующих главах для каждого отдельного случая»), Рим начиная с 1964 г. выпустил ряд документов, разрешающих части мессы совершать на национальных языках, так что к моменту выхода

нового Миссала в 1970 г. в мессе не осталось частей, которые священник был бы обязан совершать на латыни. Решение об использовании конкретного языка и перевода должно быть одобрено $\frac{2}{3}$ членов соответствующей епископской конференции и Святым престолом. В настоящее время большинство мессы совершаются на национальных языках, хотя в ряде мест совершаются мессы и на латыни.

Картуш на однодолларовой купюре с надписью *NOVUS ORDO SECLORUM*

Различные способы использования
NOVUS ORDO

В документе *Tres abhinc annos* (4 мая 1967 г.) Священная конгрегация богослужения представила вторую инструкцию «По надлежащему использованию Конституции о литургии II Ватиканского собора». Изменения в текстах были минимальными, но были упрощены рубрики, одяение священнослужителей, разрешены сослужение священников и причащение мирян под обоими видами (хлеба и вина)¹⁵. В 1968 г. в дополнение к традиционному Римскому канону были добавлены еще три евхаристические молитвы.

К октябрю 1967 г. Совет по реализации Конституции о священной Литургии полностью подготовил проект новой редакции чина литургии и представил его синоду епископов. Епископы присутствовали на первом публичном совершении мессы по новому чину в Сикстинской капелле (служил о. Буньини). Из 176 епископов 71 (40%) проголосовал *placet* («одобряю»), 43 – *non placet* («не одобряю») и 62 – *placet iuxta modum* («одобряю с оговорками»). Некоторые из оговорок были учтены.

Миссал, содержащий новый порядок совершения богослужения (*Novus Ordo*¹⁶, или *Novus Ordo Missae*), был введен апостольской конституцией Павла VI *Missale Romanum* (3 апреля 1969 г.). Богослужения по новому Миссалу требовалось начать в первое воскресенье Адвента¹⁷ 1969 г. (начало нового литургического года).

В апостольской конституции *Sacrum Rituum Congregatio* (8 мая 1969 г.) Павел VI прекратил существование Совета как отдельного органа и включил его в состав Священной

¹⁵ Причащение под одним видом (Тела Христова) развилось в Западной Европе еще до Тридентского собора. Согласно Миссалу 1970 г. обстоятельства, при которых разрешалось причащать под двумя видами, поначалу были ограничены и расширялись постепенно. Для регулярного причащения под обоими видами требуется разрешение епископа, но в некоторых странах епископы предоставили такое разрешение, и причащение под двумя видами там практикуется постоянно.

Другим изменением стал способ причащения мирян. До реформы миряне, желавшие причаститься, становились на колени возле алтарной преграды, священник подходил к каждому и преподавал Тело Христово со словами: *Corpus Domini nostri Jesu Christi custodiat animam tuam in vitam aeternam. Amen*. После реформы миряне по очереди подходят к священнику, который преподает им Причастие со словами *Corpus Christi*, на что они отвечают: *Amen*.

¹⁶ Слова *Novus Ordo Seclorum* написаны в картуше под пирамидой на однодолларовой купюре.
¹⁷ В католической церкви – название Рождественского поста.

конгрегации богослужения, с назначением секретарем конгрегации о. Буньини, получившего, таким образом, оперативный простор, чтобы консолидировать и расширять литургическую революцию, движущей силой и принципом непрерывности которой он был.

В 1974 г. Буньини объявил, что реформа должна вскоре войти в свою финальную стадию: это будет «адаптация или «воплощение» римской формы литургии к обычаям и ментальности каждой отдельной церкви». Однако в июле 1975 г. он был внезапно смещен папой со своего поста (по подозрению принадлежности к масонской ложе), а Конгрегация богослужения была слита с Конгрегацией таинств. Реакция либералов была поспешной и однозначной: «Внезапность этого решения не пророчит ничего хорошего для курса Буньини, направленного на поощрение реформы в сотрудничестве с местными иерархиями. (...) Монсеньор Буньини рассчитывал, что в следующие десять лет он будет работать в основном над включением в литургию местных обычаев. (...) Он представлял собой преемственность послесоборной литургической реформы».

3. Содержание реформы. Из многочисленных литургических нововведений отметим лишь основные:

1) *упрощение обрядовой стороны богослужения*: упразднены начальный псалом (*Judica*, Пс. 42), Последнее Евангелие и молитвы Льва XIII на мессе; три подготовительные недели перед Великим постом; отменен сан субдиакона; проще стали литургические облачения духовенства и т.д.;

2) *расширение чтений из Св. Писания* (на воскресной и торжественных мессах обычно предусмотрены не два, а три библейских чтения; общий объем библейских чтений увеличен до 13,5% текста Ветхого завета и 71,5% – Нового против ранее использовавшихся, соответственно 1% и 16,5%);

3) *сокращение*: так, сильно сокращен чин предложения даров (*офферторий*); при совершении анафоры священник может выбрать один из четырех евхаристических канонов: I – Римский канон; II и III – новонаписанные каноны; IV – канон, составленный на основе анафоры св. Василия Великого; еще несколько канонов могут использоваться на «детских» мессах.

В ряде стран вместо Никейского Символа веры стал читаться более короткий Апостольский Символ. Из ряда псалмов на литургии часов изъяты некоторые строки (например, где упоминается о мести врагам и т.п.), а три псалма (57, 82 и 108) исключены вовсе.

Коленопреклонение во время чтения *Credo* оставлено только для двух дней в году, а в прочие дни заменено поклоном. Значительно сокращено количество коленопреклонений и крестных знамений во время всей мессы: так, 25 крестных знамений, совершавшихся раньше над Хостией и Чашей во время евхаристического канона (из которых 15 было после консекрации), были заменены одним – перед консекрацией, и т.д.;

4) *изменение многих традиционных последований*: так, были изменены Установительные слова (вставка *Misterium fidei*, бывшая раньше частью этих слов, теперь возглашается отдельно); покаянная молитва *Confiteor* (ранее читавшаяся два раза, отдельно священником и министрантом) теперь читается один раз от лица всех собравшихся, включая священника, а если

в начале мессы совершается иной покаянный обряд, *Confiteor* опускается вовсе; изменены или переставлены на другие места ряд молитв после *Отче наш* и перед причащением; и т.д.;

5) *пересмотр календаря*: дни памяти некоторых святых добавлены (в частности, святых из других частей света, чтобы подчеркнуть вселенский характер церкви), некоторые – перенесены на другой день (памяти некоторых православных святых перенесены на тот же день, что и в православных церквях; большинство святых, попадающих на

Экуменическая месса в цирке. Монте-Карло (Монако), 2009 г.

великопостный период, перенесены на другое время), некоторым – понижена степень празднования, некоторые – изъяты из календаря¹⁸;

6) определенная *демистеризация совершения Таинства*: так, евхаристические каноны теперь читаются не тихо, как раньше, а громко, на весь храм.

Еще одним нововведением, встретившим настороженное отношение, явилось разрешение преподавать Причастие в руки. Так причащались в первые века христианства, однако впоследствии, из-за возникших злоупотреблений, эта практика вышла из употребления. Ни собор, ни новый Миссал не одобряли такой практики, тем не менее она появилась в некоторых диоцезах и была допущена Павлом VI. В настоящее время во многих странах Западной Европы и Америки она официально разрешена и даже преобладает; в ряде стран Восточной Европы она запрещена. Неприятие этой практики связано в основном с тем, что крошки Хостии могут остаться на руках и упасть на землю, так что Тело Христово может оказаться попираемым.

В Престол теперь не требуется вкладывать частицы мошей святых, как раньше. При необходимости (например, вне церкви) месса может совершаться на любом подходящем столе, при условии, что «на нем всегда должны быть алтарный покров, корпорал, крест и свечи» (на практике это условие соблюдается не всегда);

7) *активизация участия прихожан* в литургическом событии: так, на торжественных мессах может совершаться церемония принесения Даров (хлеба, вина и других) к алтарю мирянами; обряд преподания мира (*ritus pacis*), ранее совершавшийся только священнослужителями на торжественной мессе, теперь совершается и мирянами; причащение мирян включено в чин мессы (ранее представляло собой отдельный чин), и т.д.;

8) наконец, *изменение положения священнослужителя во время богослужения* – ныне он должен быть обращен лицом к народу, а не к востоку¹⁹. Изменение ориентации священника повлекло за собой существенные изменения церковной архитектуры²⁰, а также изменение местоположения Дарохранительницы²¹.

¹⁸ Подчеркнем, что факт изъятия не означал так называемой деканонизации: святые остаются святыми, только им не совершается общецерковная память.

¹⁹ Традиция молиться лицом на восток – *ad orientem* – сложилась в первые века христианства. На восток старались ориентировать и алтарную часть храма. При этом большинство западных храмов, особенно несколько последних веков перед реформой, строились так, что алтарь примыкал непосредственно к стене; таким образом, священник совершал мессу, повернувшись в ту же сторону, что и прихожане (обычно на восток). На алтаре или в стене перед алтарем помещалась Дарохранительница, так чтобы даже вне литургии молящиеся могли обращаться ко Христу, присутствующему в Св. Дарах.

Однако были возможны варианты. Так, собор св. Петра в Риме из-за особенностей местности ориентирован алтарной частью на запад. Священник, таким образом, желая, по древней традиции, молиться на восток, оказывался одновременно обращен лицом к прихожанам. Такое расположение называлось *versus populum* («священник, обращенный к народу»). Подобным образом были ориентированы и некоторые другие церковные здания.

II Ватиканский собор ничего не говорит об изменении пространственной ориентации священника. Однако практически сразу после собора начали внедряться изменения: появилась тенденция делать алтарь в виде продолговатого стола, а священнику становиться перед ним лицом к народу, как бы «во главе стола». Такое изменение в качестве богословской основы имело изменение понимания литургии теологами-реформаторами: она стала восприниматься не столько как Жертва, сколько как воспоминание Тайной вечери.

²⁰ Изменение ориентации священника повлекло за собой существенные изменения архитектуры церквей. В новых и восстанавливаемых церквях алтарь обычно сразу ставится так, чтобы можно было служить лицом к народу. В старых церквях алтарь перемещали или заменяли новым; иногда старый алтарь оставляли на месте, но перед ним ставили новый, в виде того же стола. Общее наставление к Римскому миссалу в этой связи указывает: «Главный алтарь следует устанавливать на некотором расстоянии от стены, чтобы вокруг него можно было без затруднения обходить и чтобы можно было священнодействовать лицом к народу, что желательно всегда, когда возможно».

²¹ Раньше Дарохранительница располагалась на алтаре или перед ним; таким образом, при совершении мессы лицом к народу священник оказывался спиной к Святым Дарам в Дарохранительнице. Поэтому Дарохранительницу также стали перемещать, часто – на боковой алтарь

Стол-Престол и положение священника лицом к народу во время реформированной мессы

Было выпущено три «типовых» (т.е. нормативных, с которых должны делаться все переводы) издания (*editio typica*) Римского миссала по обряду Павла VI: два издания Миссала Павла VI (1970, 1975) и Миссал Иоанна Павла II (2002); последнее издание является ныне официальным, однако оно не переведено на все языки, поэтому во многих странах используются переводы с *editio typica* 1975 г.

4. Оппозиция реформе. Изменение латинского богослужения вызвало резкий протест многих видных католических религиозных деятелей (кардиналы А. Оттавиани, А. Баччи, архиепископ М. Лефевр, Д. фон Гильдебрант и др.). Для этого были основания: в Индии, например, литургическая «адаптация»²² дошла до такой степени, что кое-где месса стала больше напоминать индуистские обряды, чем христианское Жертвоприношение.

Даже монсеньор *Клаус Гамбер*, коего кардинал Ратцингер назвал «ученым, который вместе со всей армией псевдолитургистов представляет литургическое мышление церковной верхушки», пришел к неутешительному для реформистов выводу: «Одно можно сказать точно – то, что появившийся теперь новый *ordo* (чин мессы) (в основе которого лежали идеи о. Буньини. – В.С.) не был бы принят большинством отцов собора» без кулуарного давления корпуса экспертов, обеспечивавших включение в итоговые документы собора двусмысленных формулировок. А один из двигателей литургической реформы II Ватиканского собора трирский профессор *Иоганн Вагнер* настаивает: «История тысячу раз доказала, что нет ничего столь опасного для религии, ничего, что вызывало бы больше недовольства, неуверенности, разделений и апостасии, чем вмешательство в литургию и, следовательно, в религиозное переживание».

Как отмечает архиепископ Вестминстерский *Джон* кардинал *Хинан*, «самым дискутируемым вопросом была литургическая реформа. Или, было бы правильней сказать, такое впечатление возникло у епископов. В ретроспективе становится ясно, что им была дана возможность обсудить лишь самые общие принципы. Последовавшие за этим изменения были более радикальны, нежели намеревались сделать папа Иоанн и епископы, принявшие постановление о литургии. Проповедь папы Иоанна, произнесенная им по окончании первой сессии, дает понять, что он и не подозревал, что задумали эксперты-литургисты». По словам архиепископа Р.Дж. Дуайра, величайшей ошибкой отцов собора было «позволить практическому

или в отдельную часовню. По этому поводу официально указывалось: «Весьма желательно, чтобы место хранения Святых Даров находилось в часовне, отведенной для частного поклонения и молитв верных. Если это невозможно, то в зависимости от структуры храма и законных местных обычаев Святые Дары следует поместить либо на другом алтаре, либо вне алтаря, в достойной и должным образом украшенной части храма», доступной для взора, красиво украшенной и подходящей для молитвы. Ныне предпочтение отдается размещению Дарохранительницы в алтарной части (не на главном алтаре), но допускается расположение в часовне, которая «органически соединена с храмом и доступна для взора верных».

²² «В том, что не касается веры или блага всей общины, церковь не желает навязывать строгой и единообразной формы – даже в Литургии. Более того: она чтит и поддерживает духовные достоинства и дарования различных народов и народностей. Все то, что в обычаях народов не связано нерасторжимо с суевериями и заблуждениями, она оценивает благосклонно и, если можно, свято и нерушимо хранит, а иногда даже включает в саму Литургию, если это согласуется с истинным и подлинно литургическим духом».

применению Конституции [о литургии] попасть в руки людям, которые были нечистоплотны либо некомпетентны. Это – так называемый “литургический истеблишмент”, священная корова, ведущая себя скорее как белый слон в посудной лавке: он со скучной решимостью переминается с ноги на ногу, и под ногами у него хрустят обломки литургии».

Протопресвитер Феодор Зисис, профессор Фессалоникского университета им. Аристотеля, приходит к выводу о том, что «бесплезное литургическое возрождение» представляет собой оживление учения Варлаама Калабрийского (XIV в.) «в двух основных направлениях гуманизма: а) в том, какое большое значение оно придает знанию, науке, пониманию совершенства как пути. б) в ликвидации телесного злострадания, аскетизма во время молитвы и стремлении к комфорту, отдыху. К этим двум целям и стремятся современные обновленцы богослужения, возможно даже не понимая того, что они склоняются к еретическому и опасному положению с серьезными последствиями сотериологического характера, если им удастся достигнуть внедрения этих изменений и реформ. Беспокойство многих клириков, монахов и мирян не имеет личностных мотивов и интересов. Они желают удержать открытым путем, которым следовали святые, надежный путь мистико-аскетической жизни, которая ведет к святости и обожению, “узкий и тернистый путь, ведущий в жизнь вечную”. Путь же рационализма и покоя, комфорта является “пространным путем, ведущим в погибель”». Все это, считает о. Зисис, происходит по причине «отождествления церкви с миром» и стремления «шагать в ногу с мирским образом мысли, дабы выглядеть приятными и прогрессивными».

Даже многие лидеры харизматических деноминаций проявляют беспокойство относительно потери традиционных богослужебных рамок, полагая, что «одной из основных причин отсутствия истинного пробуждения в наши дни является утрата связи с историей». Этой точки зрения придерживался, например, президент Международной организации «Слово Жизни» У. Экман, подозреваемый, правда, своими единоверцами в филокатолицизме. Оппоненты Экмана настаивали на недопустимости использовать «лидерскую позицию и доверие верующих» для того, «чтобы “за спиной” у пасторов поместных общин и их прихожан о чем-то договариваться в угоду собственным интересам для реализации проектов по изменению религиозной идентичности и практики церковных общин по принципу “мало-помалу” с извлечением определенных политико-религиозных и экономических выгод», поскольку «такой подход едва ли будет содействовать укреплению доверия и дальнейшему развитию межхристианского диалога и сотрудничества между католиками, протестантами и православными, поскольку единства Христианства нельзя добиться нехристианскими методами».

Как бы то ни было, в самом харизматическом движении наблюдается возврат к истокам, поиск корней, изучение духовного опыта прошлого, освоение литургических традиций разных церквей, тяготение к твердому библейскому фундаменту.

Префект Конгрегации богослужения и дисциплины Таинств Антонио кардинал Каньисарес Льовера, оценивая в 2010 г. литургическую реформу II Ватиканского собора, говорит о ее неоправданной поспешности: «Несмотря на самые лучшие намерения и желание воплотить в жизнь соборные постановления, с этим слишком спешили. Не осталось времени на глубокое проникновение в суть учения собора. За один день поменяли формы чествования. Я хорошо помню господствующие тогда настроения: во что бы то ни стало все менять, творить нечто новое. Зато все то, что у нас имелось, наша традиция, рассматривалось как препятствие. В реформе видели человеческое творчество. Многие тогда полагали, что и сама церковь – дело наших рук, а не Божьих. Литургическое обновление мыслилось как результат экспериментирования, человеческого воображения и творчества. Это и было тогда доминирующим лозунгом». Таким образом, церковная литургия была «повреждена»

Месса для любителей пива

произвольными деформациями, один из источников которых – секуляризация, развивающаяся и в лоне церкви. Последствиями этого подхода стал возникший ныне кризис, «опошление богослужения»: «В итоге в центре многих церковных обрядов уже не стоит Бог. Главная роль отводится человеку, его творчеству и общению». Утрата чувства священного, ощущения Божественной тайны, данного в литургии, стала невозможной утратой для человечества.

В 1984–1988 гг. папа Иоанн Павел II признал право желающих на старый обряд; это решение было активно поддержано кардиналами А. Штиклером и Й. Ратцингером. Последний, вступив на папский престол с именем *Бенедикта XVI* (2005–2013), в *motu proprio Summorum Pontificum* (7 июля 2007 г.) восстановил в правах тридентскую мессу.

Motu proprio стало фактическим продолжением провозглашенной папой (еще в бытность его кардиналом) «реформы реформы».

Оценивая результаты II Ватиканского собора, кардинал Ратцингер, всегда критически настроенный к литургической реформе Павла VI, говорил, что они «представляются прямо противоположными всеобщим ожиданиям, начиная с надежд пап Иоанна XXIII и Павла VI: все ждали нового католического единства, а взамен него получили саморазрушение. Ждали нового энтузиазма, а оказались обескураженными. Ожидался огромный шаг вперед, а взамен мы оказались в ситуации прогрессирующего упадка, который стал развиваться во многих областях под знаком призывов “вернуться к собору”, которые лишь дискредитируют собор в глазах многих. Чистый итог видится, таким образом, отрицательным. Повторю то, что сказал через десять лет после завершения работы собора: *прошедшее время, бесспорно, стало абсолютно неблагоприятным для католической церкви*». В книге «Из моей жизни: Воспоминания 1927–1997» кардинал Ратцингер выражает уверенность в том, что отказ от тридентской мессы означает «разрыв в истории литургии, последствия коего могут быть трагическими». Соглашаясь с тем, что «церковный кризис, который мы теперь переживаем, во многом связан с литургическим коллапсом», он в то же время пишет, что «был возмущен запретом старого Миссала, поскольку никогда в истории литургии такого оборота событий не было, а вид делался такой, что это – совершенно нормальный ход вещей».

Еще в 1977 г. кардинал Ратцингер в одном из интервью сформулировал тезис: «Нужно критически оценить преимущества нового Миссала, поскольку он был опубликован как книга, вновь разработанная профессорами, а не как этап последовательного [литургического] развития. Ничего подобного, и в такой форме не было никогда, это идет вразрез с моделью литургической эволюции», – а в 1988 г. специально подчеркнул: «Мы должны вернуть в Литургию священное измерение».

В *motu proprio* уже папа Бенедикт XVI поручил Конгрегации богослужения и дисциплины Таинств обновить литургию в соответствии с учением II Ватиканского собора и в согласии с традицией церкви, в духе выдвинутой папой концепции «герменевтики преемственности», не отрицая при этом тех положительных итогов реформы папы Павла VI (прежде всего более активное участие прихожан в литургии), которые отвечают органическому развитию литургии. Намерением папы, как полагают, является инициирование во Вселенской Церкви нового, яркого и динамичного литургического движения, основанного на преемственности древней литургической традиции. При этом в новой реформе не должно быть никакой поспешности, что позволит избежать ошибок, сделанных 50 лет назад. Основная задача – показать красоту литургии, «пробудить литургический дух». В этом смысле важны «некоторые элементы, ныне вошедшие в Папскую литургию»:

Папа Бенедикт XVI

ориентация литургического действия, Распятие в центре алтарной части, причащение на коленях, григорианский хорал, молитва в тишине, красота сакрального искусства».

Кардинал Каньисарес выделил главную мысль новой реформы: необходимо осознать, что права есть не только у верующих, но и у Бога. Именно Бог является главным Субъектом литургии, литургия – дело Божье, а не человеческое. Поэтому истинный литургический реформатор – хранитель, а не распорядитель. Стремление «сакрализовать» литургию, вернуть ее в центр церковной жизни должно открыть церкви путь в будущее.

5. «Пошатнувшаяся церковь». Традиционалистская оппозиция. Период после собора стал для католической церкви временем серьезного кризиса. Известный католический богослов и крупный историк Церкви Эмиль Пула назвал это временем «пошатнувшейся церкви». Однако трудно возлагать за это ответственность лишь на грандиозное собрание католических епископов, инициированное Иоанном XXIII. Одни говорили об «отклонении от курса», другие – об открытии «пространства свободы», но даже эти столь различные интерпретации сами по себе показывают, насколько разным стало внутри церкви восприятие идей собора, да и самой церкви – ведь очевидно, что представления церкви о самой себе изрядно изменились со времени Тридентского собора: вместо видения «общества», называемого «совершенным», возникла экклезиология «общения» (*communio*).

Традиционалистская оппозиция сохранилась и после закрытия собора. Архиепископ М. Лефевр и его сторонники принципиально отвергли литургическую реформу, осуществлявшуюся после собора, коллегальность епископов, расширение практики экуменизма, диалог с иными религиями в рамках декларации о религиозной свободе, в которой они усмотрели «союз церкви и либеральных идей», и иные нововведения. Как говорится в заявлении лефевристов от 27 июня 2013 г., «этот нетипичный церковный собор, который желал быть только пастырским и не догматическим, положил начало новому типу учительства, не известному до тех пор в церкви, без основания в традиции (...) полному решимости примирить католическую доктрину с либеральными идеями (...) насыщенному принципами модернизма и субъективизма».

В 1970 г. архиепископ Лефевр объединил оппозиционных решением II Ватиканского собора католиков-традиционалистов в «Священническое братство святого Пия X» (*Fraternitas Sacerdotalis Sancti Pii X – FSSPX*). Братство было основано с согласия Ватикана; Лефевр стал его Генеральным настоятелем.

При братстве была открыта семинария в Эжоне (Швейцария) для подготовки консервативных священников. В семинарии Лефевра обучались служить старую, тридентскую мессу на латыни. Семинария стала популярной, приток новых учащихся возрастал.

В середине 1970-х годов Святой престол предложил Лефевру закрыть семинарию. Лефевр не только отказался, но и совершил 29 июня 1976 г. (несмотря на

Архиепископ Марсель Лефевр

противодействие церковных властей) священнические хиротонии 12 выпускников семинарии, упомянув при этом буллу св. Пия V *Quo primum tempore* от 14 июля 1570 г., которая не была юридически однозначно дезавуирована постановлением папы Павла VI от 3 апреля 1969 г. о введении реформированного *Missale Romanum*. Названная булла гласит:

«Пусть все во всех уголках христианского мира и на вечные времена примут и соблюдают то, что передано святейшей Римской церковью, матерью и учительницей других церквей (...) и там, где месса совершается в соответствии с обрядом Римской церкви, пусть не поется и не читается она иначе, чем установлено в Миссале, опубликованном нами (...). В недавно опубликованный нами Миссал под страхом нашего гнева ничего не позволено добавлять, ни исключать из него, ни вообще как-либо изменять противно тому, что установлено и приказано нами на вечные времена. (...) Никому из людей не позволено изменять данное изъяснение нашего позволения, установления, разрешения, постановления, приказа, учения, дара, индульты²³, декларации, воли, декрета и запрета. Если же кто осмелится противиться, пусть знает, что он навлечет на себя гнев Всемогущего Бога и благословенных апостолов Петра и Павла»²⁴.

Через две недели Лефевр был запрещен в служении.

Пока на рубеже 1970–1980-х годов в Риме разворачивался процесс расследования деятельности Лефевра, он не прекращал критику католического «обновленчества». Особенно жесткие оценки были даны посещению Иоанном Павлом II синагоги в Риме (13 апреля 1986 г.) и организованной Святым престолом молитвы за мир представителей всех религий в Ассизи (27 октября 1986 г.). Число приверженцев традиционализма росло, братство распространило свою деятельность на ряд стран (наибольшее число приверженцев братства сосредоточено во Франции, Германии, Швейцарии и Австрии), священники-члены братства продолжали служить мессу по старому чину, несмотря на противодействие Ватикана. Одновременно братство признавало себя неотделимой частью католической церкви, за богослужениями поминались папа Римский и местные епископы.

После ряда встреч Лефевра с Павлом VI и Иоанном Павлом II, иных контактов братства со Святым престолом наметились позитивные сдвиги. Священная конгрегация богослужения 3 октября 1984 г. издала *индульт, легализовавший старую мессу во всем мире* (ранее старый обряд был разрешен только в Англии); 5 мая 1988 г. кардинал Й. Ратцингер и архиепископ Лефевр подписали примирительный протокол.

Однако после этих шагов возник самый серьезный конфликт. Одним из поводов к нему стала состоявшаяся в 1988 г. в Ассизи (Италия) по приглашению папы Иоанна Павла II встреча представителей мировых религий. Для «интегривтов» она стала неопровержимым доказательством нового релятивизма.

В 1988 г. Лефевр вместе с бразильским епископом Антонио де Кастро Майером рукоположил без одобрения папы четырех новых епископов, чтобы сохранить и в дальнейшем возможность рукополагать новых священников-традиционалистов (для чего необходимо не менее двух епископов). Папа Иоанн Павел II отлучил от церкви как рукополагавших, так и рукоположенных (Б. Фелле, Р. Уильямсона, А. де Галаррету и Б. Тиссье де Маллерэ). Братство

²³ *Индульта* (*indultum* – «снисхождение») в римско-католическом каноническом праве означает предоставляемую папой отдельным лицам, коллегиям или общинам привилегию, в силу которой они могут действовать в известной сфере по своему усмотрению, не будучи связанными общими постановлениями канонического права.

²⁴ «*Ut autem a sacrosancta Romana Ecclesia, ceterarum ecclesiarum matre et magistra, tradita ubique amplectantur omnes et observent, ne in posterum perpetuis futuris temporibus in omnibus Christiani orbis Provinciarum (...) in quibus Missa (...) celebrari juxta Romanae Ecclesiae ritum consuevit vel debet alias quam juxta Missalis a nobis editi formulam decantetur, aut recitetur (...) ac huic Missali nostro nuper editio, nihil unquam addendum, detrahendum, aut immutandum esse decernendo, sub indignationis nostrae poena, hac nostra perpetuo valitura constitutione statuimus et ordinamus. (...)*

Nulli ergo omnino hominum liceat hanc paginam nostrae permissionis, statuti, ordinationis, mandati, praeccepti, concessionis, indulti, declarationis, voluntatis, decreti et inhibitionis infringere, vel ei ausu temerario contraire.

Si quis autem hoc attentare praesumpserit, indignationem omnipotentis Dei, ac beatorum Petri et Pauli, Apostolorum ejus se noverit incursum».

не признало законность экскоммуникации. Вместе с тем члены братства продолжили считать себя частью католической церкви и почитать римского папу.

Часть священников-традиционалистов, не одобрявшая хиротонии епископов без разрешения Рима, вышла из братства и, с одобрения официальных духовных властей, создала «Братство св. Петра» под протекторатом Папской комиссии *Ecclesia Dei*, образованной 18 октября 1988 г.

После смерти Лефевра в 1991 г. братство возглавил Б. Фелле. В начале 2000-х годов возобновились контакты руководства братства со Святым престолом. В 2000 г. были проведены переговоры с префектом Конгрегации по делам духовенства Дарио кардиналом Кастрильоном Ойосом, глава братства Б. Фелле встретился в Ватикане с Иоанном Павлом II. 29 августа 2005 г. трех епископов-членов братства принял Бенедикт XVI, на аудиенции обсуждались пути восстановления единства с католической церковью.

Реальный путь примирения открылся в 2007 г. с подписанием Бенедиктом XVI *motu proprio* о возможности свободно служить тридентскую мессу. Была разработана и неоднократно переработана примирительная «Вероучительная преамбула», текст которой доньше держится в тайне. Хотя лефевристы ее так и не подписали (поскольку главным ее условием является признание решений II Ватиканского собора), 21 января 2009 г. было отменено отлучение епископов Фелле, Тиссье де Маллерэ, Уильямсона и де Галарреты (в то же время запрет священнослужения снят не был).

Однако на пути примирения в последнее время встают препятствия. Так, в связи с заявлением епископа Уильямсона о том, что евреи как народ повинны в богоубийстве и являются «коллективным врагом истинного Мессии», европейские раввины осенью 2011 г. потребовали от папы Бенедикта XVI прекратить переговоры с традиционалистами из братства св. Пия X. «Католическая церковь не должна сближаться с теми, кто проповедует ненависть», – заявил президент Конференции раввинов Европы, раввин Большой московской хоральной синагоги Пинхас Гольдшмидт. По словам национального директора американской Антидиффамационной лиги Абрахама Фоксмана, «ремарки епископа Уильямсона – еще одно свидетельство того, что братству св. Пия X не место в современной церкви. Нам трудно представить, как община, не принимающая фундаментальное церковное учение – осуждение антисемитизма – и выступающая с классическими нападками на евреев, может быть принята обратно». Те же круги ранее требовали осуждения епископов-традиционалистов в связи с их высказываниями на тему холокоста.

С приходом на престол св. Петра папы Франциска I, целый ряд высказываний которого трактуется как проявление «либерального католицизма», ситуация осложнилась еще больше. Как отметил в октябре 2013 г. «главный догматист» католиков-традиционалистов в Германии М. Гаудрон, «во время понтификата папы Бенедикта XVI создалось впечатление, что критика II Ватиканского собора возможна. Сейчас же все выглядит так, что никакая критика недопустима». Таким образом, курс «открытости» по отношению к другим религиям и «либеральные» позиции современного Ватикана по ряду других вопросов стали причиной того, что диалог о возвращении Священнического братства св. Пия X в лоно официальной Римско-католической церкви зашел в тупик.

В то же время с началом понтификата Франциска I оживились контакты со старокатоликами, проводимые в рамках Международной комиссии по диалогу между католической церковью и старокатоликами, благодаря работе которой были, в частности, выявлены различия между католическими церквями в новых современных условиях, считает понтифик. Этот диалог папа рассматривает в рамках «экуменического пути», но в то же время подчеркивает (30 октября 2014 г. на встрече с представителями Утрехтского союза старокатолических церквей), что экклесиологические и богословские проблемы, разделяющие католиков, сегодня преодолеть еще сложнее из-за «растущей дистанции по вопросам служения и этического распознавания». Перед католиками и старокатоликами стоит задача продолжать последовательный богословский диалог, «молиться вместе и трудиться вместе» в духе обращения ко всему тому, чего Христос желает для Своей Церкви.

В сердце Европы, находящейся в «замешательстве» по поводу своей идентичности и призвания, «есть немало сфер, в которых католики и старокатолики могут сотрудничать, пытаясь отреагировать на глубокий духовный кризис, поразивший людей и общество», – считает папа. В Европе есть «жажда Бога», «глубокое желание вновь открыть смысл жизни» и «безотлагательная потребность в достоверном свидетельстве истины и ценностей Евангелия». На этом пути «мы можем поддерживать и поощрять друг друга, прежде всего на уровне приходов и местных общин». Ссылаясь на декрет об экуменизме *Unitatis redintegratio*, папа Франциск подчеркнул, что душой экуменизма является обращение сердца и святость жизни, наряду с частными и публичными молитвами о единстве христиан: молясь друг за друга и друг с другом, можно преодолеть различия верностью Господу и Его Евангелию.

Следует отметить, что если литургическая реформа, проведенная под знаком II Ватиканского собора, имела целью активизацию литургической жизни прихожан и существенный рост числа последних, то результаты ее оказались весьма скромными.

Церкви отнюдь не наполнились молящимися, когда богослужение сократилось до получаса и в нем стали принимать активное участие (в качестве вспомогательного состава) даже женщины (на «малом входе», при каждении или в качестве чтецов и т.д.). Несомненно, возросло число приступающих к Святым Тайнам (в том числе и из-за отмены обязательного говения и исповеди перед причастием). Однако реформе не удалось сломить противодействие секулярного духа, активно продуцируемого светским окружением церкви (включая государство). В Европе мы с сожалением видим большое число секуляризованных церквей, в которых размещаются концертные залы и выставки, и единичных прихожан, присутствующих на будничных мессах.

В то же время реформа породила такие своеобразные явления, как возникшее в 2002 г. «Движение римо-католических женщин-священниц» (*Roman Catholic Womenpriests*), поставившее своей целью борьбу против «многовековой дискриминации женщин католической церковью». Это движение имеет своих женщин-епископов (первые две были рукоположены «катакомбным порядком» в 2003 г. «епископом-мужчиной, имеющим апостольское преемство», имя которого не разглашается; ныне женщин-епископов – не менее 10), рукоположивших десятки женщин-священниц и диаконов. Движение активно манифестирует себя, несмотря на экскоммуникацию *laetae sententiae*, наложенную на рукополагавших и рукоположенных 29 мая 2008 г. ватиканской Конгрегацией доктрины веры. А в мае 2013 г. аналогичные, по существу, соображения последовали со стороны вполне официально-церковного «Объединения католических женщин Германии» (ОКЖГ): около 100 его представительниц выступили перед Федеральным собранием объединения с требованием ввести посвящение женщин в диаконский сан, тем более, что, по словам председателя федерального ОКЖГ М.Т. Опладен, по сути женщины уже давно исполняют диаконское служение. Это и требуется узаконить иерархически: «Поручение выполнять какие-либо обязанности может быть отозвано, а вот сакраментальное рукоположение – нет».

6. Модернистская оппозиция. Помимо традиционалистской, в католической церкви с началом понтификата Бенедикта XVI оживилась модернистская оппозиция. Так, известный швейцарский теолог, католический священник и писатель Г. Кюнг, один из экспертов-богословов II Ватиканского собора и главный идеолог модернизации католицизма в немецкоязычных странах, призывает верующих присоединиться к движению за реформы в церкви.

Кюнг, не раз критиковавший папу Иоанна Павла II за консерватизм, считает, что и папа Бенедикт XVI не отступает от консервативных позиций: он, по мнению Кюнга, интерпретирует положения II Ватиканского собора «теоретически и практически в обратном направлении». Папа препятствует проведению реформ и рискует привести церковь к «разрыву между пастырями

и общиной». Кюнг утверждает, что папа ставит под угрозу единство церкви, когда «незаконно рукоположенных в сан епископов традиционалистского братства св. Пия X одобряет без предварительных условий, хотя они отвергают II Ватиканский собор по ключевым вопросам».

Кюнг также выступает за то, чтобы приходы без священников имели возможность совершать Евхаристию. Он призывает преодолеть разногласия между католической и протестантской общинами, которые, по его мнению, должны совершать совместные богослужения.

§ 8. Глобализация и католическая церковь

1. Ватикан в условиях секулярной глобализации. Существенно осложнилось положение католической церкви с прогрессом процесса *секулярной глобализации*, начавшегося на рубеже 1980–1990-х годов.

Активные процессы мировой и региональной интеграции как часть общемирового глобализационного процесса осуществляются в лучшем случае на безрелигиозной основе, а в худшем – стремятся всячески освободить новое глобальное общество от христианского наследия. Даже объединенная Европа, цивилизация которой формировалась изначально на христианском базисе, отказалась от упоминания не только христианства, но даже и Бога в проекте своей Конституции.

Как писал в книге «Постижение истории» *А. Тойнби*, весьма скептически настроенный к западной цивилизации как к цивилизации христианской, «наше собственное имя умерло для нас самих, а вместо него мы стали употреблять частные имена отдельных национальностей, что произошло к началу так называемого нового периода истории, когда влияние нашего общества на другие стало постоянным и устойчивым. *Исторический факт забвения собственного имени – характерная черта нашего микрокосма.* (...) Со времен Реформации религиозная лояльность стала не только основным мотивом разнообразных социальных, политических, экономических и культурных движений, но и признаком дифференциации. Поэтому, видимо, целесообразней опустить слово "христианство" и говорить о "Западе", "западном мире" или "западном обществе". Это географическое название, лишенное каких-либо оттенков, может без заметных натяжек служить адекватным определением как современного нам общества, так и общества времен Карла Великого».

В то же время Ватикан в ряде официальных выступлений не только не исключает, но даже предусматривает возможность и необходимость установления некоей «всемирной власти», ответственной за «всемирный порядок». Святой престол, таким образом, неформально присоединяется к идее «мирового правительства», реализующего политику глобализации.

Так, Пий XII касательно плана «создать действенную политическую организацию мира» заявил: «Ничто не совпадает больше с традиционным учением церкви (...) *нужно* прийти к организации такого рода». Его преемник Иоанн XXIII (вслед за Ж. Маритеном, высказавшимся в 1953 г. за «своего рода всемирный совет») в энциклике *Pacem in terris* (11 апреля 1963 г.) выступает в защиту необходимости мирового авторитета, выполняющего «специфические функции» и обладающего эффективными средствами, чтобы способствовать достижению «объективных требований всемирного общего блага».

«Углубляется взаимная зависимость между экономическим устройством государств: одни постепенно вливаются в другие так, что в итоге каждое становится составной частью единого мирового хозяйства; а социальный прогресс, порядок, безопасность и мир внутри каждого государства связаны с социальным прогрессом, порядком, безопасностью, миром всех других государств».

Ни одно государство в настоящее время не в состоянии преследовать свои интересы и развиваться, замыкаясь в себе, ибо степень его благополучия и развития также отражает и является составной частью благополучия и развития всех других государств. (...)

Властные структуры, имеющие авторитет в мировом масштабе и наделенные надлежащими средствами для успешного достижения целей, которые составляют содержание общего блага, должны быть учреждены при единодушном согласии, а не быть навязанными силой». Следующий папа Павел VI говорит о необходимости создания «мирового фонда» и настаивает на необходимости «всемирного авторитета», «который был бы в состоянии успешно действовать в юридическом и политическом плане».

2. Новые задачи. Реформаторский потенциал II Ватиканского собора оказался недостаточным и для того, чтобы *преодолеть секулярную оппозицию церкви* или хотя бы «на равных» парировать атаки «нового мирового порядка», все более превращающего человека из личности, *образа и подобия* Божьего, в некое число, подлежащее электронному учету, в придаток глобального государства, в объект манипулирования.

Введение различных форм электронной (цифровой) идентификации личности, активизировавшееся под эгидой процессов формирования «электронного правительства», и соотношение их с обеспечением прав человека стало в настоящее время серьезной проблемой в целом ряде стран. С точки зрения многих специалистов, речь идет о создании системы технотронной диктатуры, пытающейся перенести законы управления кибернетическими системами на человеческое общество.

Предпосылки для обеспечения возможности функционирования такой системы созданы процессом глобализации, стимулирующей создание глобального информационного пространства с использованием современных технико-технологических достижений. В результате стираются государственные границы, создаются условия для широкой межгосударственной интеграции (как экономической, так и политической), развиваются процессы денационализации и десоциализации личности, готовятся условия для упразднения бумажных носителей информации (включая коммерческие документы и бумажные деньги). Целый ряд специалистов видит в этих процессах угрозу богоданной свободе человека и антихристианскую сущность.

Динамика общественного движения показывает, что данная проблема, входя в центр интересов правящих кругов ряда стран и гражданского населения²⁵, далеко не всегда вызывает заинтересованность католического богословия.

Требует дальнейшего развития «Социальная доктрина католической церкви», в настоящее время представляющая собой эклектический сплав неолиберальных (по преимуществу), неокейнсианских и отчасти западных неосоциалистических идей.

Ватикан фиксирует основные права индивидуума (на основе «Всеобщей декларации прав человека»), отмечает динамичное нарастание борьбы рабочего класса за свои права и критикует современную «одержимость экономическим аспектом жизни, двусмысленность которого привела страны Запада «в ловушку собственного процветания». Эта ловушка итогом своим имеет «исторический поворот в индустриальных государствах, происходящий с 1975 г.: «государство всеобщего благоденствия, все более и более становящееся государством, увязшим в долгах, натыкается на свои границы». В результате обостряется ряд проблем, включая такие важные, как технический прогресс, безработица и др. При этом Ватикан волнует скорее не производственные, а распределительные отношения, прежде всего – «растущий контраст между изумительным умножением благ (...) и их распределением между людьми и народами».

²⁵ Так, парламент Великобритании законодательно отменил введение универсальных электронных карт; правительство ФРГ также не поддерживает проект сбора личных данных граждан на едином электронном носителе, и т.д. Население Финляндии, Южной Кореи, Греции и ряда других стран различными способами противостоит данной системе (вплоть до отказа от использования предлагаемых услуг).

Еще один важный вопрос, который следует серьезно обдумать, был поднят папой Франциском I в выступлении на заседании Ассамблеи Совета Европы в ноябре 2014 г. Это связанная с развитием глобализационных процессов проблема десоциализации общества, когда «без стремления к истине каждый становится мерой самого себя и своих действий, открывая путь субъективному утверждению прав, в то время как понятие прав человека, имеющее само по себе универсальный характер, заменяет идея индивидуалистского права». Это ведет к тому, что человек «перестает заботиться о других, содействуя глобализации равнодушия, порожденного эгоизмом, плодом взгляда на человека, неспособного принять истину и жить в подлинном социальном измерении». «Подобный индивидуализм, – полагает папа, – ведет к человеческой убогости и культурному бесплодию, потому что он перерезает плодородные корни, на которых держится дерево. От безразличного индивидуализма рождается культ благосостояния, а ему соответствует культура отбросов, в которой мы живем. На самом деле у нас есть слишком многое и часто ненужное, но мы больше не в состоянии строить настоящие человеческие взаимоотношения, отмеченные истиной и взаимоуважением».

Папа Франциск назвал также две проблемы сегодняшней Европы, отражающие на самом деле особенности глобального стиля мышления и управления: «многополярность» и «трансверсальность». Многополярность порождает «многогранную глобализацию», уважающую особенности каждой из сторон. Трансверсальность порождает потребность диалога во всех сферах. Без учета этих принципов диалог грозит выродиться в диалог слепого с глухим или даже в монолог, навязывающий единственное решение: «В современном политическом мире Европы диалог оказывается бесплодным, если он ведется внутри организаций собственной принадлежности (политических, религиозных, культурных). История требует сегодня способности идти навстречу, выходить из структур, “сдерживающих” свою идентичность, чтобы сделать ее сильнее и плодотворнее в братском трансверсальном общении. Европа, ведущая диалог только внутри закрытых групп, остается на полпути: необходим молодой дух, принимающий вызов трансверсальности».

Однако католическая церковь практически полностью снимает с себя даже теоретическую проработку важнейших социальных вопросов (например, проблематики безработицы) и переводит все предлагаемые меры в плоскость апелляций «к совести ответственных лиц» («всех следует призвать к общей ответственности и действиям, направленным на общее благо»). Эти ответственные лица (совместно с государственным законодательством и системой социального обеспечения) должны на основе принципов индикативного планирования придать логическую структуру научно-техническому прогрессу, установить контроль за экономическим ростом и выправить диспропорции в области трудовых отношений.

3. Отречение папы. 85-летний папа Бенедикт XVI, жесткий критик релятивизма и глобальной секуляризации, перед лицом столь многих и серьезных, существенных проблем предпочел 11 февраля 2013 г. отречься от престола св. Петра – насколько добровольно, с уверенностью утверждать сложно (как сказал один из паломников, «возможно, что причины – глубже, чем нам говорят»), поэтому нам остается только положиться на собственные слова папы о том, что его заявление в заседании консистории в Отранто было сделано *plena libertate* (в подчеркнутом согласии с действующим Кодексом канонического права²⁶):

²⁶ В Кодексе канонического права указано: «Если случится так, что римский понтифик отречется от своей должности, то для действительности отречения требуется лишь одно: чтобы оно было совершено добровольно (*libere fiat*) и провозглашено надлежащим образом (*rite manifestetur*). Нет необходимости в том, чтобы кто-либо принимал это отречение» (CIC. Канон 332, § 2), причем «отречение, не нуждающееся в принятии, входит в законную силу после того, как отрекающийся сообщит о нем согласно праву (*ad normam iuris*)» (CIC. Канон 189, § 3), и «после вхождения в законную силу отозвать его нельзя» (Канон 189, § 4).

«Conscientia mea iterum atque iterum coram Deo explorata ad cognitionem certam perveni vires meas ingravescente aetate non iam aptas esse ad munus Petrinum aequè administrandum. Bene conscius sum hoc munus secundum suam essentiam spiritualem non solum agendo et loquendo exsequi debere, sed non minus patiendo et orando. Attamen in mundo nostri temporis rapidis mutationibus subiecto et quaestionibus magni ponderis pro vita fidei perturbato ad navem Sancti Petri gubernandam et ad annuntiandum Evangelium etiam vigor quidam corporis et animae necessarius est, qui ultimis mensibus in me modo tali minuitur, ut incapacitatem meam ad ministerium mihi commissum bene administrandum agnoscere debeam. Quapropter bene conscius ponderis huius actus plena libertate declaro me ministerio Episcopi Romae, Successoris Sancti Petri, mihi per manus Cardinalium die 19 aprilis MMV commissum renuntiare»²⁷.

Согласно решению папы период *sede vacante* начался с 20:00 28 февраля 2013 г. «Перстень рыбака»²⁸, который согласно традиции снимается с руки каждого папы после смерти, был по обычаю разбит, а все предметы, связанные с пребыванием Ратцингера на престоле св. Петра, изъяты из использования. Местопребыванием отречшегося понтифика – «Моцарта богословия», как называли его поклонники его писательского таланта, «почетного понтифика», как установила именовать его римская курия после отказа от власти, – определен бывший монастырь на территории Ватикана, а его занятиями – молитва и теологические упражнения.

Пресса заговорила о том, что последнее папское отречение случилось в 1415 г. – однако тогда, напомним, Григорий XII отрекся *под давлением* германского короля Сигизмунда, будущего императора Священной Римской империи, и Констанцкого собора и сохранил за собой кардинальское звание. *Полностью добровольно* сошел со Св. престола лишь смиренный аскет Целестин V (5 июля – 13 декабря 1294 г.), но остаток своей жизни (ум. 1296) он провел в заключении, куда был помещен своим преемником Бонифацием VIII, и был канонизирован в 1313 г.

В связи с отречением папы Бенедикта пресса немедленно вспомнила найденное в 1590 г. пророчество св. Малахии (1094–1148), ирландского епископа, имевшего видение о папах во время паломничества в Рим: визионер обещал, что после папы Бенедикта – «славы оливы» (*gloria oliuae*) – «во время последних гонений святой Римской церкви воссядет Петр

²⁷ «Я неоднократно размышлял об этом перед Богом и собственной совестью и пришел к выводу, что из-за моего преклонного возраста у меня уже недостаточно сил, чтобы должным образом осуществлять служение наместника Петра.

Я полностью осознаю, что эта миссия в своей духовной сущности должна быть выполнена не только посредством действий и слова, но в не меньшей степени через страдания и молитву. Однако, чтобы управлять лодкой святого Петра и проповедовать Евангелие в современном мире, который подвержен частым изменениям и будоражащим вопросам, имеющим большое значение для жизни веры, необходимы как силы тела, так и духа, которые в последние месяцы ослабли во мне настолько, что я должен признать свою неспособность хорошо выполнять порученную мне миссию. Таким образом, полностью осознавая серьезность данного акта, в полной свободе я заявляю о том, что я отказываюсь от служения епископом Рима, преемником святого Петра, порученного мне кардиналами 19 апреля 2005 г.»

²⁸ *Перстень* или *кольцо рыбака* (также *кольцо св. Петра, рыбацкий перстень*) – *anulus piscatoris* с изображением апостола Петра в лодке, с рыбацкой сетью в руках, напоминает о том, что папа – наследник апостола, который был рыбаком (рыбарем), и об обращенных к апостолам словах Христа: *Я сделаю вас ловцами человеков* (Мф. 4, 19; Мр. 1, 17). Впервые о кольце рыбака упоминает папа Климент IV в 1265 г. После смерти папы кардинал-камерлинг «разбивает» его перстень (по нему долотом наносятся два крестообразных удара, перечеркивающих изображение) в присутствии других кардиналов, чтобы исключить возможность фальсификации документов в период *sede vacante*. Для избранного папы изготавливается новое кольцо с его папским именем; его подносит новому понтифику декан коллегии кардиналов во время коронации или интронизации.

Собор св. Петра.
Рим, 11 февраля 2013 г.

Римлянин, который будет пасти овец среди множества терзаний, по свершении чего град семи холмов будет разрушен, и Судья страшный будет судить народ Свой», – завершив свое видение угрожающим «*Finis*»²⁹.

Вспоминали также опубликованную в 2000 г. «третью тайну» португальской Фатимы, где в 1917 г. трем детям явился образ Богородицы, предсказавшей мрачные времена для Ватикана: «Мы увидели в бесконечно ярком свете (...) епископа, одетого в белое, – нам показалось, что это был Святейший отец. Там были и другие епископы, священники, верующие мужчины и женщины. Они поднимались вверх по крутой горе, на вершине которой был большой Крест из неотесанных стволов пробкового дерева. Прежде чем попасть туда, Святейший отец прошел через большой город, наполовину в руинах, наполовину содрогающийся. Он шел, останавливаясь, страдая от боли и горя и молясь за души тех, трупы которых он встречал на своем пути. Достигнув вершины горы, на коленях у подножия Креста он был убит группой солдат, которые стреляли в него пулями и стрелами. И таким же образом там умерли один за другим другие епископы, священники и верующие мужчины и женщины, и различные миряне разных чинов и сословий. С обеих сторон Креста стояли два ангела, каждый с хрустальной кропильницей в руке, в которую они собирали кровь мучеников и ею окропляли души, прокладывая свой путь к Богу. [После Богородица продолжила: Римская церковь будет уничтожена. Кардиналы восстанут на кардиналов, а епископы – на епископов. Сатана войдет в них, и будут великие изменения в Риме. Церковь покроется мраком, а мир содрогнется от страха. На руинах Римской церкви возникнет духовная церковь, которая будет существовать до конца мира]³⁰(...)».

Общество немедленно среагировало на папское заявление – этот, как сказал один из кардиналов, «гром с ясного неба» (причем не только фигуральный, но и реальный: через несколько часов после речи папы в купол собора св. Петра и впрямь ударила молния). Несмотря на в целом уважительный тон официальных лиц и аналитиков, обсуждение обратило внимание католиков на целый ряд острых вопросов как внутри католической церкви, так и в ее взаимоотношениях с обществом.

Прежде всего возникла серьезная экклезиологическая проблема: если епископское служение означает мистический брак с Церковью³¹, то может ли быть расторгнут такой брак, суть которого в том, что (как гласит современный католический Катехизис) «*nana*, епископ Римский

²⁹ *In persecutione extrema S.R.E. sedebit Petrus Romanus, qui pascet oves in multis tribulationibus: quibus transactis ciuitas septicollis diruetur, et Iudex tremendus iudicabit populum suum. Finis.*

³⁰ Текста, заключенного в квадратные скобки, в официальной публикации фатимских пророчеств (включая факсимиле), подготовленной кардиналами Бертоне и Ратцингером и размещенной на сайте Конгрегации доктрины веры, нет, однако он периодически появляется в различных изданиях.

³¹ Как пишет о. Иоанн Мейендорф, «каноническое право предписывает посвященным в епископский сан не вступать в брак. Это правило, введенное с чисто дисциплинарной целью и основанное на законе императора Юстиниана, было подтверждено Шестым («Пято-Шестым») Вселенским собором: «Жена производимого в епископское достоинство, предварительно

и преемник св. Петра, “есть постоянное и видимое начало и основа единства и епископов, и множества верных”», и только единение с ним «в качестве главы» сообщает каноническую и мистическую легитимность и коллегии епископов, и Вселенским соборам, и всей церкви – поскольку «*епископ Римской церкви, преемник св. Петра, есть “глава коллегии (собора) епископов, заместитель Христов и пастырь всей церкви на всей земле”*» (CCE 882, 883, 936)? Если епископство как любая степень священства означает Божественное призвание и принятие Божьего дара, особой благодати³², – может ли человек сам снять с себя эту благодать, отказаться от нее, тем более что *дары и призвание Божие непреложны* (Рим. 11, 29)? Должен ли (и как именно) поминаться за Евхаристией ушедший на покой папа – ведь, как учит Катехизис, «*папа, исполняющий в церкви служение св. Петра, связан с каждым совершением Евхаристии, в котором он поминается как знак и слуга единства Вселенской Церкви*» (CCE 1369)?

Отвечая на провокативный вопрос: «Может ли что-либо измениться с приходом нового папы в столь неизменной институции, как католическая церковь?», профессор богословия Фрибургского университета Барбара Халленслебен (Швейцария) в этой связи сказала: «Все

разлучившись со своим мужем, по общему согласию, по рукоположении его во епископа, пусть вступит в монастырь, созданный далеко от обитания этого епископа, и пусть пользуется содержанием от епископа» (правило 48). (...) Законодательство императора, запрещавшее посвящение в епископский сан состоявших в браке священников, было издано в то время, когда элита христианского общества уже в немалой степени состояла из монашеского духовенства. Кроме того, этот закон исходил из убеждения, что *епископ вступал в мистический брак со своей епархией*».

Основанием такого убеждения (догматически, впрочем, никак не закрепленного) можно считать связанные с таинством брака слова ап. Павла: *Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви* (Еф. 5, 31–32), перенесенные на тот образ Христов, носителем коего в видимой церкви является епископ («Катехизис католической церкви» [1997] напоминает «прекрасное выражение» Игнатия Антиохийского, что «епископ есть живой “образ Отца” – τύπος τοῦ Πατρὸς). «Христос и Церковь – это “Христос всецелый” (Christus totus)», – учит Катехизис, – а «каждый епископ» есть «викарий Христа» (CCE 1549, 795, 1560).

³² Согласно католическому Катехизису, «таинство священства (...) налагает *неизгладимую духовную печать*», «даруется раз и навсегда (...) и не может быть ни повторено, ни дано временно». При этом «законно рукоположенный человек может, конечно, если на то есть веские причины, быть освобожден от обязательств и функций, связанных со священством (...) но он не может вновь стать мирянином в строгом смысле этого слова, ибо печать, наложенная рукоположением, остается навсегда. Призвание и миссия, полученные в день рукоположения, отмечают его непреложным образом» (CCE 1582–1583) – «священное рукоположение, единожды принятое действительным образом, ни когда не может стать несостоятельным» (CIC. Кан. 290).

Касательно папы Римского действующий «Кодекс канонического права» устанавливает следующее: «Как по установлению Господню св. Петр и прочие апостолы составляют одну Коллегию, так же связаны между собой римский понтифик, преемник Петра, и епископы, преемники апостолов». «Полную и верховную власть в церкви римский понтифик обретает в силу принятого им самим законного избрания, а также епископского посвящения». «Епископ Римской церкви, в коем пребывает служение, особым образом порученное Господом Петру, первому из апостолов, и подлежащее передаче его преемникам, является главой коллегии епископов, заместителем Христа и пастырем всей церкви на всей земле. Поэтому в силу своей должности он пользуется в церкви верховной, полной, непосредственной и универсальной ординарной властью, которую он всегда может свободно осуществлять» (CIC. Канон 330–331, 332, § 1). Под коллегией епископов при этом понимается мистико-физическая институция («в которой постоянно пребывает и собор апостолов»), «главой которой является верховный понтифик, а членами – епископы в силу таинственного посвящения и иерархического общения с главой и членами коллегии», полномочная только «вместе со своим главой, но никогда – без своего главы» (Кан. 336; разрядка везде наша. – В.С.).

зависит от того, будет ли истолкован уход Бенедикта XVI как индивидуальный шаг или как знамение нового понимания папского служения. Папа – не менеджер церкви, он – отец. Отец не может уйти, он может только умереть».

Папа Бенедикт – «первый папа эпохи постмодернизма», – преподносит, по мысли Халленслебен, «совершенно иной, новый образ сочетания личности и служения, Церкви Вселенской и церкви местной»: «В своем обращении об отречении Бенедикт XVI (...) говорит об отказе от служения “епископа Рима, преемника апостола Петра”, а не о своем уходе в качестве папы. Так, он обращается к традиции Древней церкви первого тысячелетия. Если император воспринимался как “наместник Христа”, то папа – как преемник рыбака Петра, которого Сам Господь призвал быть учеником, который отрекся от Господа, но Самим Им был поставлен краеугольным камнем Церкви. Бенедикт XVI всегда видел себя смиренным последователем избранного благодатью рыбака. Своим уходом Бенедикт XVI обращает внимание всех на двойственность экклезиологического действия: Бог действует в истории и приобретает к этому людей, но через это они не становятся автономными носителями полноты божественной власти. Как часто мирское, конечное, недостаточное в церкви безжалостным образом обращается против нее. В наши дни папа открыто и бескорыстно указал всем на свою собственную ограниченность».

Известный итальянский теолог В. Манкузо, напротив, сделал для себя вывод, что Бенедикт XVI не смог решить задачи, которые ставила перед его понтификатом сама жизнь: «Ратцингер просто понял, что он не в силах справиться с хаосом, который в данный момент царит в церкви». Наследие, состоящее «из враждебности, саморекламы, борьбы между течениями, экономические войны и судебные разборы – все это легло тяжким грузом на ослабшие плечи Бенедикта XVI».

Католическая церковь сегодня – это организация, крайне нуждающаяся в реорганизации – заявила в *Independent* редактор католической газеты *Tablet* К. Пепинстер, и Бенедикту XVI не удалось ее реформировать. «Один из очень информированных католических банкиров сказал, что папа должен одновременно осуществлять духовную деятельность и управление церковью. Бенедикт XVI передал управление другим и занялся духовной деятельностью. Иными словами, он передал экономическую власть церковной олигархии, которая сегодня является врагом папы», – отмечала после папской отставки итальянская журналистка К. де Грегорио.

«Достаточно вспомнить слова, которые произносил папа Ратцингер с октября прошлого года по сегодняшний день, – писала 25 февраля 2013 г. итальянская *La Repubblica*. – Сорная трава на ниве Господа. Сорная рыба в сети святого Петра. Личные грехи, которые становятся “структурами греха”. Искушение властью, использование Бога в личных интересах, материальные блага. Наконец: “Красота созидания, замаранная коррупцией”. И еще одно слово: разделение. Сколько разногласий, группировок вокруг папы, сколько группировок и разногласий в курии? Их множество, говорится в отчете, подготовленном тремя кардиналами, проводившими расследование. “Разногласия, споры, карьеризм, ревность”, – сказал вчера кардинал Равази. (...) Не совершать недостойных деяний, не красть. Проблеме “не укради” (...) посвящены многочисленные страницы, документы, относящиеся к основным источникам доходов церкви: огромное наследие в виде недвижимости, католическая система здравоохранения с ее 125 тысячами частных структур в мире. Здания, больницы. Злоупотребления коренятся именно здесь, и огромной властью обладают те, кто управляет здравоохранением и церковным имуществом: Администрация церковного имущества Святого престола (*APSA*), Префектура экономических дел Святого престола, которая должна контролировать транзакции».

Итальянская пресса напоминает одно из последних высказываний правой руки понтифика, архиепископа Миланского кардинала Мартини (1927–2012): «Церковь отстает на 200 лет. В смысле коллегиальности. Необходимо возобновить работу церковных соборов. Сегодня коллегиальность церкви практически заблокирована. Управление церковью ослаблено. Синод (...) бесполезен. Папа оказался изолированным, он – одинокий человек, отягощенный своими 86 годами». О том, что католическая церковь находится в глубоком кризисе, заявил в интервью итальянской газете *Stampa* один из потенциальных кандидатов на папский престол французский кардинал Напье, архиепископ Дурбана и председатель Южноафриканской конференции католических епископов: «Мы можем выйти из этого кризиса при помощи мощного духовного обновления, которое осуществил, например, Франциск Ассизский, проведя моральную реформу».

Обращает на себя внимание и постановка вопроса, данная Б. Халленслебен: «Постмодерн открыл секулярную суть мира в нигилистической перспективе. Этому не способно противостоять никакое бегство в сакральное пространство, оставляющее секулярный мир лишь собственному ничтожеству. Благовестие Церкви – обетование и непреложная надежда для этого мира. Мир содержит потенциал стать Царством Божиим. В конечном итоге вопрос этот – вопрос об образе Бога. Наш Бог – Бог самоуничужения в любви, воспринимающий весь этот мир в его банальной посредственности и хрупкости». Однако в этой связи необходимо обратить внимание на констатацию факта, предложенную газетой *Daily Telegraph*: если папа хотел вернуть Европу к Богу, «то очевидно, что Европа оставила его призыв без ответа». В этой связи высказывались мнения о том, что новому папе придется преодолевать возникший в Европе (да и не только в Европе, но особенно здесь) «разрыв между церковью и обществом», ибо «христианская миссия в Европе угасает».

Видимо, здесь следует искать истоки уверенности популярного итальянского журналиста М. Франко в том, что отречение папы Римского связано с кризисом всей церковной системы, и прежде всего – ее «закостеневшего аппарата»: «Мы становимся свидетелями последнего, необратимого кризиса системы правления и формы папской власти, а также восстания святого отца перед лицом дрейфа церкви-государства, превратившейся за несколько лет в глазах общественности из “хозяйки жизни” в “грешницу”, из моральной точки отсчета в своего рода “обвиняемую” всем миром», и «если бы не эта затянувшаяся и сохраняющаяся по сей день травма, было бы сложно понять причины отречения Бенедикта XVI. Длинная череда конфликтов, маневров, предательств под сенью купола св. Петра стала причиной принятия такого решения, для которого определение “революционное” звучит неадекватно: оно слишком малое, слишком светское. То, что произошло (...) оставляет ощущение оглушающей пустоты».

По мнению *Financial Times*, Бенедикт XVI не сумел стать твердым лидером, в котором так нуждалась церковь: «Несмотря на свою открытость другим религиям, Бенедикт XVI также умудрился обидеть и мусульман, назвав ислам злом, и евреев, вернув в лоно церкви отлученных за непризнание холокоста», – пишет это издание и напоминает также о финансовом скандале и проблеме сексуального насилия.

По мысли Манкузо, шаг Бенедикта XVI может привести к переменам в институте папства: «После того, что случилось, папа уже не сможет быть только непогрешимым монархом, чьи отношения с верующими и с иерархами основаны на чистом императиве, он должен стать проводником в жизнь перемен, идущих в коллегиальном, можно сказать, в демократическом направлении». «Папское служение десакрализируется и демифологизируется», – говорит и католический профессор Халленслебен. – Одновременно возникает опасность ошибочного восприятия церкви как международного концерна, нуждающегося в новом эффективном менеджере. Такое восприятие церкви – мирское и слишком человеческое». Ответом на эти вызовы может стать «некий третий путь, на котором не будет ни возрождения властного образа церкви, ни придания ей чисто человеческого светского измерения. Именно это будет главным вызовом для будущего папы».

Как отметили отечественные аналитики, своим добровольным уходом Бенедикт XVI опроверг миф о тотальной авторитарности католической церкви, доверив будущее церкви соборной воле коллегии кардиналов и создав «прецедент, который нуждается в серьезном осмыслении». «Будучи папой, Бенедикт XVI нарушил многовековое табу – он дал понять номенклатуре Ватикана, что незаменимых нет, даже в отношении тех, кто восседает на престоле. Он открыл дверь для потенциальной волны отставок. Он невольно подтвердил правомерность высказываний представителей многих епископатов, которые видели в папском Риме гнездо конфликтов и маневров, кардиналов, думающих лишь о преемственности», – как бы развивает эту мысль М. Франко, так что папа Бенедикт XVI «войдет в историю в большей степени из-за ухода в отставку, нежели по причине попыток реформировать католицизм». Как бы то ни было, единства общества в оценке отречения Бенедикта XVI обрести не удалось: одни полагали, что неординарный шаг папы не только не ослабляет институт папства, но направлен на его укрепление как канонического церковного установления – в том числе перед лицом нарастания дезорганизационных тенденций в римской курии, которая за время понтификата Иоанна Павла II, не уделявшего управлению ею должного внимания, обрела определенную независимость от понтифика, в то время как другие говорили о кризисе «архаического института» папства.

«Мир не перестанет обращаться к новому папе с многочисленными вопросами, от него будут ожидать активного участия в жизни человечества», – отметил апостольский нунций архиепископ И. Юркович. Новый папа, размышляла газета *Guardian*, помимо прочего, должен найти общий язык с либералами и консерваторами внутри церкви, решить проблему с все уменьшающимся количеством католических священников в Европе и при этом больше внимания обращать на Африку, Латинскую Америку и Азию, где церковь, в отличие от Европы, процветает.

В то же время ему, по мысли профессора Халленслебен, придется решать и новые экклезиологические и нравственные вопросы: «Мы слишком много внимания уделяем вопросам профессионального богословствования, забывая о призвании мирян к всеобщему священству. Еще задолго до Бенедикта XVI его предшественники говорили о том, что вера может стать формой культуры и жизни в наши дни. Как христианину жить в этом мире, как планировать свое время, как общаться с людьми – примером этого мог бы быть новый римский епископ». Новому папе, по мнению ряда компетентных аналитиков, предстояло сделать выбор между «консервативной» линией на укрепление центральной (папской) власти в католической церкви, которой придерживался папа Ратцингер, и «либеральной модернизацией» церковного управления инструментами концилиаризма, в том числе путем созыва нового Вселенского собора.

При этом уходящий папа сделал все, чтобы минимизировать период *sede vacante* – время, когда католический мир остается без папы: согласно одному из его последних распоряжений конклав может быть собран как можно раньше (по крайней мере, ранее 15 марта – канонически установленного *terminus a quo*).

4. Начало понтификата Франциска I. Перед преемником Бенедикта XVI католической общественностью настойчиво ставилась проблема реформирования церкви. Как сформулировал президент Католического теологического общества Америки профессор Р.Р. Гейллардец (*Gaillardetz*), «существует критическая масса католиков, которые хотят перемен», и в их сознании формула «существенные изменения» означает перемены, касающиеся трех «горячих кнопок»: контроля за рождаемостью, рукоположения женщин (сюда же примыкает вопрос об отмене обязательного celibата священников) и однополых браков (с примыкающими проблемами разводов и гражданских браков как таковых). Согласно докладу *Pew Research Center*, опубликованному в марте 2014 г., «значительное большинство католиков заявляет, что церковь должна позволить верующим применять средства контрацепции (77%), разрешить священникам жениться (72%) и рукополагать женщин в священники (68%)». При этом, как считают многие аналитики, в сегодняшней католической церкви налицо феномен (в его религиозной интерпретации) «роста революционных ожиданий», когда люди думают, что находящиеся далеко от них лидеры не только слышат, но и прислушиваются к ним.

Как было отмечено в докладе Конференции католических епископов Германии, церковные запреты, касающиеся добрых отношений, гомосексуализма, разводов, повторных браков и контроля рождаемости, «практически никогда не принимаются верующими в расчет или просто отклоняются в большинстве случаев». Многие прихожане видят в этих запретах

«необоснованную и беспощадную дискриминацию». Многие приводят на память события 1960-х годов, когда неоправдавшиеся ожидания изменений в позиции Ватикана по поводу контрацепции (энциклика папы Павла VI *Humanae vitae*, обнародованная в 1968 г., поддержала традиционный запрет) привели к тому, что многие католики покинули церковь, некоторые священники оставили священный сан, а часть тех, кто остался с церковью, стала просто игнорировать ее учение об отношениях между полами.

В то же время нельзя обходить стороной тот факт, что Римская церковь – самая многочисленная в мире, и в этой всемирной церкви в разных местах имеют место разные ожидания. В числе 1,2 млрд. ее прихожан – не только либеральные европейцы и жители США, но и миллионы африканских и южноамериканских крестьян, среди которых господствуют более традиционные взгляды на роль женщины, на брак и на отношения между полами вообще.

В отсутствие явных предпочтений, в условиях, когда разброс мнений вокруг конклава колебался от «пастыря, способного привлечь в церковь новых верующих», до «церкви, нужен антикризисный менеджер», вечером 13 марта 2013 г. из трубы над Сикстинской капеллой вознесся белый дым, и через час кардинал-протоинок объявил народу, Граду и миру с балкона собора св. Петра: *Annuncio vobis gaudium magnum: Habemus Papam!* В пятом голосовании 90 голосами из 115 конклав избрал папой 76-летнего аргентинского кардинала-священника иезуита Хорхе Марио Бергольо, архиепископа Буэнос-Айреса, не упоминавшегося в числе *parabili*, еще раз подтвердив старую истину: кто входит в конклав папой, выходит из него кардиналом.

Новый папа, итальянец по происхождению и первый в истории иезуит на престоле св. Петра, принял имя *Франциска I*, как бы отвечая на пожелание одного из кардиналов, сделанное накануне выборов, чтобы новый папа был бы аскетом, как св. Франциск.

«Перед тем как принять пост, я решил уединиться в комнатке рядом с той, что выходит на балкон. В голове было пусто, мучила страшная жажда. Чтобы она прошла, чтобы расслабиться, я закрыл глаза и изгнал всякую мысль, даже соблазн отказаться от поста, как предусмотрено процедурой. Я закрыл глаза и ничего больше не хотел, ничего не чувствовал. И вдруг в меня вошел великий свет, это длилось мгновение, а мне показалось очень долгим. Свет рассеялся, я быстро встал и отправился в соседнюю комнату, где ждали кардиналы и акт принятия на столе. Я подписал, за мной подписал кардинал-камерлинг, а с балкона провозгласили “*Habemus Papam*”».

Первая его папская молитва, которую он вознес с балкона собора св. Петра перед своим первым папским благословением *Urbi et Orbi* и дарованием генеральной индульгенции всем, кто был на соборной площади, была молитва за предшественника – почетного понтифика Бенедикта XVI.

С самого начала понтификата новый папа повел себя «революционно» (воспользуемся определением католического митрополита Минско-Могилевского Т. Кондрусевича): «Сегодня Христос призвал своего викария к новой реформе церкви, и папа Франциск приступает к ней через

Папа Франциск I и почетный папа Бенедикт XVI (справа). Рим, 23 марта 2013 г.

новый стиль папского служения, проявляющийся в смирении, молитве, открытости людям и препоручении себя Христу». В первые 100 дней понтификата Франциск I ни разу не назвал себя понтификом, представлялся исключительно епископом Рима, именовал себя простым священником, не носил красные папские туфли и короткую красную накидку, а во время проповедей не восседал на троне, как принято, а стоял, как обычный священник.

Еще перед конклавом, на генеральной конгрегации кардинал Бергольо критиковал церковь за самодовольство, «теологический нарциссизм» и призывал ее идти в народ: «Евангелизация, – подчеркивал будущий папа, – является смыслом существования церкви», которая «призвана выйти из себя самой и идти на окраины – не только географические, но и окраины жизненные». «В “Апокалипсисе” Иисус говорит, что стоит у дверей и призывает. Считается, что Он стучит в дверь снаружи, чтобы войти. Но, думаю, что Иисус стучит изнутри, чтобы мы позволили ему выйти, – размышлял он. – Проще говоря, есть две церкви: Церковь евангельская, выходящая из себя самой, и церковь светская, которая живет в себе, собой и для себя». Эта «духовная светскость является тяжелейшим грехом для церкви», – воспользовался будущий папа мыслью известного представителя «нового богословия» французского кардинала де Любака.

Кардинал Бергольо говорил о необходимости провести «изменения и реформы, которые необходимы для спасения душ». «Я хотел бы, чтобы католическая церковь была бедной и существовала для бедных», – сказал он после избрания на пост главы католиков и, став папой, начал с себя: надел простой стальной крест вместо золотого, решил «отказаться от всего, что как-то делает похожей римскую курию на императорский двор», попросил сократить количество отведенных для него в Ватикане комнат и заменил папский трон, установленный в Клементинском зале, на обычное кресло.

«Прежде всего я решил создать свой совет – группу из 8 кардиналов. Они не придворные, а мудрые люди, воодушевленные теми же чувствами. Вот начало Церкви, организованной не только вертикально, но и горизонтально (...) путь в этом направлении долг и труден. Пойдем вперед осторожно, но твердо и упорно...».

Следующий шаг был сделан в отношении основного финансового института католической церкви, доставляющего ей немало хлопот: папа рассматривает возможность преобразования «Института религиозных дел» (*Istituto per le opere di religione, IOR*) – банка Ватикана, основанного в 1942 г. для управления средствами религиозных институций. Папа дал согласие на проведение, впервые в истории банка, его внешнего аудита и публикацию годового отчета.

Хотя формально депозиты в банке могут открывать лишь служащие Ватикана, религиозные ордена и благотворители, по официальным данным на 2011 г., у банка было 20,7 тыс. клиентов, 33 тыс. счетов и 8,2 млрд долл. активов в управлении. В 2012 г. банк получил от своих клиентов 6,3 млрд евро, из которых 2,3 млрд размещены в депозиты, а 3,2 млрд находятся в управлении банка. По данным впервые опубликованного в 2013 г. официального отчета банка, в 2012 г. его доходы составили 86,6 млн евро (против 20,3 млн в 2011 г.). Из них 54,7 млн выделены в бюджет Святого престола, а 31,9 млн внесены в страховой фонд банка «на случай операционных рисков». Общее число клиентов банка составляло около 18,9 тыс., активы – 7,1 млрд евро. По итогам 2013 г. прибыль банка упала до 2,9 млн евро (по заявлениям руководства банка, это падение связано с потерями дохода от осуществленных ранее высокорисковых инвестиций, который мог бы составить до 70 млн евро).

Вместе с тем реформы уже начали давать ощутимый, хотя и неустойчивый, результат: чистая прибыль банка за 2014 г. составила 69,3 млн евро (в основном за счет снижения операционных расходов и роста доходности от операций с ценными бумагами), но в 2015 г. вновь снизилась до 16,1 млн евро.

Многие сходятся на том, что папа собирается ускорить проведение радикальной реформы банка Ватикана, навсегда исключить возможность «отмывать» через него мафиозные деньги и проводить любые другие операции коррупционного характера (в 1980–1990-е годы многие взятки, предназначенные для тех или иных итальянских политических партий, прошли через счета банка). Ускорения этой работы требуют начавшиеся аресты, связанные с обвинениями в мошенничестве и коррупции (в частности, был арестован бывший старший бухгалтер Администрации церковного имущества Святого престола епископ Н. Скарано), за которыми последовали отставки руководства банка.

Была назначена комиссия по оздоровлению финансовой жизни Ватикана под руководством Раффаэле кардинала Фарины. Новый президент банка Э. фон Фрейберг установил надзор над всеми счетами, чтобы лично убедиться в отсутствии нарушений, а 24 июня 2013 г. папским *хирографом* (собственноручно написанным документом) была учреждена комиссия в составе четверых прелатов и профессора Гарвардского университета для изучения юридического статуса и работы Института религиозных дел. Речь идет не о технических вопросах, связанных с эффективностью работы банка (папская комиссия не вправе вмешиваться в его деятельность), а о месте, которое он занимает «в рамках миссии церкви и Святого престола». При необходимости комиссия предложит реформировать банк, чтобы привести его деятельность «в большее соответствие с вселенской миссией Апостольского престола». По крайней мере бизнес-интересы банка должны «иметь определенный предел», а церкви надлежит помнить, что «у святых не было банковских счетов».

На фоне этих движений вокруг банка вспыхнул новый скандал: бывший государственный секретарь Ватикана Тарчизио кардинал Бертоне был обвинен в хищении 15 млн евро у *IOR*, которые были использованы для финансирования телекомпании *Lux Vide*. Аналитики заговорили о том, что в *IOR* все осталось по-прежнему: все менялось с тем, чтобы ничего не изменилось, чтобы старые церковные «леопарды» сохранили свою тайную власть. Тем не менее в ходе мероприятий по реструктуризации банка и в ответ на обвинения в отмывании денег в *IOR* было закрыто около 3 тыс. клиентских счетов.

9 июля 2014 г. с массовой отставки высшего менеджмента банка Ватикана начался новый этап его реформирования: своих постов лишились президент банка Э. фон Фрейберг и весь совет управляющих. На место Фрейберга, главным итогом деятельности которого Ватикан считает создание «системы по противодействию отмыванию денег», был назначен бывший председатель Европейской ассоциации по управлению фондами и активами (*EFAMA*) и руководитель европейского подразделения «*Invesco Ltd.*» француз Жан-Батист де Франссю. «Мы готовы к тому, чтобы начать вторую стадию реформ под руководством нового человека», – сказал, объявляя об этих переменах, Джордж кардинал Пелл, глава Секретариата по делам экономики Святого престола.

При новом руководстве банк Ватикана должен свернуть все инвестиционные операции, в его компетенции останутся лишь обеспечение расчетов и финансовые консультации для монашеских орденов, благотворительных организаций и сотрудников Ватикана (после «чистки», проведенной под руководством Фрейберга с мая 2013 г. по июнь 2014 г. и стоившей около 7,3 млн евро, в банке остались около 15 тыс. текущих счетов).

Еще одним ключевым элементом финансовой системы Ватикана является Администрация церковного имущества Святого престола (*APSA*), прообраз которой был создан еще в XIX в. На практике полномочия этой организации шире, чем собственно управление церковным имуществом, и во многом пересекаются с деятельностью *IOR*. Непрозрачность обеих организаций существенно осложняла контроль за их деятельностью.

Папа Римский Франциск I во время интронизационной мессы. Рим, 2013 г.

В конце декабря 2010 г. папа Бенедикт XVI впервые предпринял попытку создать надзорный орган, который отслеживал бы финансовую деятельность курии, – *Управление финансовой информации* с основной задачей осуществлять контроль и надзор за денежно-кредитной и коммерческой деятельностью учрежден-

ний Ватикана, в первую очередь банка Ватикана. Согласно новой схеме, *IOR* и *APSA* отчитывались непосредственно перед папой и коллегией кардиналов, в которой явно недостаточно квалифицированных специалистов по финансам, тогда как современные банковские схемы чрезвычайно сложны для неискушенного наблюдателя, так что возможность ввести руководство церкви в заблуждение не была ликвидирована.

В феврале 2014 г. папа Франциск создает *Секретариат по делам экономики* во главе с консервативным кардиналом Пеллом из Австралии – человеком для Ватикана новым, без прочных связей в курии. Секретариат получил исключительное и исчерпывающее право надзора за всей финансовой деятельностью курии, включая формирование годового бюджета. *APSA* предполагается реформировать с приданием ей статуса Центрального банка. Служба по финансовой информации будет осуществлять ежедневный мониторинг проводимых финансовыми институтами Ватикана операциями и перейдет в подчинение Секретариату. Предполагается также осуществить переход всех служб Ватикана на международные стандарты финансовой отчетности. Это упростит аудит их деятельности и даст возможность привлекать при необходимости внешних аудиторов.

Кстати сказать, после этого нового назначения внезапно объявились, как пишет британский журнал *Catholic Herald*, «несколько сотен миллионов евро», которые «были отложены на определенные счета и не показывались в общем балансовом отчете» Святого престола.

5 июня 2014 г. папа Франциск досрочно распустил совет директоров Управления финансовой информации, состоявший из пяти итальянцев, и назначил вместо них четырех международных экспертов. В числе назначенных – М.Б. Фарина, возглавлявшая страховое подразделение итальянского госоператора почтовой службы *Poste Vita*; специалист по борьбе с терроризмом из США Х. Сарате, работавший с американским президентом Дж. Бушем-младшим; банковский топ-менеджер М. Одендаль; бывший управляющий директор Центрального банка Сингапура Дж.Ю. Пиллай. Аналитики увидели в этих изменениях полный разрыв финансовой организации Ватикана с прошлым и попытку интеграции в международную финансовую систему.

В то же время курия признает важность христианского императива «восстановления примата Евангелия вместо примата капитализма», стоящего перед католической церковью и перед миром, за который она несет ответственность. Этот идеал предполагается вернуть хотя бы в сферу управления монашеским имуществом. Именно в этом духе предлагается реформировать жизнь католических монастырей.

В свой первый папский Великий четверг теперь уже папа Франциск I, освятив за мессой мир, призвал клир не превращаться в «менеджеров» или в «собирателей древностей или новинок», но быть пастырями своих овец, истинными «ловцами человеков», идти «на окраины городов, где царит страдание и кровопролитие», а в своем первом Пасхальном послании обратился *Urbi et Orbi* с призывом:

«Примем благодать Христова Воскресения! Дадим милосердию Божию обновить нас, дадим Иисусу любить нас, дадим силе Его любви изменить также нашу жизнь; и станем орудиями этого милосердия, каналами, через которые Бог сможет орошать землю, хранить все творение и дать расцвести справедливости и миру. (...) Христос – наш мир, и через Него мы молим о мире для всего мира (...) который по-прежнему раздираем алчностью ищущих легкой наживы, ранен эгоизмом, угрожающим человеческой жизни и семье, эгоизмом, который в двадцать первом веке продолжает торговлю людьми, самую распространенную форму рабства».

«Мы не должны превратиться в “накрахмаленных христиан”, спокойно рассуждающих о богословии за чашкой чая. Мы должны стать мужественными христианами и искать тех, кто нуждается в помощи больше всего», – проповедовал папа в Троицын день 2013 г.

«Мы всегда немного боимся новизны, потому что чувствуем себя более уверенными, если держим все под контролем, если мы строим, планируем, проектируем нашу жизнь согласно нашим схемам, убеждениям, вкусам. (...)»

То же самое происходит у нас в отношениях с Богом. Зачастую мы следуем за Ним, принимаем Его, но до определенного пункта; нам трудно полностью довериться Ему, предоставив Святому Духу вдохновлять, направлять нашу жизнь во всех наших решениях; мы боимся, что Бог заставит нас идти новыми путями, выйти из зачастую ограниченного, закрытого, эгоистичного горизонта, чтобы открыться Его горизонтам. Но во всей истории спасения, когда Бог являет Себя, Он несет с Собой новизну: Бог всегда несет новизну! Он изменяет нас и просит полностью Ему довериться. (...)»

Святой Дух, казалось бы, создает беспорядок в Церкви, потому что приносит многообразие харизм, даров (...). Но все это, напротив, под Его действием является огромным богатством, потому что Дух Святой есть Дух единства, которое не означает единообразия, но возвращает все к согласию. Согласие в Церкви рождает Святой Дух (...). Без Его толчка, без Его благодати мы не идем вперед. (...) Святой Дух дает нам войти в тайну живого Бога и спасает от опасности гностической церкви – церкви “избранных просветленных” – и церкви самодостаточной, закрытой в своей ограде. Он побуждает нас открыть двери, чтобы выйти, чтобы возвещать и свидетельствовать добрую жизнь Евангелия, чтобы сообщать радость веры, встречи с Иисусом. Святой Дух есть душа миссии».

Кто-то называет поведение папы Франциска «воинствующим смирением», а некоторые аналитики увидели в этих и подобных им словах папы чуть ли не

официальное возрождение «теологии освобождения». По словам искушенного в куриальной политике Вальтера кардинала Каспера, много лет возглавлявшего Папский совет по содействию христианскому единству, «и этот Папа скоро станет мишенью для нападок», поскольку Евангелие всегда сталкивается с противодействием. В то же время

Папа Франциск I

Итальянский центр изучения новых религий в середине ноября 2013 г. сообщил, что, согласно проведенному им опросу приходских итальянских священников, со дня интронизации Франциска число их прихожан увеличилось. «Если мы спроецируем эти данные на национальный уровень, половину приходов затронул “эффект Франциска”; речь идет о сотнях тысяч людей, вернувшихся в лоно церкви».

Церковь, которая должна благовествовать, а не стремиться к мирскому, ныне «эгоистична и больна», – так говорил кардинал Бергольо еще до своей папской интронизации. Как писал Х.-Ю. Шламп в статье «Папа-реформатор: катастрофа для их преосвященств», опубликованной в июле 2013 г. немецким журналом «Шпигель», Франциск I занялся не вопросами стиля и внешней атрибутики, а глубокими изменениями в недрах католической церкви, и церковный истеблишмент, уже давно представляющий собой «симбиоз частей курии с высшим обществом, объединенный образованием, роскошью и властью», ждут нелегкие времена.

Опытные ватиканисты заговорили о перспективах глубокой церковной реформы. По словам М. Полити, папа «хочет видеть церковь бедной, а миссию священников – в решении самых острых проблем современности, самых сложных вопросов наших дней». Среди реформаторских мероприятий аналитики выделяли создание группы консультантов в составе восьми кардиналов³³, которые не только должны помочь папе реформировать курию (сделать ее менее бюрократичной, уменьшить ее властные полномочия, сделать более открытой к диалогу с представителями рядового духовенства во всем мире), но и оказать поддержку в управлении обновленной католической церковью, в борьбе с коррупцией и лоббизмом, подавлении недостойного поведения высшего клира. В проектах – невиданное ранее повышение мобильности кардиналов курии («папе предлагают кардиналов из Ватикана высылать на работу в епархии», – считает итальянский религиовед Дж. Бенси) и привлечение в курию представителей неевропейских культур.

Наконец, в конце июня 2013 г. было объявлено о перспективе пересмотра апостольской конституции *Pastor Bonus*, опубликованной 28 июня 1988 г. папой Иоанном Павлом II и ставшей началом серии весьма мягких реформ в области управления папской курией (как полагают специалисты, куриальные реформы 1588 и 1908 гг. были более масштабными).

Папа Франциск, поставив задачу создания современной интерпретации данного документа, напомнил о том, что составляет его квинтэссенцию: то, «что казалось таким сухим и схематичным, на самом деле есть не что иное, как заявление об одном очень деликатном обстоятельстве – о реформе курии, перестройке церковного руководства».

Конституция *Pastor Bonus* посвящена роли куриальных секретариатов, конгрегаций, папских советов, комиссий, трибуналов и других ватиканских служб. В частности, документ открыл доступ к членству в дикастериях священникам, диаконам, монахам и мирянам (ранее это право имели только кардиналы). В документе также установлены нормы для епископских визитов *ad limina* в Рим и отношений между Ватиканом и национальными католическими церквями и епископскими конференциями.

³³ В группу вошли президент губернаторства Града Ватикана кардинал Дж. Бертелло, архиепископ на покое С.Ф.Х. Эррасурис Осса, архиепископ Мумбаи О. Грасиас, архиепископ Мюнхенский и Фрейзингский Р. Маркс, архиепископ Киншасы Л. Монсенго Пасинья, архиепископ Бостонский францисканец Ш.П. О’Мелли, архиепископ Сиднейский Дж. Пелл, архиепископ Тегусигальпы салезианец О.А. Марадиага Родригес; секретарем назначен епископ Альбано М. Семераро.

Более 2 млн католиков собрались 28 июля 2013 г. на пляже Копакабана в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в ожидании папской воскресной мессы

5 июля 2013 г. была опубликована первая энциклика Франциска I *Lumen fidei*. Первоначальный текст ее был написан Бенедиктом XVI, который почти завершил ее перед своим отречением, а папа Франциск внес свой вклад в текст папы Бенедикта. Эта энциклика – «рефлексии на тему веры, в соответствии со всем тем, что магистериум церкви возвестил об этой богословской добродетели». Она логично завершает цикл энциклик о христианских добродетелях, начатый папой Бенедиктом энцикликами о любви и надежде (*Deus caritas est, Spe Salvi* и *Caritas in veritate*).

В энциклике подчеркивается связь между верой и любовью, понимаемой как любовь к Богу, которая преобразует нас изнутри. «Вера без истины не спасает, оставаясь в этом случае красивой сказкой, проекцией нашего желания счастья». В этой связи особое место уделено в энциклике евангелизации, распространению христианской истины, подчеркнута важность таинств, в первую очередь крещения и Евхаристии, для укрепления и распространения веры. Единство веры гарантируется единством Церкви и апостольским преемством.

Вера, – говорит текст энциклики, – фундамент общего блага. Она освящает основы общества – семью, основанную на браке между мужчиной и женщиной, и природу, бережному отношению к которой способствует понимание творения как дара Божьего.

В Бразилии, куда он прибыл для празднования Всемирных дней католической молодежи, папа Франциск говорил о том, что церковь больше не может находиться в четырех стенах: «Я хочу, чтобы Вы вышли на улицы с протестами, я хочу беспорядков в епархиях, я хочу, чтобы церковь вышла на улицы и покинула мирской покой, удобство и клерикализм, чтобы мы перестали быть запертыми сами в себе». Посещением беднейших районов Рио-де-Жанейро папа напомнил и о своих мыслях о «бедной церкви для бедных людей», и о том, что «духовенство должно свидетельствовать простоту и даже бедность».

Папа призвал также вести конструктивный диалог с приверженцами иных конфессий и атеистами, указав на необходимость «добиться того, чтобы тот, кто начал искать ответы на свои вопросы в новых религиозных группах», и «тот, кто, как кажется, живет без Бога», вернулись в лоно католической церкви. В одной из майских (2013) проповедей он сказал: «Да, есть люди, утверждающие, что они атеисты и не верят в Бога, но если они в жизни поступают по-доброму, то и относиться нужно к ним хорошо. Просто надо делать добро, и тогда у нас

найдется место для встречи», – добавив при этом, что и представители других религий, и те, кто ни к какой вере не принадлежит, должны работать вместе, ибо все, «даже атеисты», «искуплены Христом».

«Многие ушли, потому что им пообещали что-то более высокое, более сильное, более быстродостижимое, – сказал понтифик в бразильской проповеди. – Возможно, церковь показала себя излишне слабой, излишне далекой от нужд тех, кто ее покинул; возможно, что ответы на вопросы, которые их беспокоили, были слишком бедны; возможно, церковь была слишком холодна с ними, была слишком самоориентирована и оказалась заложницей своего слишком сурового языка». Но «нам нужна церковь, которая умела бы вести диалог с тем, кто, покинув Иерусалим, потерял ориентиры и остался в одиночестве со своим разочарованием», – резюмировал папа.

19 сентября 2013 г. 16 иезуитских изданий в Европе и Америке одновременно опубликовали программное интервью папы Франциска, данное им в августе главному редактору журнала *Civiltà cattolica*. «Красной нитью» этого интервью стали посылки о том, что любая церковная реформа – плод времени, а не сиюминутного порыва, что основывается она на воплощении в современную жизнь евангельского учения и что клерикальная институциональная структура в этом процессе – это структура служебная, а не «вещь в себе» и «для себя». Целью же реформы должно стать преодоление «оборонительного» характера жизни церкви во враждебном Евангелию современном мире, восстановление церковного универсализма.

Вызывающая неприятие католиков-традиционалистов догматическая позиция папы Франциска, как следует из ряда его высказываний, выдержана в духе идей «аджорнаменто», привнесенных в современный католицизм II Ватиканским собором. Прежде всего речь идет о деидеологизации веры, о тонком различии между религиозной верой и «религиозной идеологией»: «Вера проходит через дистиллятор и становится идеологией, – заявил папа на одной из своих встреч. – А идеология не притягивает. В идеологиях нет Иисуса, Его нежности, Его любви, Его кротости... Когда христианин становится последователем идеологии, он теряет веру, он больше не последователь Иисуса, он последователь своей точки зрения». В частности, носителей стремления «чрезмерно “обезопасить” вероучение» папа называет «упорно ищущими утраченное прошлое³⁴, имеющими статическое и ретроспективное видение» и «таким образом низводящими веру до идеологии».

В названном интервью папа отметил, что II Ватиканский собор, заложивший современные принципы существования католической церкви, предложил свой подход к прочтению Евангелия. Он подразумевает не только слышание, но одновременно и актуализацию Благой Вести. Этот подход, по словам папы, «необратим».

Для папы неприемлемы «оборонительные» тенденции в современном христианстве, когда, ссылаясь на угрозы со стороны «варварского» мира, члены церкви пытаются замкнуться в узких рамках. «Бог присутствует в современном мире», взятом как целое. «Бог присутствует в жизни каждого человека. Даже если эта жизнь разрушена пороками, наркотиками или чем-то еще, Бог присутствует в ней. Нужно искать Его в каждой человеческой жизни. Даже если жизнь человека подобна полю, поросшему терниями и плевелами, все равно найдется участок, на котором можно посеять доброе зерно. Нужно доверять Богу».

Поэтому церковь для папы – это не маленькая часовня, в которой могут собираться лишь немногие избранные, а дом для всех. «Церковь – это Мать, церковь плодovitа, и она должна быть таковой». Поэтому начать деятельность по реформированию он хотел бы не в административной сфере, а в сфере совершенствования личности клириков. «Структурные и организационные реформы в церкви вторичны. Первая реформа должна коснуться образа жизни. Служители Евангелия должны быть способны согреть сердца других людей, вести с ними диалог и идти вместе с ними по их пути. Народ Божий желает пастырей, а не функционеров или госслужащих». В этом контексте, видимо, действует и личный опыт папы, наработанный

³⁴ Обратим внимание на явную реминисценцию, связанную с циклом романов М. Пруста *À la recherche du temps perdu* («В поисках утраченного времени»).

в ордене иезуитов: главное для него – «миссионерский характер, дух общинности и дисциплина», а также воспитываемая временем рассудительность – оружие, с помощью которого можно лучше познать Господа и следовать Его путем.

Признав необходимость развития реформ в католической церкви, «мы вынуждены найти новый баланс, иначе даже моральная доктрина церкви, похоже, рухнет, как карточный домик», – сказал он. – Народ Божий хочет пастырей, а не духовенства, действующего как бюрократы или правительственные чиновники». Однако в этом вопросе следует ориентироваться на долгосрочную перспективу: «Многие считают, что перемены и реформы можно осуществить за короткий промежуток времен. Напротив, я считаю, что для того, чтобы заложить основы по-настоящему эффективных перемен, требуется время». При этом он показал себя сторонником не авторитарного стиля в принятии управленческих решений, а коллегиальности: «Сегодня некоторые говорят мне: "Не надо так много консультироваться, принимайте решения!" Нет, я уверен, что консультации очень нужны», – ибо открытые обсуждения помогают «принимать более правильные решения».

В «миссионерской системе координат», в рамках которой рассуждает понтифик, институты римской курии призваны служить папе и епископам: они должны помогать местным церквям, национальным епископским конференциям. «Это вспомогательные органы. Но в некоторых случаях, когда их роль истолковывается превратно, они рискуют превратиться в органы цензуры». По крайней мере папа, как он сказал в интервью газете *La Repubblica*, будет стремиться преодолеть «ватиканоцентризм» курии, ибо «церковь есть и должна снова быть общиной народа Божьего, пресвитеры, настоятели, епископы должны быть слугами народа Божьего», а «клерикализм не должен (...) иметь ничего общего с христианством».

Миссия церкви не должна становиться беспорядочным навязыванием учения – уже потому, что смысл церкви состоит именно в том, чтобы «дать другим жизнь». Поэтому миссия должна быть направлена прежде всего на то, чтобы в сердцах людей возгорелся огонь, как в сердцах двух апостолов, встретивших Воскресшего Христа на пути в Эммаус. Поэтому считает папа, «проповедь Евангелия должна быть проще, глубже и лучезарнее».

В этой системе возможно и расширение служения женщин в церкви: «Церковь не может обойтись без женщин и той роли, которую они играют». «Женщины поднимают вопросы, на которые мы не можем не отвечать», – сказал папа, явно имея в виду вопрос женского священства, однако эти ответы вряд ли могут соответствовать тому духу «феминизма» или «эмансипации», в котором ныне ведется об этом разговор. Как сказал папа, он боится «"мачизма в юбке"». Женщина устроена иначе, чем мужчина. Но те споры о роли женщины в церкви, которые я слышу, часто вдохновлены мачистской идеологией». Этот «мачизм» слишком часто становится основой для различного рода злоупотреблений: «Когда я узнаю о недостойном поведении служителей церкви – священников, монахов или монахинь, – в первую очередь мне приходит в голову, что это либо "ожесточившийся целибат", либо "старая дева". Они не являются отцами и матерями, они неспособны дать другим жизнь».

Эта же мысль была проведена в апостольском обращении *Evangelii gaudium*, датированном 24 ноября 2013 г.: католическая церковь не может рукополагать женщин, только мужчины могут быть священнослужителями, и «это не вопрос для обсуждения». При этом папа отметил, что женщины должны иметь больше влияния в церковном руководстве.

В то же время периодически появляются сообщения о том, что папа Франциск, решительный оппонент женского священства³⁵, – не против женского кардиналата: известно, что кардинальский сан не обязательно связан с принятием священного сана, но зато означает допуск его носителя к процессу принятия решений в церкви, чего и добиваются сторонники этой идеи³⁶.

³⁵ Так, в сентябре 2013 г. папа отлучил от церкви австралийского священника Грега Рейнольдса, основавшего реформистское движение «Инклюзивные католики», которое призывает пересмотреть позицию католической церкви относительно женского священства и однополых браков.

³⁶ В период *sede vacante*, предшествовавший выборам папы Франциска, в Риме прошла демонстрация против исключительно мужского состава конклава. Провокативный вопрос: «Не наступило ли время совершить исторический поворот в сторону назначения женщин-кардиналов?» – сформулировала в своем «Воззвании» к папе, размещенном в Интернете 12 сентября 2013 г., швейцарский теолог Хелен Шунгель-Штраумани, известная также своим экзегетическим исследованием «Бог как мать в Ос. 11».

В «ужасные времена», которые римская курия «переживала в последние несколько лет», в условиях «исхода католиков из своих церквей, особенно на Западе» (как назвал этот процесс один из современных католических иерархов), понтифик указывает на важность миссионерства, которое должно способствовать изменению границ церкви. Он призвал сделать пастырскую деятельность более открытой, чтобы постоянно идти вперед и получать отклик от всех, кто нуждается в Боге.

В *Evangelii gaudium* папа пояснил одно из самых дискуссионных своих высказываний – об одержимости пастырей церкви «доктринальным релятивизмом» (мы бы вольно перевели это выражение как «страсть к учительству»). Миссионерская проповедь должна быть «квазисакраментальным» (т.е. приближающимся по смыслу к таинству) «общением сердца с сердцем», а не набором нравоучений, видом «доктринерства» или лекцией по библейской экзегезе.

Сославшись на решения II Ватиканского собора, он говорит о том, что в католической доктрине существует «иерархия истин», которые в разной степени связаны с основами христианской веры, но главной из них было и должно оставаться сострадание. Для церкви это очень важно: современные христиане, говорил он в миграционном центре на о. Лампедуза, «стали теми, кто забыл страдания других. Сколь многие из нас оплакивали тех, кто оказался в [утонувшей] лодке? юных матерей, державших своих детей? тех мужчин, что искали возможности поддержать свою семью? Мы – общество, которое забыло, как оплакивать, как чувствовать сострадание».

В апостольском обращении *Evangelii gaudium* папа заявил, что преобразования в католической церкви не могут быть далее отлагаемы, поэтому в Ватикане должны быть готовы к изменениям: для выполнения своей миссии милосердия церковь должна отказаться от бюрократизма и жесткой иерархической вертикали, замкнутой на папу: «Чрезмерная централизация вместо того, чтобы доказать свою полезность, усложняет жизнь церкви и ее миссионерскую работу». Папа говорит о возможности расширения полномочий местных властей католической церкви, например, о возможности придания юридического статуса национальным епископским конференциям, в компетенцию которых будет передана часть «доктринальной (т.е. учительной. – В.С.) власти», а именно – право трактовки тех или иных церковных установлений. Это – прямой отход от решения Иоанна Павла II, обнародованного в 1998 г., согласно которому только отдельные епископы в согласии с папой могут выносить подобные суждения.

В апостольском обращении Франциск I возвращается к идее папы Иоанна Павла II о важности сотрудничества между религиями. Папа Франциск пишет, что папство может меняться ради установления связей с другими христианскими церквями, и отмечает то полезное, что могло бы быть заимствовано католической церковью у иных христианских конфессий (в частности, указывает он, «в диалоге с нашими православными братьями и сестрами мы, католики, имеем возможность узнать больше о смысле епископской коллегиальности и их опыте соборности»), а также высоко оценивает сотрудничество с иудеями и мусульманами, призвав при этом исламские страны гарантировать христианским меньшинствам ту же свободу, которую имеют мусульмане на Западе.

Согласно практике (исходящей более из политических, чем религиозных мотивов), кардиналом может быть назначен и человек без священнического сана. Достаточно, чтобы он был посвящен в диаконы. Так стал кардиналом в 1641 г. по инициативе папы Урбана VIII мирянин Джулио Мадзарино (более известный ныне по романам А. Дюма как Мазарини), политик и дипломат; аналогично, но по протекции испанского короля Филиппа III, в 1618 г. был возведен папой Павлом V в сан кардинала, не будучи клириком, всемогущий королевский фаворит престарелый Франсиско Гомес де Сандоваль-и-Рохас, герцог Лерма; в 1858 г. папа Пий IX назначил кардиналом чиновника курии Теодольфо Мертеля (позднее тем же папой он был рукоположен во диакона).

Эти мысли вполне можно рассматривать как новый шаг в процессе организации уже объявленного пересмотра апостольской конституции *Pastor Bonus*. Еще одним шагом в этом направлении можно считать нововведения в функционирование Синода католических епископов: в заседаниях Чрезвычайной ассамблеи Синода епископов Римско-католической церкви, посвященной проблемам семьи (1-я сессия – в октябре 2014 г., 2-я сессия – в октябре 2015 г.), участвовали не только духовные лица, но и миряне: 13 аудиторов с правом не только слушать, как было прежде, но и высказываться, и порядка 40 семейных пар, приглашенных в качестве экспертов. В начале каждой генеральной конгрегации выступали со свидетельством супружеская пара или другие приглашенные гости. С 18 до 19 час. – время свободных дискуссий по темам, не касающимся тех, что обсуждались в течение заседания.

Папа, кроме того, принял решение о том, что латынь более не будет являться официальным языком Синода епископов. Поэтому, кстати, епископам была предписана свободная речь, а не зачитывание докладов по заранее подготовленному документу.

Особое внимание уделяет папа Франциск выбору будущих епископов. Выступая перед конгрегацией по делам епископов 28 февраля 2014 г., он особо подчеркнул, что самопожертвование и самоотречение – неотъемлемая часть миссии епископа: «Чтобы выбрать епископа, не нужно вести учет его человеческих достоинств, интеллекта и даже пастырских навыков. Но нам нужно, чтобы его человеческая целостность обеспечивала потенциал для здоровых отношений (...) чтобы он не проецировал свои недостатки на других и не выступал дестабилизирующим фактором. Его культурный уровень должен позволять вести полноценный диалог с людьми других культур. Его верность истине (...) его правильное управление ответственностью общины должны быть примером для мира».

Епископ должен быть пастырем, близким к людям, отцом и братом, терпеливым и милосердным, любящим бедность, внутренне свободным, внешне простым и ведущим строгий образ жизни, не амбициозным, не ищущим епископства, верным мужем церкви, не ищущим другой церкви, подлинным пастырем, следящим за единством общины. Папа призвал епископов быть настоящими проповедниками и хорошими молитвенниками: «Человек, который не может перед Богом встать на защиту своего народа, не может быть епископом, не может привести общину к Богу». Паства должна постоянно жить в сердце епископа. Конечно, найти таких кандидатов в епископы непросто. Поэтому папа призвал церковь молиться о том, чтобы Господь послал достойных кандидатов.

Появились намеки на «модернизационные» перспективы в католической церкви. Так, в сентябре 2013 г. новый государственный секретарь Ватикана Пьетро кардинал Паролин заявил, что «предыдущие усилия по институционализации церковью celibата могут быть пересмотрены. (...) Вполне возможно, что мы обсудим некоторые темы, которые не являются основополагающими в христианстве и требуют обновлений. Это произойдет в соответствии с волей Бога». Действительно, обет безбрачия католических священников латинского обряда (он давно уже подвергается критике даже в определенных церковных кругах, как стимулирующий различные неустойчивости, в том числе и сокращение числа стремящихся к священству) не является догматом и поэтому в принципе может быть отменен – конечно, не легко и не быстро, так как касается древних церковных традиций. Как показало одно из интервью самого папы Франциска в 2014 г., и сам он не далек от подобной точки зрения.

В то же время ряд аналитиков, не дождавшихся сиюминутных реальных плодов деятельности папы Франциска, отмечает: несмотря на все разговоры

о том, что усилиями нового «папы-реформатора» «церковь (...) никогда не будет такой, как раньше», его называют «реформатором без реформ», поскольку пока что «в Ватикане (...) все “меняется, чтобы ничто не изменилось”. И это пагубно для церкви, считают добрые католики».

5. Глобализация – угроза христианству. В то же время некоторые католические ученые видят в «либеральной глобализации» серьезную угрозу христианству: поскольку активность «либерального движения» все больше «сводится к одному – к концентрации капитала, к либерализованному и хаотичному капитализму, имеющему облик спрута и единую клиентелу, распространившуюся по всему миру», – как отмечает, например, Л.М. Мартинес Отеро. И этот процесс создания *Novus Ordo Seclorum* («Нового Мирового Порядка») развивается «благообразно и под видом демократии, которая вопреки нормальному порядку вещей построена на диктатуре общественного мнения», представляющего собой «не мнение и не волю кого-то в частности, а (теоретически) волю “всех”», – а именно «тех, кто творит ее закулисно». Результатом же становится, между прочим, «насилие над совестью» и «растущее невежество».

В одном из своих последних посланий, приуроченном к ежегодному Дню всемирных молитв о мире 1 января 2013 г., папа Бенедикт XVI призвал мировое сообщество *к созданию новой экономической модели и введению этических норм для рынков, поскольку мировой финансовый кризис доказал, что капитализм не защищает наиболее уязвимые слои общества.*

Папа высказал мысль, что экономические модели, построенные на идее извлечения максимальной прибыли и поощряющие конкуренцию, оказались не в состоянии отвечать базовым нуждам многих людей и могут (особенно в сочетании с продовольственным кризисом, который остается реальной угрозой для жителей некоторых уголков мира) стать причиной социальной нестабильности: «Вызывает тревогу появление очагов конфликтов и напряженности из-за роста неравенства между богатыми и бедными и распространения эгоистичного и индивидуалистического мировоззрения, что приводит к нерегулируемому капитализму».

Помимо создания новой экономической модели основополагающим и необходимым шагом, по мнению папы, является создание «этических структур для валютных, финансовых и коммерческих рынков». Такая мера позволит стабилизировать и лучше контролировать рынки, чтобы они не наносили вред беднейшим слоям населения.

Себя католическая церковь видит как посредницу между обществом и индивидом в процессе решения социальных проблем.

Эту линию на построение новой парадигмы в отношениях церкви с нецерковным обществом продолжил Франциск I. Так, в выступлении перед дипломатами 17 мая 2013 г., посвященном европейскому финансовому кризису, он заявил, что свободный рынок превратился в тиранию, в которой люди ценятся только как потребители, что поклонение золотому тельцу приняло новые бессердечные формы, превратившись в культ денег, а жизнь множества людей в богатых и бедных странах изменилась в последние годы к худшему: люди с трудом выживают в условиях диктатуры экономики, которая не имеет никаких реальных гуманистических ценностей.

«Деньги должны служить, а не править», – сказал папа, призвав к проведению гуманных финансовых реформ. Ориентиром этих реформ, сказал папа 8 июня 2013 г. в видеопослании, транслированном в Милане, служит «универсальный нравственный закон» Писания: «Десять заповедей указывают нам

путь и составляют своеобразный “этический кодекс” для созидания справедливого общества, ориентированного на человека», они указывают «путь свободы» и «учат избегать рабства, к которому ведут построенные нами многочисленные идола», которыми люди пытаются заменить Бога; они учат «относиться с уважением к людям, преодолевая жажду власти, обладания, денег, учат быть порядочными и честными в наших взаимоотношениях, беречь все творение и насыщать планету высокими, благородными, духовными идеалами».

«Мы установили, – сказал папа в интервью газете *La Repubblica* в октябре 2013 г., – что в мире и в обществе, где мы живем, эгоизм вырос намного больше любви к другим, и что люди доброй воли должны работать, каждый в меру своей силы и осведомленности, над тем, чтобы любовь к другим людям сравнялась с любовью к себе или даже переросла ее (...) я думаю, что так называемый дикий либерализм только делает сильных сильнее, слабых слабее, а отверженных еще более отверженными. Нужна великая свобода, никакой дискриминации, никакой демагогии и много любви. Нужны правила поведения и даже, если необходимо, прямое вмешательство государства ради исправления самого нестерпимого неравенства.

(...) Самые серьезные бедствия сегодняшнего мира – это безработица среди молодежи и одиночество покинутых стариков (...) молодым нужны работа и надежда, но у них нет ни того, ни другого, и беда в том, что они уже и не ищут. Они раздавлены настоящим. Скажите мне: можно так жить, раздавленными настоящим? Без памяти о прошлом и без планов осуществить мечту (...)? По-моему, это самая срочная проблема, которая стоит перед церковью (...) эта ситуация ранит не только тела, но и души. Церковь должна чувствовать свою ответственность и за души, и за тела».

Развивая свои социальные идеи, в проповеди в часовне в *Casa Santa Marta*, сказанной 11 ноября 2013 г., папа Франциск в очередной раз выступил против коррупционеров, «двойная жизнь» которых делает их похожими на «подкрашенную гниль»: «Христиане коррумпированы, священники коррумпированы. (...) Двойная жизнь христианина приносит много бед. “Но как же, я же жертвую церкви! Я кладу руку в карман и даю церкви”. Но другой рукой он крадет: у государства, у бедных... крадет. Это несправедливо. Это – двойная жизнь. И он достоин того, говорю не я, а Иисус, чтобы ему повесили на шею мельничный жернов и сбросили его в море. В данном случае Господь не говорит о прощении». Особо папа подчеркнул разницу между теми, кто грешит, и теми, кто позорит себя: «Тот, кто грешит, просит прощения, чувствует себя слабым, чувствует себя сыном Господа, смиряется. Тот, кто позорит себя, продолжает грешить, но делает вид, что он христианин». Такой человек ведет «двойную жизнь», обманывает, а там, где есть обман, «нет Бога Духа Святого».

В то же время он видит место церкви в современном обществе как место защитницы бедных во всем мире – всех, кто «живет в повседневной нестабильности».

«Страх и отчаяние охватывают сердца многих даже в так называемых богатых странах. Радость жизни угасает, непристойность и насилие растут, бедность становится все более заметной. Приходится бороться за жизнь, причем за жизнь в недостатке», – сказал он в мае 2013 г.

Причину этого Франциск I видит в «нашем отношении к деньгам, в том, что мы соглашаемся на их господство над нами и над нашим обществом». Этот глубокий антропологический кризис, связанный с отрицанием главенства человека в обществе и его экономике, является базисом современного мирового экономического кризиса. Современная антропологическая перспектива сводит человека к одной-единственной потребности: потреблять. Сам человек становится объектом потребления, который можно использовать и выбросить.

Рождается «новая невидимая тирания», причина которой – в отрицании этики и Бога: этика мешает, поскольку ссылается на Бога, Который находится за пределами рыночных категорий. Напоминая слова Иоанна Златоуста – «не позволять бедным иметь участие в своих собственных благах значит обкрадывать их и лишать их жизни. Не свои у нас богатства, а их», – папа Франциск предлагает осуществить «этическую финансовую реформу, которая, в свою очередь, привела бы к экономической реформе, благотворной для всех». «Деньги

должны служить, а не управлять. Папа любит всех – богатых и бедных, но папа обязан во имя Христа напоминать богатому, что он должен помогать бедному, уважать его и продвигать. Папа увещевает к бескорыстной солидарности и к возвращению этики на пользу человека в финансовой и экономической области.

Свой протест против «новой тирании» – «дикого капитализма» – папа Франциск формулирует *Urbi et Orbi* в апостольском обращении *Evangelii gaudium*: «Подобно тому, как заповедь “не убий” устанавливает четкие пределы хранения ценности человеческой жизни, сегодня мы должны сказать “нет” экономике исключения и неравенства. Такая экономика убивает. Как может быть так, что новостью не является смерть старого бездомного, оставшегося на улице, но новостью считается падение биржевых котировок на два процентных пункта?»

Для папы оценка экономики современного мира во всей ее полноте и неприглядности – не специальные упражнения в области «христианской экономической доктрины» или общепринятое морализаторство. «Евангелизировать, – пишет он, – означает сделать Царство Божие присутствующим в нашем мире. (...) Керигма³⁷ имеет явное социальное содержание: жизнь в общине и взаимодействие с другими людьми – это самое сердце Евангелия. Содержание первого благовестия немедленно рождает моральный смысл, сосредоточенный на милосердии (...) потому что “Бог во Христе искупает не только отдельного человека, но и социальные отношения, существующие между людьми”». Таким образом, усилия Церкви по обличению социальной дисгармонии мира и проповедь Евангелия в этом мире – явления одного духовного порядка.

Убивающее неравенство связано с «идеологией, которая защищает абсолютную автономию рынка и финансовых спекуляций», – считает папа. Этим «отрицаются права государств, наделенных правом защищать общее благо, на осуществление какого-либо контроля». «Так рождается новая тирания, невидимая, часто виртуальная, которая в одностороннем порядке неустанно навязывает свои собственные законы и правила. В такой системе, которая расположена к тому, чтобы пожирать все, что стоит на пути роста прибылей, все, что хрупко (как, например, окружающая среда) – беззащитно перед интересами обожествленного рынка».

Папа призвал к перестройке мировой финансовой системы и предостерег – неравномерное распределение богатства неизбежно приведет к насилию. «Пока проблемы бедных не будут решены, нельзя говорить, что хоть что-то делается для решения мировых проблем», – пишет понтифик, прося Господа даровать миру больше политиков, которые по-настоящему смогут понять и направить все свои силы на исцеление самых страшных ран общества.

«Я предпочитаю церковь в шрамах, страдающую и грязную, потому что она вышла на улицы, той церкви, которая больна тем, что изолировала себя и стала цепляться за собственную безопасность», – пишет он в апостольском обращении и призывает церковь учиться у бедных: «Они многому могут научить нас. Не только потому, что они разделяют чувство веры, но и потому, что в своей нужде они постигают страдания Христа. Нам нужно позволить себе, чтобы они благовествовали нам. Новое благовестие – это приглашение к признанию в их жизни спасительной силы труда, это помещение их в центр паломнического пути церкви. Мы призваны найти в них Христа, стать голосом их просьб, а также (...) принять непостижимую мудрость, которую Господь желает разделить с нами через них».

³⁷ Термин «керигма» (греч. κήρυγμα – «объявление, провозглашение, призыв, проповедь») близок по смыслу к понятию εὐαγγέλιον – букв. «благая весть» и в современном богословии означает не просто изложение истин веры, а один из аспектов сотериологического процесса, совершаемого через харизматических посланников Слова.

6. Проникновение в католическую церковь идей и практики религиозного синкретизма. Еще одна сложность, с которой повседневно сталкивается католическая церковь, связана с широким развитием миссионерства: очень часто новообращенные христиане (и даже давно уже обращенные, как в странах Латинской Америки) привносят в церковную жизнь столь существенные элементы местных культур, что приходится говорить о некоей форме *религиозного синкретизма, поддерживаемого церковью*.

Так, некоторые общины майя и другие индейские племена в религиозной жизни продолжают придерживаться местных культов с определенными христианскими включениями: «От католичества они взяли немного. Католические святые прижились здесь всего лет сто назад. Индейцы покупают иконы, переделывают на свой лад и используют в своих ритуалах. Католические мессы здесь не практикуются. Раз в год в поселок приглашают священника, который проводит коллективный обряд крещения. В остальное время священникам в храм входить запрещено.

(...) Индейцы очень своеобразно поклоняются Христу: делают подношение из фруктов и овощей, могут принести в жертву курицу. (...) В церкви Сан-Хуан-Чомулас (...) десять семей в разных частях храма проводили свои собственные службы. Мы все это не приветствуем, но и запретить не можем. (...) Я разрешаю своим прихожанам проводить обряды очищения, возжигать благовония и окуривать ими храм. Индейцы у меня кланяются четырем сторонам света, подносят Богу фрукты, танцуют в храме. Я и сам с ними танцую».

На Кубе с XVIII в. практикуется синкретический культ *сантерия*, возникший в результате смешения католицизма и верований народа йоруба; он распространен также среди афрокубинских иммигрантов в США и ряде других стран. Для приверженцев сантерии католические святые слились с богами пантеона йоруба. При этом адепты этого культа посещают католические церкви и официально фиксируют себя в качестве католиков.

В крупнейшей католической стране мира – Бразилии – существенную часть населения составляют последователи языческого культа *кандомблэ*, отождествляющего африканских богов с католическими святыми; при этом они не отказываются посещать католические церкви, совершая в то же время и языческие обряды.

Таким образом, требуется серьезная работа по целому ряду направлений, связанных с развитием и поддержанием христианской религиозности в обществе. В условиях принципиальной невозможности симфонии церкви

Католический священник в Мексике в головном уборе индейского вождя

Месса с народными танцами в кафедральном соборе Васай (Индия) (см.: Вокруг света. 2007. № 8)

и государства в современных условиях эта работа существенно затруднена и, несомненно, потребует от католической церкви серьезных богословских и церковно-практических усилий.

§ 9. Католическая церковь и Всемирный совет церквей

1. Позиция Ватикана во Всемирном совете церквей. II Ватиканский собор, к участию в заседаниях которого были приглашены в качестве наблюдателей представители протестантских, православных и древних восточных церквей, изменил формы общения католической церкви с христианами-некатоликами.

При папе Иоанне XXIII термины «ересь» и «еретики» в отношении некатоликов плавно исчезают из католического языка церковного общения. По указанию Иоанна XXIII в 1960 г. в курии был учрежден Секретариат по делам христианского единства во главе с кардиналом Беа. В августе 1963 г. представители Ватикана заявили на конгрессе Всемирного лютеранского союза в Хельсинки, что отныне католическая церковь официально отменила термин «еретик» в отношении протестантов, коих теперь следует называть «отделившимися братьями». В 1964 г. был создан Секретариат по нехристианским религиям во главе с Паоло кардиналом Марелла.

Тем не менее, обращаясь буллой *Mirabilis ille* от 6 января 1963 г. к участникам второй сессии II Ватиканского собора, папа Иоанн еще раз развил учение о католической церкви как единой и единственной истинной Церкви Христовой, в которую призваны вернуться все «братья, отделенные от этого апостольского престола», чтобы составить *одно стадо под одним пастырем* (ср.: Ин. 10, 16). На почве этого учения твердо стоял и глава новой ватиканской структуры кардинал Беа:

«Неправильно понимаемой любовью к несогласным братьям были бы попытки зародить в них надежду на то, что Римско-католическая церковь добивается лишь признания ими “основополагающих догматов”, не требуя от них принятия, например, догматических определений Тридентского собора и догмата о первенстве и непогрешимости папы. То, что церковь единожды провозгласила как определение веры, она провозгласила содействием Святого Духа как единую, Богом откровенную истину, касательно которой она никаким образом не имеет права действовать иначе. Господь вверил ей хранение и изъяснительное развитие истины Откровения, но не дал ей власти что-либо изменять в этих истинах».

В догматической конституции *Lumen gentium*, принятой II Ватиканским собором, в числе многих вопросов (включая и призыв проявлять «благоговейное послушание» в отношении «аутентичного учительства римского первосвященника» даже тогда, когда он не говорит *ex cathedra*) было специально сказано о церквях, которые признают крещение, но не находятся в единении с католической церковью и не признают власти папы – о протестантах, православных и др. С таковыми католическая церковь связана общей верой в Бога, Троицу, общими таинствами, она за них молится и надеется, что и они объединятся «в едином стаде под одним пастырем» (ср.: Ин. 10, 16). При этом, как было отмечено в соборном декрете *Orientalium Ecclesiarum* («О восточных католических церквях»), различия в культе, обрядах, литургии, традициях, даже

наличие собственной церковной иерархии и т.п. не мешают единству с католической церковью, главный пункт которого – признание папской супрематии.

О тех же, кто верит в Бога, но не знает Христа и Его Евангелия (иудеях, мусульманах и других «ищущих Бога»), в конституции сказано, что католическая церковь признает то, что в их религиях есть истинного, и готова вести свою проповедь и среди них. Эта же мысль (с уточнением о том, что церковь отвергает дискриминацию людей на основе расы, общественного положения и религии) проводится и в декларации об отношении к нехристианским религиям *Nostra aetate*.

Собор по-новому развернул учение о миссии церкви – в основном, под влиянием участников из стран, недавно освободившихся от колониальной зависимости. Так, архиепископ Дагомеи, представивший мнение епископов Африки и Мадагаскара, заявил в прениях, что в их странах миссионерство часто рассматривается как скрытая форма колониализма. Этот взгляд поддержал также куриальный кардинал Беа. С учетом сложившейся ситуации было признано необходимым менять формы и принципы миссионерской деятельности католической церкви в молодых независимых государствах.

В то же время на соборе обращалось внимание на необходимость миссии и в «старых» христианских странах, где набирает силу процесс дехристианизации.

Этот процесс на французской почве, например, представлялся в 1960-е годы так: «Большинство французов еще являются христианами только вследствие привычки, – писал директор агентства *Information catholique internationale* Ж. Урден. – Несмотря на религиозный подъем, захвативший в нашей стране многие тысячи семей, мы часто наталкиваемся на механическое выполнение предписаний религии: за ними, по нашему мнению, скрывается равнодушие, которое все растет и может привести к исчезновению всякого религиозного чувства. За этим «религиозным фасадом» и таится страшная опасность. Значительная часть нашего народа – люди, обладающие серьезной технической и научной подготовкой, уже отошли от церкви. Эти факты порождают сильную тревогу и призывают нас к решительным действиям». В Германии профессор Ф. Геер отмечал: «Молча, без слов, миллионы людей в Европе покинули христианство и церковь. Они отбросили христианство как неподходящую одежду. (...) Атеизм ставит перед современным христианством неотложные проблемы, которые в значительной мере преподносятся молча, без слов: строительством жизни, общества, образом жизни и жизненным порядком вне христианства. Христианин и ныне, и в будущем сам будет становиться более зрелым в той именно мере, в какой он всерьез будет воспринимать проблемы, выдвигаемые атеистами».

На эту проблему (усиленную контекстом осуждения идеологических систем, отрицающих Бога, – тех, которые «часто отождествляются с определенным экономическим, социальным и политическим строем и особенно с безбожным коммунизмом») обратил внимание в соборный период папа Павел VI в энциклике *Ecclesiam Suam* от 6 августа 1964 г.

Здесь важную роль призван играть «апостолат мирян» – активное участие мирян в литургической, приходской и общественно-политической жизни под руководством церкви (этой проблеме посвящен специальный декрет *Apostolicam actuositatem*).

При этом в декрете *Ad gentes*, посвященном миссионерской деятельности, признано целесообразным сотрудничество католиков с другими христианскими церквями в миссионерской сфере и даже сотрудничество с нехристианами в социальной и культурной областях.

В соборном декрете об экуменизме *Unitatis redintegratio*, определившем «католические принципы экуменизма», вновь сформулирован тезис о том, что католическая церковь во главе с папой – «единая и единственная церковь», коей Христос доверил «ключи от Царства» и обязанность «пасти Свое стадо». Со временем от нее отошли (часто не без вины обеих сторон) различные общины, коих католическая церковь рассматривает как братьев, признает с ними много общего и ожидает их возвращения в свое лоно: единство неотъемлемо от католической церкви, только она владеет полнотой истины и средствами спасения. Призывая католиков к участию в экуменическом диалоге, с тем чтобы они делали все возможное для примирения всех христиан в лоне «единой и единственной церкви Христа», декрет советует избегать как слов и действий, затрудняющих межконфессиональное общение, так и излишнего рвения на экуменическом поле.

В то же время нужно иметь в виду, что никакой внятной санкции по экуменическому диалогу с инославными II Ватиканский собор не дал. В декрете об экуменизме, например, о ВСЦ и его экуменической деятельности даже не упоминается и говорится только о «католических началах экуменизма». Собор нигде не отказывается от того подхода, который сформулировал папа Пий XI в энциклике *Mortalium animos* еще в 1928 г.

В этой связи существенная часть посылок, связанных с экуменизмом (например, слова кардинала Беа, характеризующие перемену отношения Святого престола к экуменизму после II Ватиканского собора: «Экуменизм стал отныне существенной составной частью пастырского действия всей католической церкви»), должна пониматься исключительно в отношении к *католическому экуменизму* – внутреннему совершенствованию католической церкви, расширению ее контактов с представителями других христианских конфессий и деноминаций, молитвам о единстве, объединительным процессам на основе признания «папской эkkлезиологии».

Декрет *Unitatis redintegratio* формулирует основы отношения католической церкви к христианам иных конфессий и деноминаций. Он указывает, что единая Церковь Христова пребывает только в католической церкви: «Мы верим, что единство неотъемлемо пребывает в католической церкви (...) ибо лишь через католическую церковь Христову, представляющую собою всеобщее орудие спасения, можно получить всю полноту спасительных средств».

В то же время декрет формулирует мысль, что не следует обвинять христиан из общин, живущих вне католической церкви, в грехе разделения:

«Немалое число общин отделилось от полного общения с католической церковью, иногда не без вины людей: и с той, и с другой стороны. Однако тех, кто рождается ныне в таких общинах и исполняется веры во Христа, нельзя обвинять в грехе разделения, и католическая церковь приемлет их с братским уважением и любовью. Ибо те, кто верует во Христа и должным образом принял крещение, находятся в известном общении с католической церковью, пусть даже неполном. (...) Тем не менее, оправдавшись верой в крещении, они сочетаются Христу и, следовательно, по праву носят имя христиан, а чада католической церкви с полным основанием признают их братьями в Господе».

«Правило по применению принципов и норм по экуменизму» отмечает, что даже «в эпоху, отмеченную возрастающей секуляризацией, побуждающей христиан к совместной деятельности в чаянии Царства Божия», не следует забывать о том, что «полнота единства Церкви Христовой сохранилась

Вселенский патриарх Варфоломей за богослужением, возглавляемым папой Римским Бенедиктом XVI. Ватикан, собор св. Петра, май 2006 г.

в католической церкви». «Единая Церковь Христова наличествует в церкви католической, “управляемой преемником Петра и епископами, находящимися в общении с ним” (...) Полнота полученной в откровении истины, таинств и служения, которое Христос даровал для созидания Своей Церкви и для исполнения ее миссии, находится в католическом общении церкви». Иные церкви (православные, дохалкидонские) и церковные общины (протестантские), «даже не пребывая в полноте общения с католической церковью, в действительности сохраняют некоторое с ней общение», однако «ни один христианин не может быть удовлетворенным этими несовершенными формами общения».

Понимая экуменическое движение как результат «неисповедимого действия Провидения Отца через Сына в Духе Святом», как «благодать Божию, дарованную Отцом в ответ на молитву Иисуса и моления Церкви, вдохновляемой Святым Духом», но, силою земных обстоятельств, погруженной в различные разделения, «Правило» одобряет участие католиков в различных формах экуменического сотрудничества и диалога. В то же время основной целью этого участия является манифестация католического вероучения и конечное достижение «объединения внутри католического общения».

Как указывает декларация *Dominus Iesus*, «католики призваны исповедовать, что существует историческая непрерывность – укорененная в апостольском преемстве – Церкви, основанной Христом и католической церковью: “Это и есть единственная Церковь Христова, (...) которую Спаситель наш по Воскресении Своем поручил пасти Петру (ср.: Ин. 21, 17) и ему же, как и другим апостолам, вверил ее распространение и управление (ср.: Мф. 28, 18) и навсегда воздвиг ее как *столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15). Эта Церковь, установленная и устроенная в мире сем как сообщество, пребывает (“*subsistit in*”) в католической церкви, управляемой преемником Петра и епископами в общении с ним”. Словосочетанием “*subsistit in*” (“пребывает в”) II Ватиканский собор стремился уравновесить два вероучительных высказывания: с одной стороны, что Церковь Христова, несмотря на разделения, существующие между христианами, пребывает в полноте лишь в католической церкви; с другой стороны – то, что “вне ее ограды также можно встретить множество крупниц святости и истины” (т.е. в церквях и церковных общинах, не состоящих в совершенном общении с католической церковью). Однако, принимая это во внимание, необходимо утверждать, что “сила их исходит от той полноты благодати и истины, которая вверена католической церкви”.

Христианам (...) нельзя полагать, что Церковь Христа – просто собрание – разделенное, но тем не менее в чем-то единое – церковей и церковных общин; также нельзя считать, что в наше время Церковь Христова более нигде не пребывает, напротив, следует верить, что она – цель, к которой должны стремиться все церкви и церковные общины.

В действительности элементы этой уже устроенной Церкви существуют, объединены в полноте в католической церкви и, без этой полноты, в других общинах.

Следовательно, хотя мы и верим, что эти церкви и отделенные от нас общины страдают некоторыми недостатками, тем не менее они облечены значением и весом в тайне спасения. Ибо Дух Христов не отказывается пользоваться ими, как спасительными средствами, сила которых исходит от той полноты благодати и истины, которая вверена католической церкви.

Недостаток единства христиан, безусловно, ранит церковь; не в том смысле, что она оказывается лишенной единства, но в том, что разделение препятствует совершенной реализации ее вселенскости в истории».

В то же время католический экуменизм не предполагает «упразднения межконфессиональных различий благодаря приведению догматов всех церквей к единому компромиссному варианту – общему для всех христианскому учению». Это неприемлемо, потому что «вся полнота истины пребывает в католической церкви», и менять свою догматику в угоду неким человеческим принципам католическая церковь не может.

Как разъяснил председатель Папского совета по содействию христианскому единству Курт кардинал Кох, если мы и в самом деле будем горячо молиться о единстве Церкви, разделяющие христиан стены могут однажды рухнуть, причем совершенно для нас неожиданно. Характеризуя нынешнее положение дел в экуменической сфере, глава Папской дикастерии отметил: «В последние годы и десятилетия здесь имело место немало изменений. Например, во многих церквях стремятся заново переосмыслить собственную идентичность. И это очень правильно: ведь чтобы вести продуктивный диалог, необходимо прежде иметь ясное сознание собственной идентичности. Проблемой остается тот факт, что у нас разные представления о единстве, а это существенно затрудняет диалог».

По словам папы Бенедикта XVI, произнесенным на экуменической вечерне 25 января 2012 г. в римской церкви Сан Паоло фуори ле Мура, «несмотря на имеющиеся разделения между христианами, нам следует смотреть в будущее с надеждой, одновременно трудясь ради общего блага. Объединенные во Христе, мы призваны к участию в Его миссии, что предполагает возведение надежды повсюду, а особенно там, где преобладают несправедливость, ненависть, отчаяние». Понтифик признал, что существующие между христианами разделения ослабляют силу их свидетельства, но вместе с тем предостерег от искушения рассматривать процесс возвращения к видимому единству церкви в мирских категориях или ожидать немедленных решений на этом пути. «Нам надлежит стремиться к единству терпеливо и настойчиво, в надежде, что Бог подаст нам этот дар, – сказал Бенедикт XVI. – Несмотря на то что порой кажется, будто путь к восстановлению полного общения все еще очень долг и исполнен препятствий, я призываю всех обновить свою решимость стремиться к единству со всей отвагой и великодушием, поскольку такова воля Божия», а Богу «свойственно доводить все Свои начинания до благополучного завершения». Папа полагает, что в нашу эпоху экуменический диалог приобретает чрезвычайную важность, поскольку мы обязаны откликнуться на вызов времени, все более погружающего всех нас «в пучину релятивизма», и надеется (как он писал в интронизационном поздравлении коптскому патриарху Тавадросу II), что «все последователи учения Христа обретут единение в любви и примирении».

Папа Бенедикт полагал, что есть и обнадеживающие знаки в виде восстановленных братских отношений между некоторыми общинами и группами христиан. Чаще всего это происходит там, где христиане объединяют свои практические усилия в ответ на общий вызов, брошенный им миром, или с целью способствовать разрешению общих для всех наших современников проблем: «Все это должно стать для нас поводом для радости, исполнить нас великой надеждой и поощрить в дальнейшем следовании к конечной цели единства», в том числе – «путем расширения богословского диалога в духе братского сотрудничества», который является существенным элементом «развития в сторону дальнейшего сближения».

Таким образом, суть католического экуменизма состоит не в отказе от части своей догматики ради создания приемлемого для всех конфессий компромиссного вероучения. Смысл приведенных высказываний – в уважении ко всему тому в других конфессиях, что не противоречит уже имеющейся католической вере.

Как указывает декрет об экуменизме *Unitatis redintegratio*, «необходимо, чтобы католики с радостью признавали и ценили подлинно христианские блага, восходящие к общему наследию, которыми обладают отделенные от нас братья. Справедливо и спасительно признавать богатства Христовы и действия Его сил в жизни других, свидетельствующих о Христе, иногда даже до пролития собственной крови, ибо Бог всегда дивен, и надлежит восхищаться Им в Его делах».

Декрет подчеркивает особую близость к католичеству православных церквей, которые признаются истинными Поместными церквами с действительными таинствами и апостольским преемством. Поэтому католическая церковь разрешает своей пастве прибегать к таинствам в православных церквях, если у них нет возможности сделать это в католической общине. Также и православные, при отсутствии возможности прибегнуть к таинствам в православных общинах, могут быть допущены к ним в католических церквях.

Более отдаленными от католичества признаются протестантские деноминации. В то же время протестантам, при определенных условиях, также разрешается прибегать к таинствам в католических общинах, если они исповедуют правильное с точки зрения католицизма понимание таинств.

В то же время канон 751 Кодекса канонического права 1983 г. гласит: «Ересью называется упорное отрицание после крещения какой-либо истины, в которую следует верить Божественной и католической верой, или упорное сомнение в ней; отступничеством – полное отвержение католической веры; схизмой – отказ от подчинения верховному понтифику или от общения с подвластными ему членами церкви». Католическое охранительное богословие понимает дело так, что с этих канонических позиций, в свете буллы папы Евгения IV *Cantate Domino* от 2 апреля 1440 г., направленной Флорентийскому собору, православные христиане, например, сознательно отрицающие католические догматы (папской супрематии, *Filioque* и др.) и отказывающиеся от общения с папой Римским, объективно повинны в формальной ереси и формальной схизме (расколе) и не могут спастись, если умрут в этом состоянии: экуменизм в католическом понимании не означает отрицания догмата о том, что нет спасения вне истинной (в данном контексте – католической) церкви.

Все, что не согласно с таким пониманием, может быть оценено лишь как «ложный экуменизм», скрывающий свет католической истины.

«Ложный экуменизм», прячущий свечу «католической истины» под сосудом «человекопочитания», – аллегория на евангельский текст: *Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет* (Лк. 8, 16; ср.: Мф. 5, 15; Лк. 11, 33)

В этом контексте следует рассмотреть заявление папы Бенедикта XVI о том, что экуменическая работа является ключевым компонентом «новой евангелизации», сделанное им в ходе встречи с членами Папского совета по содействию христианскому единству 15 ноября 2012 г. Хотя, по словам папы, экуменизм призывает к «терпению, смирению и покорности воле Божией», христиане тем не менее должны быть упорны в стремлении преодолеть разделение и никогда не должны воспринимать трещины внутри христианской общины как «что-то нормальное или лучшее из достижимого».

Католическая церковь, несмотря на то что она не является членом ВСЦ, тесно сотрудничает с ним на протяжении более чем 30 лет: направляет своих представителей на все крупные форумы ВСЦ, на заседания его Центрального комитета и ассамблей. Представители католической церкви участвуют как полноправные члены во многих комиссиях ВСЦ. Со своей стороны, наблюдатели от ВСЦ присутствовали на II Ватиканском соборе. В 1968 г. папа Павел VI направил послание председателю IV Генеральной ассамблеи ВСЦ – первое прямое обращение Святого престола к руководящему органу экуменического движения.

Папский совет по христианскому единству назначает 12 представителей в комиссию ВСЦ «Вера и церковное устройство», сотрудничает с ВСЦ в подготовке материалов для местных общин и приходов, используемых во время ежегодной Недели молитвы о христианском единстве.

Поворот во взаимоотношениях католической церкви с экуменическими кругами (не вызвавший, однако, никаких организационных изменений) произошел после II Ватиканского собора, о чем свидетельствует целый ряд источников: посвященный экуменизму декрет собора *Unitatis redintegratio*, утвержденный папой Павлом VI 21 ноября 1964 г.; «Экуменические правила» 1967 и 1970 гг.; «Правило по применению принципов и норм по экуменизму», разработанное Папским советом по развитию христианского единства в 1993 г.; энциклика папы Иоанна Павла II *Ut unum sint* (1995); декларация Конгрегации вероучения *Dominus Iesus* (2000) и другие официальные документы Святого престола.

«Новый подход» католической церкви к экуменизму был оглашен в докладе представителя Ватикана на IV Генеральной ассамблее ВСЦ иезуита Роберто Туччи. Констатируя перемены, начатые понтификатом Иоанна XXIII, о. Туччи отметил, что в настоящее время Святой престол видит в ВСЦ «учреждение промыслительное» и считает его особо ценным орудием единого экуменического движения. Был даже дан положительный ответ на вопрос о возможности вступления католической церкви в ВСЦ – правда, для этого необходимо

преодолеть множество противоречий доктринального, психологического и практического характера.

На сессии ЦК ВСЦ в Энугу (Нигерия) в январе 1965 г. католикам было предложено создать совместную рабочую группу по изучению проблем, интересующих обе стороны. В феврале того же года кардинал Беа посетил в Женеве В.А. Виссер'т Хофта и заявил, что Ватикан принимает предложение ВСЦ. Сопредседателями объединенной рабочей группы стали Генеральный секретарь ВСЦ и руководитель ватиканского Секретариата по содействию христианскому единству. Первые результаты совместных работ обсуждались на ряде сессий ЦК ВСЦ (в 1966 и 1967 гг.). По решению рабочей группы в 1967 г. была создана объединенная богословская комиссия для совместного решения ряда спорных теологических вопросов, связанных с учением о Церкви. В 1970 г. материалы этой комиссии обсуждались на богословской консультации в Картиньи (близ Женевы) представителями протестантских деноминаций (четыре участника), католической (11 участников), православных (четыре участника) и дохалкидонской Эфиопской (один участник) церквей.

С времени понтификата Павла VI развиваются прямые контакты руководства Ватикана и ВСЦ. В 1968 г. католическая церковь стала участницей комиссии «Вера и церковное устройство», а в июне 1969 г. римский понтифик впервые посетил штаб-квартиру ВСЦ в Женеве, заявив при этом, что отношения между католической церковью и ВСЦ показали свою полезность.

С 1976 г. в Риме начинает работу Смешанная международная комиссия по богословскому диалогу между католической и православной церквями, 29 марта – 1 апреля 1978 г. состоялось ее первое подготовительное заседание под председательством православного епископа Карфагенского Парфения и католического епископа Рамона Торелла.

2. Экуменический диалог и его канонические и богословские основания. В рамках богословского диалога время от времени организуются совместные православно-католические мероприятия. Так, в 2007 г. Римско-католическая церковь и часть восточных церквей в рамках 10-го пленарного заседания Смешанной православно-католической богословской комиссии подписали так называемый *Равеннский документ*, признающий первенство епископа Рима (папы) и предполагающий, что будущие обсуждения должны строиться с учетом этого первенства.

Критики Равеннского документа отмечают, что он вводит читателей в заблуждение отсутствием упоминаний о различиях отношения православных и католиков к устройству церковной иерархии: «В тексте говорится о том, как с точки зрения управления организована церковь в западной и восточной традициях, однако не упоминается о том, что мы имеем дело с двумя разными моделями церковного управления: централизованной, основанной на понимании вселенской юрисдикции папы, и децентрализованной, основанной на понятии общения автокефальных поместных церквей (...) По сути, в католической церкви есть лишь один примат – примат папы (...) Именно папа утверждает решения соборов, как региональных, так и Вселенских, дает согласие на каждое назначение епископа и является воплощением полноты церковной власти. Никогда такого рода примата не существовало в православной традиции: в ней лишь

Участники встречи: в центре – митрополит Швейцарский Иеремия (Константинопольский Патриархат), второй справа – архиепископ Женевский Михаил (РПЦЗ МП). Фрибур (Швейцария), 8–9 мая 2012 г.

существует установленный порядок (диптих), в соответствии с которым один из предстоятелей занимает первенствующее положение».

Русская православная церковь Равеннский документ не подписала и отношение к нему выразила в «Позиции Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской церкви» 2013 г. Согласно этому документу, первенство во Вселенской православной церкви является по самой своей природе первенством чести, а не власти. Как отмечалось в одном из официальных выступлений представителя Московского Патриархата в ноябре 2014 г., «оценка текущего состояния православно-католического диалога ясно показывает, что большинство православных представителей, скорее, поддерживают тысячелетнюю полемику против папизма. (...) Примат в том виде, в каком он представлен в западной традиции, был и остается чуждым Востоку. Другими словами, православные не готовы принять папизм ни в какой его форме».

8–9 мая 2012 г. во Фрибуре состоялась первая официальная встреча Конференции католических епископов Швейцарии (включает 12 епископов) и Ассамблеи православных епископов Швейцарии (восемь епископов), организованная Конференцией католических епископов Швейцарии. Мероприятие возглавили руководители названных организаций – епископ Норберт Бруннер (католическая церковь) и митрополит Швейцарский Иеремия (Константинопольский Патриархат).

Главной целью встречи стали «взаимное знакомство, молитва, обмен пастырским и богословским опытом». В совместном коммюнике по итогам диалога указывается, что «католическая и православная церкви признают друг друга церквями-сестрами, однако они имеют разногласия в понимании Петрова служения епископа Рима».

В продолжение политики развития экуменического диалога с протестантами в 2008 г. Ватикан поднял вопрос о возможности реабилитации М. Лютера на том основании, что Лютер не стремился к церковному расколу, а лишь хотел очистить церковь от порочащих ее практик³⁸.

Возникла точка зрения, что «как православное, так и протестантское видение Церкви, отраженное в литургии, не находится в принципиальном противоречии с католическим пониманием Церкви», – по крайней мере в июне 2012 г. ее развил на богословском симпозиуме в ирландском Майноте кардинал К. Кох, возглавляющий Папский совет по содействию христианскому единству.

Как православную, так и протестантскую экклесиологию «возможно интегрировать в католическое видение», – уже потому, что протестантское и католическое понимание церкви объединяет убеждение, что «в евхаристическом собрании присутствует полнота Церкви».

Однако особенность католического видения проблемы состоит в том, что евхаристическое собрание «не является всей Церковью»: «для бытия Церковью незаменимо» совершение Евхаристии в единстве между собой, с епископами и с папой Римским.

Именно поэтому, подчеркнул кардинал Кох, «совместное причащение находится в конце, а не в начале экуменического пути», поскольку самой целью экуменического обязательства является церковное единство (т.е., надо понимать, единство с Римской церковью и возглавляющим ее папой), без которого не может быть единства евхаристического.

Как показывает практика, изменяется позиция католической церкви в области учения о таинствах. Так, на весну 2012 г. было назначено подписание многостороннего документа о взаимном признании действительности таинства крещения, намерение участвовать в котором выразили согласие восемь христианских церквей Нидерландов (в том числе Римско-католическая церковь и Протестантская церковь Нидерландов, в состав которой входят две реформатские и одна лютеранская общины, а также реформатское братство – отколовшаяся в XVII в. от реформатов община, не принявшая учения о предопределении). Взаимное признание крещения означает, что при переходе из одной религиозной общины в другую не нужно будет вновь совершать это таинство.

В *Христологической декларации*, подписанной папой Иоанном Павлом II и патриархом Ассирийской церкви Востока Мар Динхой IV, которая расценивается Ватиканом как «веха на пути к полному единству» двух церквей, было признано, что обе церкви исповедуют «единую апостольскую веру, веру в божество и человечество Господа нашего Иисуса Христа, соединенные в единой Личности, без изменения, без разделения, без отделения». Оценивая значение этой декларации, папа Франциск подчеркнул: «мы исповедуем в единстве одну и ту же веру в Сына Божия, ставшего человеком, дабы мы, посредством Его благодати, стали сынами Божиими», и выразил надежду на то, что, в том числе и благодаря усилиям Смешанной международной комиссии по богословскому диалогу, «близок тот благословенный день, когда мы сможем возносить на одном Престоле жертву хвалы, которая соделает нас едиными во Христе». Условия для такого полного евхаристического общения пока не назывались. Однако, как указал папа Франциск, «то, что нас объединяет, уже намного превосходит то, что разъединяет. Поэтому мы чувствуем

³⁸ Сдвиг в лютеранско-католических отношениях наметился еще на V Всемирной лютеранской ассамблее (1970). Хотя серьезного прогресса достигнуто не было, кардинал И. Виллебрандс, представлявший на ассамблее Ватикан, заявил, что «диалог непременно должен продолжаться – как диалог друг с другом, а не друг против друга».

Встреча папы Римского Франциска I с раввинами. Иерусалим, 25 мая 2014 г.

наитие Святого Духа уже теперь делиться друг с другом духовными дарами наших церковных традиций, чтобы жить как истинные братья, делиться дарами, которые Господь не прекращает изливать на наши церкви в знак Своей благодати и милости».

Важным следствием II Ватиканского собора стали изменения канонического сознания католической церкви: если до собора считалось, что католическая церковь имеет исключительное право юрисдикции над всеми крещеными, в какой бы конфессии они ни крестились, то после собора Ватикан признает свою юрисдикцию только над католиками. Это привело к важным гражданско-правовым последствиям. Так, несмотря на то, что согласно католическому каноническому праву брак между католиками и не католиками запрещается, появилась возможность *диспенсации* (освобождения от запрета), которую может дать местный епископ – при наличии веских оснований и при условии, что католическая сторона будет соблюдать обязательства, которые проистекают из принадлежности к ее вероисповеданию.

В то же время префект Конгрегации вероучения монсеньор Герхард Мюллер, поясняя 31 октября 2012 г. на радио Ватикана цели и формы современного межрелигиозного диалога, отметил, что «для христианина уважение религиозного чувства других не означает и не должно означать отказа от собственной веры, самоидентификации и от окончательной истины, полученной посредством Церкви в Божественном откровении». Церковь, подчеркнул прелат, может вести подлинный диалог, только отталкиваясь от истины о себе самой. Было бы обманом скрывать собственную веру и дистанцироваться во имя «политкорректного» диалога от исключительности Откровения и воплощения Сына Божьего.

Возможно, новый подход к экуменическому диалогу скрывается в некоторых высказываниях папы Франциска I, в восприятии которого (как он сам сформулировал 22 января 2014 г.) «разделение между христианами – это скандал». Древний упрек апостола Павла в адрес коринфских христиан, выраженный словами: *разве разделился Христос?* (1 Кор. 1, 13) – сегодня, считает понтифик, «адресован нам». «Имя Христа, – сказал он во время общей аудиенции

в соборе св. Петра, ссылаясь на апостола Павла, – создает общность и единство, а не разделение», разделения же «ослабляют убедительность и эффективность нашей приверженности к евангелизации».

Папа Франциск призывает всех христиан усугубить молитвы о восстановлении единства, «которого Иисус добивался среди своих учеников». В этом контексте экуменическая деятельность в современном мире имеет для христиан экзистенциальную значимость. Эта деятельность (как отметил папа на встрече с делегацией Лютеранской церкви Финляндии 17 января 2014 г.) – «духовный процесс, который осуществляется с верным повиновением Отцу, во исполнение воли Христа и под руководством Св. Духа». И чтобы ее осуществлять, христиане сами «должны сильно измениться, прежде всего в связи с тем, что нам нужно исповедовать свою веру в государствах и культурах, в которых все меньше присутствует упоминание о Боге и обо всем, что относится к трансцендентному измерению жизни».

В то же время, размышляя о путях достижения христианского единства, в интервью газете *La Repubblica* в октябре 2013 г. папа Франциск отметил: «Прозелитизм – это напыщенная глупость, он не имеет смысла. Надо знакомиться, слушать друг друга и узнавать мир, который нас окружает. (...) Вот что важно: знакомиться, слушать друг друга, расширять круг мыслей. Мир пересекают дороги, которые то сближаются, то расходятся, но важно то, что ведут они к Добру. (...) У каждого из нас есть понятие о Благе и о Зле. Мы должны всячески побуждать человека стремиться к тому, что он сам считает Благом». Не менее важным представляется и другое его замечание: «Я верую в Бога. Не в католического Бога, такого нет, есть Бог. И в Иисуса Христа, Его воплощение. Иисус – мой Учитель и Пастырь, а Бог, Отец, Авва – это свет и Творец».

Важнейший шаг на пути к единству, по мысли папы Франциска, высказанной после встречи с Вселенским патриархом Варфоломеем в ноябре 2014 г., – это декрет II Ватиканского собора о христианском единстве *Unitatis redintegratio*: «Это фундаментальный документ, который открыл новые пути для общения между католиками и их братьями и сестрами из других церквей и церковных сообществ. В частности, в этом декрете католическая церковь признает, что православные церкви обладают истинными таинствами, прежде всего – в силу апостольского преемства – таинствами священства и Евхаристии, посредством чего они по-прежнему находятся с нами в наибольшей близости».

На общей аудиенции для верующих 25 июня 2014 г. папа Франциск, предостерегая католиков относительно заблуждения о возможности некоего «личного» общения с Богом вне Церкви³⁹, заявил: «Мы христиане, потому что мы принадлежим к Церкви. Это как фамилия: если имя – “я христианин”, то фамилия – “я принадлежу к Церкви”. (...) Вы не можете любить Бога, не любя братьев, вы не можете любить Бога вне Церкви, вы не можете быть в общении с Богом, не будучи в Церкви». 8 октября 2014 г., обращаясь к верующим на площади св. Петра, папа на свой же риторический вопрос («Мы смирились или нам даже безразлично это разделение? Или мы твердо верим, что мы можем и мы должны вместе двигаться в сторону примирения и полного общения?») ответил: «Живя в истине и практикуя прощение и милосердие, мы будем наилучшим образом соответствовать воле Христа, примирившись друг с другом».

³⁹ Обращаясь к тем, «кто считает, что можно иметь личные, прямые, непосредственные отношения с Иисусом Христом вне общины и посредничества Церкви», папа подчеркнул: «Это опасное и вредное искушение».

и приблизившись к цели полного единства, которого Он хочет для всех своих учеников. Так на этом пути мы достигнем общения. Это называется духовным экуменизмом – идти по жизненной тропе вместе в нашей вере в Господа Иисуса Христа».

А 28 июля 2014 г. во время аудиенции, данной делегации Вселенского Патриархата во главе с пергамским митрополитом Иоанном Зизиуласом, папа отметил, что «единство – это дар Божий, подарок, который и сейчас Всевышний дарит нам всякий раз, когда мы смотрим друг на друга глазами веры и видим самих себя как истинный Божий план, в соответствии с замыслами Его вечной воли, а не то, что мы получили в результате исторических последствий наших грехов».

«Единственное, чего желает католическая церковь и к чему я стремлюсь как епископ Рима, т.е. *церкви, председательствующей* в любви, – это общение с православными церквями», – заявил папа Франциск в ноябре 2014 г. в ходе официального визита к Вселенскому патриаршему престолу. И этот путь, по мнению папы, уже начат: «У них и таинства, и апостольская преемственность... мы на пути. А чего нам ждать? Чтобы богословы договорились? Уверю Вас, такой день, наверное, не наступит: я скептик. Хорошо работают богословы, но я помню то, что, как рассказывают, Афинагор сказал Павлу VI: мы пойдем вперед вместе, а богословы пусть посидят себе на каком-нибудь островке и подумают... (...) Так что мы не можем ждать: единство – это путь, путь, который надо проделать вместе». И главный инструмент здесь – межличностное общение: «Встречаться и смотреть друг другу в глаза, обмениваться объятием мира, молиться друг за друга – это главные элементы на пути к установлению полного единства, к которому мы стремимся. Все это предваряет и сопровождает другое существенное измерение этого пути, а именно богословский диалог. Подлинный диалог – это всегда встреча между людьми, у которых есть имя, лицо, история, – это не только встреча идей».

В проповеди, сказанной в константинопольском кафедральном соборе св. Георгия 30 ноября 2014 г., папа Франциск заверил слушателей в том, «что для достижения желанной цели – полного единства – католическая церковь не намерена навязывать никаких требований, *кроме исповедания общей веры*, и что мы готовы вместе искать, в свете учения Писаний и опыта первого тысячелетия, способы, которые могут обеспечить необходимое единство Церкви в современных условиях» (курсив наш. – В.С.).

Вряд ли возможно думать при этом, что под *верой* папа имел в виду нечто иное, чем вера *той «председательствующей» церкви*, о которой в § 816 современного «Катехизиса католической церкви» сказано следующее: «Единственная Церковь Христова (...) та, которую наш Спаситель по воскресении Своим поручил паписту Петру, и ему же и другим апостолам вверил ее распространение и управление (...). Эта церковь, основанная и устроенная в мире как общество, пребывает в (*subsistit in*) *католической церкви, управляемой преемником Петра и епископами, находящимися в общении с ним*» (курсив наш. – В.С.).

Определенный импульс поискам христианского единства в среде католиков и православных придала проблема ближневосточных мигрантов, всколыхнувшая европейский континент в 2015 г. Эта проблема, воспринятая христианами мира как широкомасштабный гуманитарный кризис, сформировала новый контекст межконфессионального диалога.

Так, она обсуждалась на встрече папы Римского Франциска и патриарха Московского и всея Руси Кирилла в аэропорту Гаваны 12 февраля 2016 г., где, в частности, отмечалось, что «православные и католики объединены не только общим Преданием Церкви первого тысячелетия, но и миссией проповеди Евангелия Христова в современном мире. Эта миссия предполагает взаимное уважение членов христианских общин, исключает любые формы прозелитизма. Мы не соперники, а братья: из этого понимания мы должны исходить во всех наших действиях по отношению друг к другу и к внешнему миру. Призываем католиков и православных во всех странах учиться жить вместе в мире, любви и единомыслии между собою».

Встреча папы Римского Франциска I и патриарха Московского и всея Руси Кирилла

(Рим. 15, 5). Недопустимо использовать неподобающие средства для принуждения верующих к переходу из одной церкви в другую, пренебрегая их религиозной свободой и их собственными традициями. (...) Процесс европейской интеграции, начавшийся после столетий кровавых конфликтов, был воспринят многими с надеждой, как залог мира и безопасности. В то же время мы предостерегаем против такой интеграции, которая не уважает религиозную идентич-

ность. Будучи открыты к вкладу иных религий в нашу цивилизацию, мы убеждены, что Европа нуждается в верности своим христианским корням. Призываем христиан Западной и Восточной Европы объединиться для совместного свидетельства о Христе и Евангелии, дабы Европа сохранила свою душу, сформированную двухтысячелетней христианской традицией. (...)

Осознавая многочисленные препятствия, которые предстоит преодолеть, мы надеемся, что наша встреча внесет вклад в дело достижения того богозаповеданного единства, о котором молился Христос. Пусть наша встреча вдохновит христиан всего мира с новой ревностью призывать Господа, молясь о полном единстве всех Его учеников. Пусть она – в мире, который ожидает от нас не только слов, но и деяний – станет знаменем упования для всех людей доброй воли. В решимости прилагать все необходимое для того, чтобы преодолевать исторически унаследованные нами разногласия, мы хотим объединять наши усилия для свидетельства о Евангелии Христовом и общем наследии Церкви первого тысячелетия, совместно отвечая на вызовы современного мира. Православные и католики должны научиться нести согласное свидетельство истины в тех областях, в которых это возможно и необходимо. Человеческая цивилизация вступила в период эпохальных перемен. Христианская совесть и пастырская ответственность не позволяют нам оставаться безучастными к вызовам, требующим совместного ответа» (*Совместное заявление, 6–7; 16; 24*).

В ходе визита папы на греческий остров Лесбос 16 апреля 2016 г. было подписано совместное заявление глав Римской, Вселенской и Элладской церквей, где, в частности, указывается: «Европа сегодня столкнулась с одним из самых серьезных гуманитарных кризисов с момента окончания Второй мировой войны. (...) Широкий международный консенсус и программа помощи срочно необходимы, чтобы поддержать право на защиту основных прав человека в этой невыносимой ситуации (...) повинуюсь воле Господа нашего Иисуса Христа, мы твердо намерены безоговорочно активизировать наши усилия по содействию полному единству всех христиан. Мы вновь подтверждаем нашу убежденность в том, что «следует стремиться к примирению (между христианами), чтобы содействовать социальной справедливости среди всех народов (...)» (Экуменическая хартия, 2001)».

Обобщение

Начиная с 1870-х годов Святой престол был вынужден приспособливаться к новым условиям существования: сохранив за собой институциональное главенство в католическом мире, он в то же время должен был определить для себя новый *status quo* в системе международных отношений (ввиду упразднения Папской области и фактического прекращения светской власти пап). Важную роль в этом процессе сыграли Латеранские соглашения, определившие статус государства Ватикан.

В годы Первой мировой войны и в межвоенный период папство пытается найти свое место в мировой политической системе в качестве миротворца. В то же время осуществляются важные внутренние изменения: кодификация

канонического права укрепляет внутренние основы католической церкви, а развивавшаяся (во многом в связи с «литургическим движением») в понтификат Пия XII идея литургического реформирования (продолжившая меры, начатые еще при Пие X) проложила дорогу к неоднозначным литургическим нововведениям II Ватиканского собора, имевшим целью активизировать личное участие христиан в богослужении.

Важным инструментом консолидации внутренних сил католицизма стал проникнутый духом реформизма II Ватиканский собор. Он сформулировал ответ католической церкви на стремительные процессы секуляризации мышления и общественного поведения и сформировал основы церковной политики в условиях развернувшихся во второй половине XX в. монополярных глобализационных процессов.

Католическая церковь не участвует в деятельности ВСЦ, предъявляя к нему серьезные экклезиологические претензии, основой которых является «папская теология». В то же время она не уклоняется от межрелигиозного диалога, выступая в нем, как правило, с доминирующих позиций. Несмотря на многочисленные документы, появившиеся после II Ватиканского собора и развивающие богословскую теорию «церквей-сестер», католическая церковь в Новое и Новейшее время фактически поддерживает унию как единственный метод воссоединения «отпавших» религиозных структур с Матерью-Церковью, под которой понимается только католическая церковь.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем особенность политического положения Ватикана в годы Первой мировой войны и в межвоенный период?
2. Сформулируйте основные направления деятельности Ватикана в годы Второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие (до середины 1950-х годов).
3. Как осуществлялась подготовка II Ватиканского собора?
4. Каковы основные решения II Ватиканского собора (в области догматики, экклезиологии, пастырского служения, литургики)?
5. В чем состоят основные принципы литургической реформы в католической церкви, предпринятой в связи с решениями II Ватиканского собора?
6. В чем суть лефевристской оппозиции Ватикану?
7. Каковы основные принципы отношений католической церкви с Всемирным советом церквей? В чем суть католической богословской оппозиции экуменизму?
8. Как можно охарактеризовать современное состояние католической политики унионизма?
9. Какова позиция католической церкви в процессе глобализации?